

И. С. Нарский

Отчуждение и ТРУД

По страницам
произведений
К. МАРКСА

Издательство „Мысль“

**Отчуждение
и
ТРУД**

Портрет К. Маркса 1867 года

И. С. Нарский

Отчуждение и ТРУД

По страницам
произведений
К. МАРКСА

Москва «Мысль» 1983

РЕДАКЦИИ ФИЛОСОФСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Рецензенты:

доктор философских наук,
профессор Б. В. МЕЕРОВСКИЙ
доктор философских наук,
профессор Н. И. СТЯЖКИН

Нарский И. С.

Н28 Отчуждение и труд: По страницам произведений К. Маркса. — М.: Мысль, 1983. — 144 с.
65 к.

Книга посвящена выяснению места, сущности и характера действия категории отчуждения в наши дни, когда современные буржуазные марксологи и ревизионисты, искажая действительные функции процесса труда, пытаются вновь и с особым усердием доказать «вечность» и «незыблемость» отчуждения. Анализ дается на широком историко-философском материале.

Для специалистов-философов, преподавателей вузов, научных сотрудников, аспирантов, слушателей высших партийных школ.

0302000000-064

Н ————— 20-83
004(01)-83

ББК 65.011.5+ББК 13.23
33.041

© Издательство «Мысль», 1983

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тема настоящей книги входит в рамки исследования различных сторон обширной и очень актуальной проблемы — отношения марксистско-ленинской философии к диалектике немецкого классического идеализма конца XVIII — первой трети XIX в. Эта проблема в свою очередь есть составная часть более широкого круга вопросов об отношении основоположников марксизма-ленинизма к предшественникам и к теоретическим источникам их учения. Это также и круг вопросов построения марксистской философии как системы категорий и законов. По тематике теоретических источников марксизма, в том числе собственно философского характера, уже имеется огромная литература, один только перечень которой составляет нелегкую задачу, а ее источниковедческое исследование заслуживает специальной большой монографии. И если автор данной книги решился добавить к этому списку литературы еще одну позицию, то это решение вызвано несколькими обстоятельствами, которые представляются важными.

В современной борьбе между коммунистической и буржуазной идеологиями вновь и вновь остро обсуждаются вопросы об отношении создателей диалектического и исторического материализма к Гегелю и Фейербаху, Канту, Фихте и Шеллингу. Противники марксизма-ленинизма искажают подлинные философские концепции всех этих, конечно, в действительности не поддающихся унификации мыслителей в разных направлениях, имея, однако, общий замысел и цель — извратить в конечном счете само марксистское учение, дабы более «убедительно» его опровергнуть, для чего «все средства хороши». Именно с этой целью отношение основоположников марксизма к их философским предшественникам и вообще к теоретической мысли прошлого изображается в совершенно ложном свете, в основном как некритическая и эпигонская рецепция, иногда (вслед за Л. Альтюсером) как полная негация.

Часто встречающийся в буржуазной литературе второй половины XX в. (например, у так называемых новых

философов во Франции) взгляд на Гегеля как на «диалектического адвоката» политического «тоталитаризма» имеет своей предпосылкой стремление опорочить методологические истоки формирования марксизма и бросить тень на К. Маркса как на якобы антидемократа. Наряду с этим явно нелепым, но вновь и вновь повторяющимся ходом мысли есть и противоположная тенденция противопоставления Гегеля Марксу ради возвышения его над Марксом, а значит, принижения философии марксизма. Аналогичная тенденция в характеристике отношений между взглядами Фейербаха и Маркса возникла у представителей второго поколения Франкфуртской школы.

Изображая диалектику Гегеля иррациональной, пессимистической или не имеющей будто бы ничего общего с идеей разрешения противоречий ни в отрицательном, ни в положительном смысле, «франкфуртцы» во всех случаях имеют в виду, что диалектика Маркса отличается в худшую сторону от гегелевской диалектики: если признают, что она рациональна, то тут же заявляют, что она «некритична», если же соглашаются с тем, что она оптимистична, то тут же навешивают на нее ярлык «утопичности». Используют и иные приемы. Во всех случаях кричат на все лады, что она будто бы не соответствует действительности.

Приведем один пример. В ФРГ (вторым изданием) выпущена в свет книга Ю. Левенштейна «Маркс против марксизма». Автор этого опуса тщится доказать, будто зрелый Маркс, автор «Капитала», стал подлинным ученым, только отрешившись от философской диалектики, ученически заимствованной им в молодости у Гегеля. «Маркс стал Марксом только посредством радикального отказа (Abkehr) от этой философии и своего обращения к научному исследованию общества»¹. По словам Левенштейна, чем меньше Маркс в зрелые годы писал об отчуждении, снятии «отрицания отрицания» и прочих понятиях, имеющих философское происхождение и значение, тем дальше будто бы он уходил от «спекулятивной революционности» к строгой научности. Как видим, в числе самых животрепещущих вопросов это вопрос об отношении Маркса и марксизма к отчуждению, продолжающий быть в центре борьбы идеологий.

¹ Löwenstein J. Marx contra Marxismus. Tübingen, 1976, S. 15.

Много путаницы в вопросе об отчуждении в его отношении к марксизму внесли французские неогегельянцы, начиная с Ж. Валя и Ж. Ипполита, своей пессимистической трактовкой учения Гегеля об отчуждении, а отсюда и всей его диалектики, причем «отчуждение» объявлялось ими главной диалектической категорией. Отправляясь от понятия «несчастное сознание» в «Феноменологии духа», они объявили перманентным и неизбежным отчуждение, придали ему сильный теологический привкус, объявив неистребимым вечным проклятием². На противопоставлении этой фальсифицированной ими гегелевской концепции отчуждения (в которой фактически больше от экзистенциализма, чем от Гегеля) Марксову учению об отчуждении Ипполит основал свои главные теоретические атаки на марксизм³.

Лидеры французского неогегельянства умерли, свистопляска вокруг категории «отчуждения», затеянная ревизионистами в конце 50-х — начале 60-х гг. нашего века, несколько приутихла, и может возникнуть впечатление, будто в начале 80-х гг. актуальность этого вопроса иссякла, его практическая острота ослабла, теоретическая значимость во многом испарилась. Но это не так. Ныне, по прошествии 100 лет со дня смерти К. Маркса, этот вопрос встает с новой остротой.

В буржуазной марксологической, а по существу антикоммунистической, литературе вопрос об отчуждении в начале 80-х гг. занимает важное место, хотя теперь не всегда этот термин применяется. Навязываемые читателю неверные решения вопроса играют существенную роль и в псевдотеоретических антимарксистских построениях и в антикоммунистической пропаганде, рассчитанной на людей, теоретически мало подготовленных.

Критика всех этих ложных решений и демаскировка связанных с ними антисоветских замыслов и антикоммунистических упований продолжает оставаться нашей животрепещущей задачей. Но для того, чтобы ее разрешить с максимальной эффективностью, нужны дополнительные теоретические изыскания. Многие в этом отношении философами-марксистами уже сделано. Охарак-

² Wahl J. Le malheur de la conscience dans la philosophie de Hegel. Paris, 1951, p. 106—107.

³ Hippolite J. Etudes sur Marx et Hegel. Paris, 1955, p. 173.

теризовано место в развитии идей Маркса, занимаемое его работами середины 40-х гг.⁴ Однако в нашем марксоведении пока имеются и некоторые пробелы. Недостаточно полно исследованы в теоретическом отношении «Экономическо-философские рукописи 1844 года» К. Маркса и его «Экономические рукописи 1857—1859 годов», т. е. первоначальный вариант «Капитала». Проблема места и роли категории отчуждения в «Капитале» еще не прояснена полностью. Далеко не достаточно изучены все ранние варианты «Капитала»: «...к целостному анализу этих вариантов как в логико-гносеологическом, так и в социально-философском планах нашим ученым предстоит еще обратиться»⁵. Во всем сказанном находит объяснение наличие разных точек зрения среди советских историков марксистско-ленинской философии по вопросу о характере эволюции взглядов К. Маркса на «отчуждение», а также об отношении Ф. Энгельса и В. И. Ленина к этой категории.

На протяжении последних лет развернута подготовка серии книг по истории марксистско-ленинской философии в Институте философии АН СССР⁶, а также многотомной истории марксизма-ленинизма в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Участие автора в написании некоторых разделов этих трудов, в их обсуждении и дискуссиях в ходе исследования широкого круга первоисточников и новейшей комментаторской литературы послужило толчком к написанию предлагаемой работы, причем у нее был свой непосредственно подготовительный этап в виде книги «Западноевропейская философия XIX века» (М., 1976).

Конечно, вопрос об «отчуждении» как категории философской системы марксизма (при всей его важности) не является исключительным и всеобъемлющим, если говорить именно об определяющих категориях марксистско-ленинской теории. «Отчуждение» не относится к

⁴ См., например: *Розенталь М. М.* Диалектика «Капитала» Маркса. М., 1967; *Ойзерман Т. И.* Формирование философии марксизма. М., 1974; *Корню О.* Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Жизнь и деятельность, т. 2. М., 1961; *Лапин Н. И.* Молодой Маркс. М., 1976.

⁵ «Коммунист», 1981, № 1, с. 119.

⁶ В рамках этой серии под грифом Академии наук СССР и Академии общественных наук при ЦК КПСС в 1979 г. выпущен в свет труд «Марксистская философия в XIX веке» в двух книгах.

числу самых главных категорий зрелого марксизма. Однако эта категория находится в тесных взаимоотношениях с категорией «товарный фетишизм» и другими понятиями исторического материализма⁷.

Задача вовсе не в том, чтобы ограничиться текстологическим сопоставлением всех тех мест из разных сочинений Гегеля и Маркса, где в том или ином смысле употребляется термин «отчуждение». На данном этапе исследований по истории марксистско-ленинской философии и ее формирования необходимо сосредоточить внимание на анализе концепции «отчуждения» по существу в основных по этой теме произведениях. Речь идет о «Феноменологии духа» Гегеля, «Экономическо-философских рукописях 1844 года», «Экономических рукописях 1857—1859 годов» и «Капитале» К. Маркса.

Из какого определения понятия «отчуждение» исходят рассуждения автора в данной небольшой книге? Они исходят из дефиниции, имеющейся в «Немецкой идеологии» К. Маркса и Ф. Энгельса, где «отчуждение» определяется как «конденсация» социальной деятельности людей в некую «вещественную силу, господствующую над нами, вышедшую из-под нашего контроля, идущую вразрез с нашими ожиданиями и сводящую на нет наши расчеты...»⁸.

В соответствии с этим под отчуждением понимается особый вид социального диалектического противоречия, развивающегося через обратное, но непременно негативное воздействие продукта на порождающие его связи и отношения — воздействие угнетающее, деформирующее и разрушительное. «Отчуждение» не совпадает с понятием социально-классового угнетения, а тем более эксплуатации, но связь его с ними, и притом тесная и органическая, — непреложный факт. Одна из особенностей «отчуждения» состоит также в том, что эта категория субъективна и глубоко объективна. Велика поэтому заслуга Маркса, доказавшего это.

Целое столетие прошло со дня смерти Карла Маркса. Под знаменем идей марксизма-ленинизма развивается, преодолевая трудности и препятствия, мировое коммунистическое движение на всей нашей планете.

⁷ Gedö A. Der entfremdete Marx. Berlin, 1971.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 32.

ПРОБЛЕМА ОТЧУЖДЕНИЯ
В ФИЛОСОФИИ ГЕГЕЛЯ

До сих пор в буржуазных историко-философских исследованиях сохраняется ложное мнение, будто Маркс заимствовал категорию «отчуждение» во всем ее содержании из философии Гегеля и будто эта категория явилась лишь порождением идеалистической спекуляции. В действительности же эта категория начала складываться первоначально не на идеалистически отвлеченной основе, а на базе общественно-политической проблематики государства и собственности в работах философов-материалистов XVII—XVIII вв., в построениях теоретиков «общественного договора». Классовая борьба в период буржуазной революции XVII в. (в Англии) и кануна буржуазной революции XVIII в. (во Франции) послужила стимулом к тому, что в философии стало складываться понятие «отчуждение»: Молодой Маркс был хорошо знаком с идеологическими продуктами этой эпохи, в том числе и с понятиями, которые были предшественниками «отчуждения».

Не будем здесь касаться того, что термин «отчуждение» в разных значениях восходит к средним векам, а отдаленно похожие на него понятия появились даже в античности, например, в виде знаменитой «ситуации Эдипа». В более ясной форме понятие «отчуждение» проходит в XVII в. как один из мотивов в учении Т. Гоббса: государство, возникшее в результате «общественного договора» граждан, отчуждает права и волю граждан, превращая их в орудие своей собственной воли. «...Подданные монарха не могут без его разрешения свергнуть монархию...»¹

Значительно больше места занимает проблема отчуждения в творчестве Ж.-Ж. Руссо. В его статье «Политическая экономия», напечатанной в знаменитой «Энциклопедии» французских просветителей, «отчуждение» (alienation) использовалось в юридическом значении

¹ См.: Гоббс Т. Избранные произведения в 2-х томах, т. II. М., 1964, с. 198.

(продажа, отчуждение имущества). Этот термин появился у Руссо и в связи с разбором взглядов Г. Гроция на отчуждение политических свобод в условиях монархии². Однако понятие «отчуждение» пронизывает всю философию истории Руссо. По сути дела он охарактеризовал современную ему социальную действительность как отчужденную: создав собственность, люди сделали себя же несчастными.

В критике частной собственности у Руссо в довольно сложном рисунке переплетаются антифеодальные и антикапиталистические настроения. Социальные институты распадающегося феодального и становящегося буржуазного общества изображаются Руссо в виде противостоящей людям силы, которая сталкивает людей друг с другом как врагов, вызывает внутренний разлад не только между ними, но и в их душах и обрекает на тоску одиночества. «Прогулки одинокого мечтателя» Руссо пронизаны этой тоской, доходящей до полной безнадёжности.

Враждебная людям социальная сила деформирует и разрушает естественные порывы людей, лишает свободы и перспектив. Но если из антифеодальных тенденций творчества Руссо вытекал его проект устранения социального отчуждения путем будто бы «реставрации» реально никогда не существовавшей патриархальной республики (с уравниванием ее граждан в имуществе), то из тенденций антикапиталистических проистекала другая иллюзия Руссо: речь шла уже об устранении отчуждения не столько путем упразднения разбухшей собственности королей и вельмож, сколько путем бегства от собственнических отношений и даже всего «социального» вообще. Человек должен возвратиться «к себе», к непосредственности и естественности своих природных сентиментов — собственно об этом и мечтал автор «Новой Элоизы».

Из сказанного видно, что Руссо вкладывал в понятие «отчуждение» в значительной мере социально-экономическое содержание, но недостаточно уточненное. Ситуация отчуждения приобретает у него и политический характер, поскольку созданное людьми путем «общественного договора» общество оказывается, по Рус-

² См.: *Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре или принципы политического права*. М., 1938, с. 7.

со, орудием в руках деспотов и само насквозь становится деспотическим. «Общественный договор» превращается в свою противоположность, государство отчуждается от породившей его нации и противостоит народу, обрекая его на страдания. Ставшая деспотической государственная власть опирается уже не на право, а на грубую силу. Мало того, «все учреждения, которые создает для себя общество, возникшее вместе с цивилизацией, превращаются в учреждения, прямо противоположные своему первоначальному назначению»³. Обратив внимание на такую ситуацию отчуждения у Руссо, Ф. Энгельс истолковывал ее как «первое отрицание», а реализацию установления «равенства на более высокой ступени» — как «отрицание отрицания»⁴.

Было бы неверным не упомянуть о том большом удельном весе, который в структуре руссоистского отчуждения принадлежит психологическому и моральному моментам. Последнее ярко выразилось у Руссо уже в его сочинении «Способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов». Отчуждение проявляется в «нравственной порче» людей — такой вывод можно сделать из этой его работы. Преодолеть «нравственную порчу» Руссо стремится с помощью своих рецептов будущего переустройства общества. Но если бы эти рецепты (пусть на короткое время) и удалось воплотить в жизнь, то это привело бы вновь лишь к развиту социальной поляризации и имущественных контрастов, а вместе с тем и к углублению ситуации отчуждения, которая была подмечена и предвосхищена Руссо как клеймо уже близкого, а именно буржуазного, будущего.

Понятие «отчуждение» не получило в творчестве Руссо отчетливых определений и еще не было выделено как предмет самостоятельного исследования. Ситуация отчуждения у Руссо «возникает в процессе взаимодействия индивидуумов, из которых каждый... руководствуется «любовью к самому себе», стремлением к удовлетворению ощущаемых потребностей»⁵. Социально-экономический, политический, моральный и психологический аспекты отчуждения Руссо различал смутно, не пони-

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 143.

⁴ См. там же, с. 144, 641.

⁵ Baczkó B. Rousseau i problemy alienacji. — «Studia filozoficzne». Warszawa, 1961, N 3, s. 47—48.

мая и правильной зависимости между ними. Он оперировал в конечном счете той же схемой, которая примерно в это время была разработана К. А. Гельвецием в его этике: отрицательные явления самых разных видов возникают из раскола между подлинной пользой людей и неверно ориентированными личными интересами, реализация которых приносит не ожидаемую пользу, а вред.

Идея политического отчуждения складывалась в этико-социологической концепции Гельвеция. На него самого оказали влияние образы отчуждения из работы об «общественном договоре» Руссо. Согласно Гельвецию, представления людей об источниках своей пользы иллюзорны, и они не понимают того, что, преследуя свои «интересы», они сплошь и рядом приносят вред как себе, так и обществу.

Эти извращенные представления проистекают из происшедшего в условиях феодально-абсолютистской Франции обособления (отчуждения) деспотической власти монарха от интересов нации. Искусственные потребности и устремления монарха-деспота, чуждые его подданным, приходят в конфликт с естественными потребностями и нуждами общества, начинают их подавлять и губить. Такой вид отчуждения возникает, по Гельвецию, во многих случаях и во многих странах. «Стать деспотом легко, — говорит он. — Народ редко предвидит бедствия, которые несет за собой окрепшая тирания»⁶. Но в конце концов граждане все же пробуждаются, в их сердце загорается пламя мести.

Таким образом, во французской социологической традиции конца XVIII в. начинает формироваться понимание отчуждения как своеобразной социальной ситуации, напоминающей легенду о джинне, выпущенном из заколдованной бутылки: результат человеческой деятельности становится силой, господствующей над человеком.

На почве учения об «общественном договоре» возникло представление об обратном воздействии социальных институтов и отношений. По своему генезису эти отношения и институты зависят от людей, однако затем приобретают не только относительную самостоятельность, но и способность влиять на своих создателей гу-

⁶ Гельвеций К. А. Об уме. М., 1938, с. 218.

бительным, разрушающим образом. Экономический, политический и моральный моменты отчуждения понимались при этом как «равноправные» по силе и степени воздействия, и их мало различали. Руссо, впрочем, приближался к идее о главенстве первого из этих моментов.

Таким образом, когда понятие «отчуждение» стало складываться в немецком классическом идеализме как собственно философская категория, ему уже предшествовали представления о социально-экономическом отчуждении, выдвинутые французскими философами XVIII в. в ходе критики ими феодальных отношений. Среди немецких философов понятием «отчуждение» стал оперировать уже И. Г. Фихте. Он стремился выразить с помощью этого понятия факт порождения «не-я», чуждого (*fremd*), противоположного «я», но именно им, «я», создаваемого, ему, «я», противостоящего. Идея отчуждения пришла к Фихте от Руссо через Канта, но во многом вырабатывалась им вполне самостоятельно.

Так начала формироваться категория отчуждения (*die Entfremdung*). У Фихте и ближайших продолжателей его философской линии она означала переход духа в чуждое ему, т. е. материальное, состояние и наложение этим инобытием духа оков на него самого. Социально-экономическое содержание «отчуждения» было пока мистифицировано и скрыто. Понятие «отчуждение» уже у Фихте не противостоит признаку обратного воздействия продукта на свой источник. В силу идеалистичности концепции Фихте в целом это воздействие оказывается, однако, довольно «мирным»: заранее известно, что порождающее примирится с порождаемым посредством их синтеза. Недаром Фихте подчеркивал, что для «наукословия» природа есть противоположное духовной жизни ее создание, но это создание, «необходимо построенное для того, чтобы эту силу (т. е. абсолютную силу духовной жизни.—И. Н.), саму по себе невидимую, сделать видимой»⁷. Этот способ снятия отчуждения был затем разработан Гегелем, но исходные его посылки были уже у Фихте. Через двойственность семантики слова *fremd* — «чужой» (т. е. чужеродный) и «чуждый» (т. е. лишенный дружелюбия и даже враждебный) Фихте прибли-

⁷ Фихте И. Г. Факты сознания. СПб., 1914, с. 67.

жается к иной, чем у Руссо, конструкции отчуждения, дальнейшее развитие которой связано затем именно с деятельностью Гегеля. А там, где у Руссо нотки чрезмерного трагизма, у Фихте — не всегда обоснованный оптимизм. Абстрактная схема субъективного идеализма закрыла Фихте глаза на многие подлинные факты реальной действительности.

Высшим пунктом в исследованиях отчуждения, которые велись в домарксистской истории философии, начиная с Руссо и Фихте, явились, вне всякого сомнения, те результаты, которых достиг Гегель почти за 40 лет своей философской деятельности. Но самое важное он высказал еще в молодости в «Феноменологии духа» (1807). «Отчуждение» — это одна из самых важных оперативно-системных категорий в философии Гегеля. «Системна» она в том смысле, что занимает определенное место в иерархии других гегелевских категорий, появляясь не один раз: и в конце «Науки логики» (в ее переходе к «Философии природы»), и во всех тех сочинениях Гегеля, где им изложена философия Духа. А многоликость «отчуждения» связана с тем, что эта категория у Гегеля «оперативна». Оперативна в том смысле, что она пронизывает всю его систему как один из главных методологических рычагов ее построения. В «Феноменологии духа» это видно уже в полной мере.

Маркс назвал «Феноменологию духа» Гегеля истинным истоком и «тайной» его учения, т. е. тем ключом, взявшись за который можно открыть дверь к его сокровенному содержанию. Это в полной мере верно в отношении проблемы отчуждения. На самом деле в этом произведении Гегеля, завершающем так называемый иенский период его деятельности, есть наброски диалектики отчужденного перехода истины в заблуждение, разума — в рассудок, господства — в подчинение, свободы — в зависимость и рабство. Все эти виды отчуждающих и уже отчужденных процессов переплетаются друг с другом и размещены Гегелем в русло всеобщего онтологического отчуждения (духа — в материальный мир, логической идеи — в природу) как частные выражения этого общего «отчуждения».

Когда Гегель бежал от французских мародеров из Иены в Бамберг, унося с собой готовую рукопись «Феноменологии духа», «Наука логики» еще не была им написана и вся его философская система была далека от

окончательной разработки и оформления. Когда же его философская система наконец сформировалась, в ней четко обрисовались три основных вида отчуждения: только что названный переход «идеи» из своего абстрактно-логического состояния в природное, опредмечивание объективного духа в социальные институты и вообще в сферу предметных порождений социальной деятельности людей и, наконец, овеществление человеческого духа в продуктах его труда.

Итак, мировой дух, согласно Гегелю, непосредственно или же опосредствованно отчуждается в природу, в учреждения и сработанные людьми вещи. И все эти процессы отчуждения являются как бы обратной стороной того движения абсолютной идеи к себе, т. е. к полноте самоосуществления как самопознания, которое происходит непременно через свою противоположность, т. е. через незнание и даже ложное знание, возникающее на пути знания как его инобытие необходимым образом, т. е. не как случайная ошибка, а как неизбежное и даже нужное заблуждение. Эти гносеологические рамки феноменов отчуждения в соответствии с гегелевским принципом тождества бытия и мышления оказываются двойником всеобщего онтологического процесса. И при любом из этих двух прочтений — гносеологическом и онтологическом — отчуждение, по Гегелю, непременно будет снято и преодолено: дух возвращается к себе обогащенным своими мытарствами и умудренным своими испытаниями. Истина достигает своей полноты и абсолютности, мир полностью просветляется разумом. Позиция Гегеля в отношении отчуждения оптимистична, и это в «Феноменологии духа» чувствуется почти везде.

Структуру отчуждений в «Феноменологии духа» в сопоставлении со сказанным нельзя считать уже вполне зрелой, с точки зрения системы зрелого Гегеля, опредмечивание объективного духа едва намечено, зато трансформация истины в заблуждения изображена в пестром хороводе всевозможных духовных явлений — различных состояний социальной психологии и идеологии. Так, «во время яacobинского господства отчужденный дух был доведен до крайности своего внутреннего противоречия, а именно до формы поляризации своей единичной и всеобщей воли»⁸, и его негативность со-

⁸ *Stieler G.* Die Dialektik in Hegels «Phänomenologie des Geistes». Berlin, 1964, S. 276.

средоточилась в политическом насилии и терроре, тогда как, по Гегелю, негативность отчуждения духа вообще состоит в его опредмеченности. С большой силой и пафосом утверждается выход из сетей отчуждения к свету абсолютного знания. Возвещается преодоление сферы рассудка и вступление в сферу разума, конец царства необходимости и начало царства свободы. Отчуждение побеждается познанием, люди, как считает Гегель, учувствуют себя философией абсолютного идеализма и, примиренные со ставшей, наконец, вполне разумной действительностью, достигнут высшей цели, которая есть «абсолютное знание, или дух, знающий себя в качестве духа...»⁹.

Именно в «Феноменологии духа» материалистическая философия истолкована Гегелем как отчужденно-рассудочное состояние духа. Он понимает здесь материализм как заблуждение, но на определенной стадии развития сознания — как заблуждение необходимое. Впоследствии, в «Лекциях по истории философии», Гегель истолкует материализм как уклонение от магистрального пути развития философской мысли, тем самым его враждебность к материализму усиливается, а острота диалектического видения историко-философского процесса, пожалуй, в этом пункте несколько притупится.

Именно в «Феноменологии духа» Гегелем рассмотрена знаменитая схема отчужденного преобразования «господства» в подчинение и превращения «рабства» в свою противоположность. Гегель описал здесь диалектику самостоятельности и несамостоятельности самознания в образах «господина» и «подневольного работника» (Knecht). Эти образы вплетены в сеть сложных историко-философских реминисценций: борьба между господином и работником — это и «война» Гераклита, и «борьба всех против всех» Гоббса, и предвещание «раздвоенности» христианского мирозерцания. Но при всем этом перипетии взаимоотношений господина и его подневольного слуги настолько естественно вписываются в систему понятий феодального общества, что эта схема приобретает определенно антифеодальный смысл. Однако нельзя отрицать и того, что здесь у Гегеля были скрыты и элементы критики буржуазного общества.

⁹ Гегель. Соч., т. IV. М., 1959, с. 434.

Что касается диалектического процесса отчуждения и последующего — у Гегеля непременно происходящего — «снятия» отчуждения, то эти два процесса протекают здесь у Гегеля следующим образом. Разгорается спор, борьба взаимопротивоположных самосознаний, так что «выступает индивид против индивида». Их борьба достигает крайней степени напряжения, и «отношение обоих самосознаний, следовательно, определено таким образом, что они *подтверждают* самих себя и друг друга в борьбе не на жизнь, а на смерть». И тот вывод, к которому гётевский Фауст пришел только в конце долгих борений и исканий, формулируется здесь сразу же: «И только риском жизнью подтверждается свобода...»¹⁰. Победенный в этой борьбе, если он не принимает смерти, становится рабом. Тот, кто подчинился воле другого, обретает рабское сознание, и господину кажется, что теперь он полностью и нераздельно распоряжается своим подневольным работником для своих нужд, ибо отчужденная личность опустошена и бессильна, ей остается лишь трудиться не на себя, а на другого.

Но «для господина *непосредственное* отношение *становится...* чистой негацией вещи или *потреблением*; то, что не удавалось вожделению, ему удается — расправиться с ней и найти свое удовлетворение в потреблении. Вожделению это не удавалось из-за самостоятельности вещи, но господин, который поставил между вещью и собой раба, встречается благодаря этому только с несамостоятельностью вещи и потребляет ее полностью; сторону же самостоятельности [вещи] он предоставляет рабу, который ее обрабатывает». Этим, однако, дело не ограничивается: «несамостоятельность» переходит с вещи на господина, так как он делается зависимым от производительной деятельности своего работника, в то время как последний («раб») становится все более самостоятельным и уже сам оказывается господином ситуации. Теперь отчуждается уже личность господина, а «раб» освобождается от отчуждения, отношения между ними перевертываются, переходят в свою противоположность, господин как бы превращается в «раба», «раб» — в господина. Дело на этом этапе развития отношений приходит к тому, что «рабство в своем осуществлении становится скорее противоположностью тому,

¹⁰ Там же, т. IV, с. 101, 102.

что оно есть непосредственно; оно... обратится к истинной самостоятельности»¹¹.

Нет необходимости вдаваться в подробную критику всего этого абстрактного, во многом отрешенного от конкретности фактов истории гегелевского построения. Борьба индивидов происходит здесь только в сфере духа, борются только «самосознания», а точнее, персонифицированные категории самосознания. В гегелевском построении происходит примирение противоположностей: отчуждение «снимается» познанием, а взаимный антагонизм — «признанием» (*Anerkennung*) чужого духа. Критика этих основных изъянов гегелевской конструкции уже достаточно осуществлена в марксистской литературе¹². Здесь для нас более важно показать, как данная схема отчуждения Гегеля вмонтирована им в более широкую схему отчуждения труда и устранения его отчуждения, т. е. «разотчуждения», «дезалиенации» труда.

Труд в «Феноменологии духа» рассматривался Гегелем как двусторонний процесс. С одной стороны, в труде сковывается дух человека, происходит отчуждение его в труд и в результаты последнего. Сделаем важное замечание: не отчуждение труда, но всего лишь отчуждение духа в труд. В одном из разделов «Феноменологии духа» есть параграф «Духовное животное царство и обман, или сама суть дела». Это название и соответствующие ему образы навеяны, по-видимому, поэтической обработкой Гёте старонемецкого народного эпоса «Рейнеке Лис».

В названном разделе «Феноменологии духа» Гегель писал о том, что в его время *«самой сутью дела считаются собственные поступки, игра своих сил»*, эгоистических страстей, где правда и обман, истина и ложь переплетаются самым тесным и причудливым образом. И те, кто «считают себя обманутыми или выдают себя за таковых, скорее сами хотели обмануть таким же образом». Но задача философа состоит в том, чтобы за

¹¹ Там же, с. 103, 104.

¹² См., например: Гулиан К. И. Метод и система Гегеля, т. I. М., 1962, с. 374; Шинкарук В. И. Логика, диалектика и теория познания Гегеля. Киев, 1964, с. 108 и др.; Нарский И. С. Западно-европейская философия XIX в. М., 1976, с. 278; Kroński T. Rozważania wokół Hegla. Warszawa, 1960, s. 65; Stieler G. Die Dialektik in Hegels «Phänomenologie des Geistes».

проявлениями всей этой человеческой деятельности и в них самих раскрыть не кажущуюся, но подлинную «суть дела», их духовную всеобщую сущность. Произведения труда суть — в особенности для других индивидов — «чуждая действительность, вместо которой они должны выявить свою действительность... Для сознания в его произведении возникает противоположность действования и бытия...»¹³. Труд опредмечивает сущностные силы человеческой личности, а значит, в той или иной мере делает их не только отошедшими от духа на некоторую дистанцию, но именно чуждыми ему.

Вместе с тем труд развивает человека, и поскольку Гегель считает, что корни всякого труда исходят из духа (в основе своей всякий труд у него есть духовный процесс), то труд означает процесс самопроизводства человека, его возвышения. Вместе с тем возвышается к духу и сырая, онтологически задолго до труда отчужденная, природа, и поскольку переход природного сырья из предметов в обработанные результаты труда есть, по Гегелю, следствие духовной деятельности, то он усматривает отличие «второй», социально обработанной и созданной природы от «первой», исходной природы именно в степени возвращения ее к духовному абсолюту.

Таким образом, отчуждение человеческого духа в труд (имеется в виду, что чисто духовный труд облекается в предметно-вещественные манипуляции) и в продукты труда (различие между предметом, созданным непосредственно для потребления, и товаром для Гегеля здесь неважно) оказывается у Гегеля одновременно обратным процессом, в котором совершенствующийся и действующий дух либо уже начинает освобождаться от отчуждения, либо подготавливает себя к этому освобождению, а вместе с тем «подтягивает» к себе неорганическую и органическую природу. Отчуждение духа в труд не только несет на себе печать грядущего освобождения от отчуждения, но уже само по себе кладет этому будущему освобождению начало.

Так возникают две взаимообусловленные тенденции в истолковании роли человеческого труда: он сковывает дух вещественной предметностью, но он же и делает его господином природы и одухотворяет собой послед-

¹³ Гегель. Соч., т. IV, с. 222, 216.

нюю. Различие и взаимодействие между этими двумя тенденциями проведено Гегелем неясно. Нет полной ясности в этом отношении ни в «Феноменологии духа», ни в более поздних и вполне зрелых его произведениях. Но яркое проявление второй, «разотчуждающей» тенденции трудовой деятельности можно найти в знаменитых высказываниях Гегеля о том, что рука человека — это «орудие орудий»¹⁴. В специальном рассуждении о физиогномическом значении органов человеческого тела Гегель пишет: «Но то обстоятельство, что рука должна выражать *в-себе* [-бытие] индивидуальности в отношении судьбы последней, легко усмотреть из того, что наряду с органом речи рука больше, чем что бы то ни было, служит человеку для проявления и воплощения себя. Она — одушевленный кузнец его счастья; о ней можно сказать, что она *есть* то, что человек *делает*, ибо в ней как в деятельном органе своего самоосуществления человек наличествует как одушевляющее начало, и так как он первоначально является своей собственной судьбой, то, стало быть, рука выразит это «в-себе»»¹⁵. Здесь мы не находим ничего об отчужденности руки и ее действий от духа, о сковывающем дух переходе его в вещь-ственность; наоборот, весь пафос этого рассуждения состоит совсем в другом, а именно в том, что человек посредством вещественности же вырывает свой дух из вещь-ственности, освобождает его и возвышает.

В этом пункте возникает своеобразная гегелевская диалектика «вещественного орудия», материальных целей и целей духовных. Будучи далекой от классового анализа, она содержит в себе рациональное ядро идеи о взаимосвязях и несоответствиях между ближайшими целями деятельности людей и их отдаленными последствиями. Эта идея не прошла мимо пристального внимания молодого К. Маркса в его Рукописях 1844 г. Высоко оценена она была впоследствии В. И. Лениным в «Философских тетрадях».

Вещественные орудия и средства подчинены духу и являются как бы его органами, которыми индивид «выражает себя *далее* вовне в своей действительности в мире», ибо «*истинное бытие*» человеческого индивида «*есть его действие*»¹⁶. Но затем орудия труда обнару-

¹⁴ См.: Гегель. Соч., т. III, с. 196.

¹⁵ Гегель. Соч., т. IV, с. 168.

¹⁶ См.: Гегель. Соч., т. IV, с. 169, 172.

живают свою самоценность. Эта мысль из «Философии права»¹⁷ в зачатке была уже в «Иенской реальной философии», где Гегель впервые писал и об отрицательной стороне труда в условиях буржуазного общества, в котором «множество людей осуждено на совершенно отупляющий, нездоровый и необеспеченный труд — труд на фабриках, мануфактурах, рудниках...»¹⁸.

Гегель писал, что рост промышленности ведет не только к росту богатств, но также и к *«отрозненности и ограниченности»* особенного труда, а следовательно, к *«зависимости и бедственности»* положения прикрепленного к этому труду класса, с чем также связана неспособность чувствовать и наслаждаться дальше свободами и, в особенности, духовными преимуществами гражданского общества». В итоге Гегель действительно признает, что «гражданское общество представляет нам в этих противоположностях и их переплетении картину столь же необычайной роскоши, излишества, сколь и картину нищеты и общего обоим физического и нравственного вырождения»¹⁹.

Гегель связывал картину всех этих противоположностей с отрицательными последствиями разделения труда и отчуждения в «гражданском обществе», но при этом он не усматривал их корней (в том числе корней отчуждения) в капиталистической частной собственности, а значит, не видел и наиболее отрицательных сторон, не обнаруживал отчуждения самого труда. Пройдет около четверти века, и отчуждение труда будет выявлено и сформулировано молодым Марксом.

Итак, в двойственной характеристике социальных функций труда у Гегеля вопрос об отчуждении в области трудовой, производственной практики людей остался непроясненным. Гегель не раз заявлял, что «сама материя не имеет никакой истины»²⁰. По его мнению, материализм есть заблуждение, поскольку выступает как овеществленное, отчужденное сознание. В действительности же именно идеализм и его грубый вариант — религия суть отчуждение истины в заблуждение. Л. Фейербах, наоборот, совершенно оставил в стороне

¹⁷ См.: Гегель. Соч., т. VII, с. 222.

¹⁸ Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет в 2-х томах, т. I. М., 1970, с. 343.

¹⁹ Гегель. Соч., т. VII, с. 254, 213.

²⁰ См.: Гегель. Соч., т. III, с. 57.

вопрос об отчуждении в сфере труда. Он построил свое рассмотрение идеализма и религии как видов отчуждения, сливая и почти отождествляя гегелевскую схему отчуждения и его снятия с гегелевским же идеалистически-онтологическим применением закона отрицания отрицания (освобождение от отчуждения совпадает в таком случае со вторым отрицанием духа, возвращающим его к самому себе). Впоследствии К. Маркс в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» неоднократно будет на это слияние и отождествление указывать, сделав их одним из объектов своей критики.

Фейербах довел свой анализ идеализма и религии до истолкования их как продуктов отчуждения «человеческой сущности». Труд человека он оставил если не совсем за бортом его, человека, «сущности» (натуралистически им понятой), то где-то на самой ее отдаленной периферии. «В религии,— писал Фейербах,— человек *раздваивается в самом себе*: он противопоставляет себе бога как нечто *противоположное* ему»²¹. Фейербах не смог поставить вопрос об иных и гораздо более глубоких «раздвоениях» в человеке, проистекающих не от духовно-идеологического, а от каузально предшествующего ему материально-производственного отчуждения. Ему не удалось перейти от «критики неба» к «критике земли». О причинах этого в марксистской историко-философской литературе написано уже достаточно.

Возвращаясь к «Феноменологии духа», важно обратить внимание на содержание второго отдела шестой главы этого гегелевского труда, который специально посвящен проблеме отчуждения. Этот отдел носит название «Отчужденный от себя дух; Образованность»²², и в нем идет речь о французском (и вообще европейском) Просвещении, а также о якобинской идеологии в ходе французской революции XVIII в. как об особых видах социального отчуждения.

В некоторой степени рассуждения об этих двух видах отчуждения духа восходят к традиционной гегелевской трактовке «плохой» рассудочности как конечного, неполноценного, метафизического образа мышления. В этом смысле сам «рассудок» (Verstand) есть акт и плод отчуждения. «Просвещенная» рассудочность

²¹ Фейербах Л. Избранные философские произведения в 2-х томах. М., 1955, т. II, с. 64.

²² Гегель. Соч., т. IV, с. 260 и др.

и рассудочность «самоомнения» — это лишь две разновидности вообще отчужденного в себе рассудка, а значит, иллюзорного сознания. Рассудок «обещает» свободу, но вместо этого он сковывает, отчуждает. Свобода противостоит отчуждению так, как разум противостоит рассудку.

Диалектика отчуждения и свободы занимает в «Феноменологии духа» главное место. И прежде всего это связано у Гегеля с критикой идеалов и образа мышления эпохи Просвещения.

Многое в творчестве просветителей и в созданной ими системе взглядов привлекало к себе молодого Гегеля. Отчасти он не оторкся от них ни в зрелости, ни в старости. Просветители высоко подняли значение человека как «светоча разума», они одержали победу над слепой догматической религиозной верой и «обманывающим духовенством». Просветительский взгляд на мир в своих высших достижениях (например, «Племянник Рамон» Дидро) смог, по словам Гегеля, овладеть «истиннейшим здравым взглядом на себя самого — чувством того, что он есть разложение всего укоренившегося...»²³.

Вместе с тем Гегелю претит свойственное просветительству ограниченное самодовольство метафизического ума, поверхностное убеждение «здрового» взгляда в том, что тайна «законов природы» уже открыта, ибо разумное есть будто бы не более чем непосредственно понятое, наглядное, бросающееся в глаза всякому, кто непредубежденно смотрит на мир. Гегель отверг антиисторизм просветителей, их некритическое отношение к человеческому разуму, их «тщеславие образованности»²⁴.

Корни просветительской ограниченности Гегель видит уже в раннебуржуазном индивидуализме, будь то индивидуализм ренессансного типа, или французский либерализм два-три века спустя, или же, наоборот, тот дух беззастенчивой пронырливости, который гнезился уже в порах позднефеодального общества. Уточнение здесь крайне затруднительно: ведь Гегель не проводит и не мог проводить четких межформационных границ, да и вообще не оперировал понятием общественно-экономической формации или каким-либо понятием, достаточно к нему близким.

²³ См. там же, с. 291, 289.

²⁴ См. там же, с. 280.

Гегеля интересует ситуация, в которой «прежде всего первоначально определенная натура индивидуальности, ее непосредственная сущность еще не установлена действующей», т. е. берется как бы в ее потенциальном виде. В этом начальном состоянии «нет места ни для *возвеличения*, ни для жалобы, ни для раскаяния; ибо все это проистекает из мысли, которая воображает себе некоторое иное *содержание* и некоторое иное «*в себе*», нежели первоначальная натура индивида и имеющееся в действительности осуществление ее. Что бы ни сделал индивид и что бы с ним ни случилось,— это его действие и это он сам...»²⁵.

В дальнейших рассуждениях Гегеля сливаются два хода мысли: противопоставление идеализма как принципиальной философской позиции материализму и противоположение всеобщего единичному, индивидуальному. Гегель требует прояснения «всеобщей сути дела», выступает против того духовного климата, в котором царит «обман себя самого и других; сознание, которое открывает какое-нибудь дело, напротив, на опыте узнает, что другие поспешно слетаются как мухи на только что выставленное молоко и хотят извлечь здесь выгоду,— и они, в свою очередь, узнают на опыте относительно сознания, что для него точно так же главное — не дело как предмет, а то, что это *его* дело». Вакханалия индивидуального эгоизма каждого — это поистине «духовное животное царство и обман»²⁶.

Возникает вопрос, что собой представляет по своему содержанию данный оборот и какое именно общество он у Гегеля обозначает? То, что оборотом «духовное животное царство» (*das geistige Tierreich*) Гегель обозначил отчужденное социальное состояние, не вызывает каких-либо сомнений. Но состояние какого общества? К ответу на эти вопросы можно приблизиться через выяснение генезиса указанного оборота. И здесь изыскания приводят к одному из сочинений Гёте, вскользь упомянутому выше.

Конечно, сопоставление творчества Гегеля и Гёте проводится с давних пор. В истории мировой культуры взаимодействие диалектики крупнейшего представителя классической немецкой философии и диалектики великого классика немецкой литературы представляет со-

²⁵ Там же, с. 212, 214—215.

²⁶ Там же, с. 223, 210.

бой одну из самых ярких страниц. Например, параллели между «Наукой логики» Гегеля и «Фаустом» Гёте изучались неоднократно.

Но еще многое не исследовано до конца. В рассматриваемом нами раннем, но чрезвычайно важном сочинении Гегеля («Феноменологии духа»), которое явилось существенной вехой на пути формирования его системы и метода, он почти не ссылается на других авторов (из новейших прямая ссылка есть только на Дидро). Не ссылается здесь он и на Гёте.

Мы хотим обратить внимание читателей на примечательные параллели, существующие между некоторыми разделами о «несчастном сознании» в «Феноменологии духа» и произведением Гёте «Рейнеке Лис». Сюжет этого сказочного эпоса уходит своими корнями к раннему средневековью, но современную художественную форму он получил благодаря перу великого Гёте за полтора десятилетия до «Феноменологии духа». Этот эпос в гётевском переложении хорошо был известен Гегелю.

Перипетии «несчастного сознания» — один из важнейших категориальных узлов «Феноменологии духа». И по сути дела здесь собраны различные ступени и варианты развития отчуждения, феодальные и буржуазные разновидности которого движутся перед нами на страницах гегелевского труда в общем (далеко не всегда расчлененном на отдельные звенья) хороводе. Среди этих образов отчуждения важную роль играют ситуации эпохи Просвещения и сопутствующих ей феноменов. Одним из таких феноменов является, согласно Гегелю, просветительская образованность с ограниченностью ее наивной веры во всемогущество рассудочного знания, с ее упрощенными представлениями о путях достижения идеального общественного устройства и бессилием перед реальным социальным злом, причем все это соединялось с совершенно неисторическим, огульным, резко критическим отношением к прошлым временам существования человечества.

В том разделе «Феноменологии духа», где идет речь о просветительской образованности как виде отчуждения, Гегель рассматривает, в частности, перерождение «героизма безмолвного служения» в «героизм лести». Здесь принимают категориальный вид кантовские мотивы подчинения монарху, осуществляемого с соблюдением чувства собственного достоинства, несмотря на

го что внешние формы беспрекословного послушания граничат с безмолвием и рабской покорностью. Требования категорического императива Канта переходят здесь в свою противоположность: возвышая личность человека, поскольку он исполняет свой долг, они же ее фактически угнетают и унижают, поскольку исполнение долга вынуждено реализоваться в низменных действиях.

В подразделе «Лесть» в абстрактно-спекулятивном виде выступает перед нами идея Гельвеция о разложении и распаде абсолютистского принципа «государство — это я». Оказывается, то, что выгодно для личности монарха, вредно и разрушительно для его государства: сокрытие истины о действительном положении вещей в стране, изображение ошибок и промахов правителя в качестве его триумфов и доказательств поразительной его прозорливости и мудрости поселяют в нем веру в непогрешимость собственных замыслов и действий, ведут к превращению его самого в губителя своего же государственного корабля. Соответственно губителями государства являются и все придворные льстецы — искатели собственной выгоды, приходящей в противоречие с общественной пользой.

И здесь оживают образы гётевского «Рейнеке Лиса», в особенности его изворотливого, наглого и бессовестного главного героя, основное оружие которого — лесть.

Эта поэма была закончена Гёте ранней весной 1793 г., когда он в свите Веймарского герцога принял участие во французском походе австро-прусских войск против армий Конвента. После битвы при Вальми Гёте произнес свои знаменитые слова о том, что началась новая эпоха мировой истории²⁷.

Средневековый сюжет народного эпоса получил новую жизнь и приобрел новый смысл. Оказалось, что теперь эта сатира не в бровь, а в глаз бьет позднефеодалному мнимо «просвещенному» абсолютизму. Гёте опубликовал своего «Рейнеке Лиса» в 1794 г., и современники, как, например, Ф. Шиллер, заявляли об акту-

²⁷ Содержание этого произведения, как уже отмечено, восходило к старинным сказаниям IX—XIII вв. Г. фон Алькмар в конце XV в. на материале нижненемецкого народного эпоса создал поэму. В 1498 г. она была издана в Любеке, а в 1748 г. Готшед сделал прозаическое переложение поэмы на современный немецкий язык. От этого текста и отправлялся Гёте, осуществив заново его поэтическую обработку.

альности и поразительной современности этого произведения: «Якобы много веков назад это было. Мыслимо это? Сюжет словно сегодня возник»²⁸.

Как же образы «Рейнеке Лиса» находят свои параллели в тексте «Феноменологии духа»? Мы увидим, что древняя народная мудрость, отлитая в яркие поэтические строки Гёте, умело была использована Гегелем.

Гегель, рассуждая о так называемом героизме лести, вначале, как уже было отмечено, сохраняет мысль Канта о том, что состояние абсолютной законопослушности, отождествляемое с готовностью беспрекословного подчинения воле монарха, несет в себе нечто героическое, ибо, как писал Кант, «заповедь *повинуйся начальству!* также моральна»²⁹.

В поэме Гёте есть примечательное место: один из ее персонажей зверь — Гримбарт провозглашает идею гражданских обязанностей: каждый «долг свой старался исполнить; никто увернуться не сможет...»³⁰. При этом важно не само провозглашение такой идеи, а то, что в ответ на него никто в поэме своего долга по сути дела не исполняет и мешает его исполнить другим. Происходит всеобщая профанация самого принципа морального долга, его отчуждение в противоположность.

Посмотрим теперь, что происходит у Гегеля. О героическом служении он пишет, что это «*добродетель*, которая жертвует единичным бытием для всеобщего и тем самым вводит последнее в наличное бытие; оно есть *лицо*, которое отказывается от владения и наслаждения собой и совершает поступки и действительно в пользу существующей власти»³¹. Но в этом виде служение представляет собой идеализацию того, что существует на деле, и не более того: ведь оно предполагает полную погруженность абсолютной королевской власти не в личные, а в общественные интересы, что противоречит фактам истории и смыслу абсолютной власти, самой сущности абсолютизма.

Поэтому Гегель относит состояние добродетельного служения не к развитому, а лишь к становящемуся самоутверждению непререкаемого авторитета государ-

²⁸ См.: Гёте И. В. Собр. соч. в 10-ти томах, т. 5. М., 1977, с. 612.

²⁹ Кант И. Соч. в 6-ти томах, т. 4. М., 1965, ч. 2, с. 12.

³⁰ Гёте И. В. Собр. соч. в 13-ти томах, т. 2. М.—Л., 1932, с. 419.

³¹ Гегель. Соч., т. IV, с. 270—271.

ственной власти. Соответственно обстоит дело с государственными служащими и придворными. Именно в *государственной власти* сознание находит «устойчивое существование» вообще, но не свою индивидуальность как таковую...»³². Это временное, преходящее состояние, оно не способно удовлетворить людей. Преходящим состоянием являются также и те отдельные проблески чувства чести и долга, которые встречаются у отдельных персонажей «Рейнеке Лиса».

Но затем «язык лести возводит власть в ее возвышенную всеобщность...»³³. Неограниченность монаршей власти закрепляется в сознании людей не только официальными формами обращения к венценосным особам, но и всей системой употребления языка. Льстивые тирады главного героя «Рейнеке Лиса» — это слова и только слова. Они фальшивы не только потому, что Лис имеет своей целью лишь обмануть короля, но и потому, что высказываемые им лестные характеристики Нобеля совершенно не соответствуют истине: Нобель — это тот самый король, который из-за тщеславия, корысти и жадности оставляет преступника безнаказанным, но несправедливо наказывает потерпевших и весь их род и который грабит простолюдинов своего лесного племени еще больше, чем его придворные.

Таким образом, употребление «языка хвалы» означает на практике пожертвование «действованием и мышлением со стороны благородного сознания». Ведь оно отчуждается, и если кажется, что «власть государства *перешла* к благородному сознанию», то на самом деле само это «благородное сознание» превращается в свою противоположность, его дух приносится в жертву и бросается на алтарь произвола. Под влиянием прельщения со стороны богатства «язык хвалы» претерпевает метаморфозу: перед нами, говоря словами Гегеля, уже «язык лести, но лести неблагородной». Таков «истинный существующий дух этого мира образованности в целом»³⁴.

В этой обстановке происходит то, что изображено в «Рейнеке Лисе»: лукавый язык лести становится языком подлого обмана, низкой продажности, жестокого глумле-

³² Там же, с. 268.

³³ Там же, с. 274.

³⁴ Там же, с. 275, 279.

ния и мучительства. Предметы и отношения утрачивают свою устойчивость, опустошаются, делаются ущербными и обманчивыми. В мире произвола могут происходить всевозможные и самые неожиданные события. Подлецы оказываются «в великом почете»³⁵ у трона, а тот, кто честен или хотя бы образован и учен, как это показано в восьмой песне поэмы, терпит бедствия. Управы найти негде: судьи продажны, а король любит тех, кто под дудку монарха умеют плясать ловко.

Гельвеций, рассуждая о лести и ее последствиях, пришел к выводу, что там, где она процветает, «могут уважать лишь низкопоклонство, интриги и жестокость, прикрытые названиями приличия, благоразумия и твердости»³⁶.

Следующая ступень превращения языка истины в свою отчужденную противоположность, в язык лжи — это «язык разорванности». Именно так Гегелем назван специальный подраздел «Феноменологии духа». Это язык, в котором рука об руку с чувством отверженности идет наглость, и перед нами не только бедные и униженные изгои, но и индивидуалисты — хищники. «Богатство, следовательно, разделяет со своим клиентом отверженность, но на место возмущения вступает заносчивость». Отчужденное состояние само претендует на господство, образ феодального отчуждения перерастает у Гегеля в образ отчуждения, разрушающего устой всего тогдашнего, а значит, во многом уже буржуазного общества. Разорванное сознание есть результат того, что возникает «разорванная действительность»³⁷.

Образная иллюстрация этому также содержится в материале гётевского «Рейнеке Лиса», где действительность разорвана в самом своем существе. В знаменитой речи Лиса Гримбарту мы читаем: «Сплетня, измена и ложь, воровство и фальшивые клятвы, смертоубийство, грабеж — ни о чем другом и не слышишь!». Безысходность состояния всеобщей враждебности друг к другу резюмируется в словах: «Как же, однако, исправится мир, если каждый желает все себе позволять, а других приневолить насильем?»³⁸.

³⁵ Гёте И. В. Собр. соч. в 13-ти томах, т. 2, с. 472.

³⁶ Гельвеций К. А. О человеке, его умственных способностях и его воспитании. М., 1938, с. 162.

³⁷ Гегель. Соч., т. IV, с. 278, 118.

³⁸ Гёте И. В. Собр. соч. в 13-ти томах, т. 2, с. 417.

Это и есть то самое состояние, которое Гегель обозначает как «духовное животное царство»³⁹. Это царство всеобщего обмана и насилия, вот где скрыта «сама суть дела»! Отнюдь не себя самого или только своих сородичей имеет в виду Рейнеке Лис, когда он признает, что «весь мир переполнен плутами»⁴⁰.

В старинном народном эпосе поведение зверей было уподоблено рассуждениям и поступкам людей. Гёте в своей поэтической обработке этого материала интеллектуализировал образы героев, и звериное царство под его пером становится как бы совсем человеческим. В этом зверином царстве разум отчуждается в свою расудочную противоположность, он сводится к хитрости и служит самым низменным, по сути дела противоразумным побуждениям. Вероломство и предательство Лиса вытекают не только из его необузданной жадности, но и из лютой ненависти к большинству встречающихся на его пути существ. Мыслящая рассудочность как бы превращается в рассудочность эмоциональную, слепую, еще более ограниченную и недалекую. Некоторые жестокие проделки Лиса даже не оправданы трезвым расчетом, его побуждает к ним желание «другим напасть». Показное самоунижение резко сменяется в поведении Рейнеке Лиса спесивым презрением к окружающим.

Говоря словами Гегеля, в мире героев Гёте «вообще нет места ни для *возвеличения*, ни для жалобы, ни для раскаяния; ибо все это проистекает из мысли, которая воображает себе некоторое иное *содержание* и некоторое иное *«в себе»*, нежели первоначальная натура индивида и имеющееся в действительности осуществление ее». Это иное содержание есть та общественная среда, в которой различие морально хорошего и плохого, благого и дурного стирается, становится видимостью. Утверждается зоологический частнособственнический эгоизм. «Так как теперь обнаружилось, что *самой сутью дела* считаются *собственные поступки*, игра *своих сил*, то кажется, будто сознание занято своей сущностью *для себя*, а не для других, и заботится о действовании лишь как своим действовании, а не как действовании *других*, представляя, стало быть, то же самое другим

³⁹ Гегель. Соч., т. IV, с. 210.

⁴⁰ Гёте И. В. Собр. соч. в 13-ти томах, т. 2, с. 452.

в их деле». Но именно так проявляет себя корыстная взаимораспыленность людей, раннебуржуазный индивидуализм! Именно эту позицию Гегель называет установкой «обоюдного обмана», в котором люди преследуют лишь свою личную выгоду⁴¹.

Но самой глубокой сущностью общественной жизни во всем ее коренном развитии это состояние быть не может. Буржуазный мыслитель Гегель не удовлетворен буржуазной действительностью. «...Если главное должно быть только в *чистой сути дела* (имеется в виду «суть дела» в том ее понимании, в каком она выступала выше.— *И. Н.*), то это точно так же обман себя самого и других...»⁴². В дальнейших рассуждениях Гегеля тоска по более совершенным отношениям между людьми сливается у него с уже отмеченным тяготением к наиболее полному осуществлению точки зрения объективного идеализма с его абсолютами истины и блага. Мир, где люди стремятся лишь из всего извлекать выгоду и каждый только для одного себя, не может быть желанным и окончательным, он подлежит основательной критике. Но эту критику осуществит уже не Гегель, а Маркс.

Заметим, что осуждению «духовное животное царство» «Рейнеке Лиса» подвергается как у Гегеля, так и у Гёте. Но это осуждение у Гёте, впрочем, косвенно: читатель не может без возмущения видеть, что зло торжествует, вероломный негодяй достигает зенита славы, ибо он «по заслугам снова в милость вошел» и стал советником короля, а это совсем не случайно: мир «так сотворен, и таким он останется вечно»⁴³.

Есть еще одна примечательная аналогия: на этот раз между отношением молодых Гёте и Гегеля к религии. В двенадцатой песне «Рейнеке Лиса» есть ироническая пародия на средневековый «божий суд», основанный на вере в высшую справедливость. Лис разыгрывает комедию церковного покаяния в полной уверенности, что небеса останутся равнодушными к богохульству. Образы нравственной деградации папского Рима в восьмой песне поэмы очень красноречивы. Циничные расчеты обезьяны Мартина добиться полного отпущения грехов Лису опираются на факт совершенной продажности верховной священнической иерархии, а шутов-

⁴¹ Гегель. Соч., т. IV, с. 214—215, 222, 219.

⁴² Там же, т. IV, с. 223.

⁴³ Гёте *И. В.* Собр. соч. в 13-ти томах, т. 2, с. 469, 472.

ское пилигримство Рейнеке Лиса к «гробу Господню» добавляет еще один штрих к картине полного осмеяния церкви и религии в поэме. Ханжество, мздоимство и разврат духовенства повсеместны, девальвация вероисповедных ценностей полнейшая. И Гёте пришел к резким антиклерикальным и даже антирелигиозным выводам.

Что же касается «Феноменологии духа», то ведь именно в этом произведении Гегель наиболее скептически и критически отнесся ко всякой, а не только к католической религии, хотя и возразил против антиисторической ее оценки. Именно в конце седьмой главы «Феноменологии духа» религия наиболее резко в принципе очерчена как одно из отчужденных состояний духа. «Феноменологией духа» и в этом отношении связана с рассказанной Гёте историей о похождениях зверей не только внешне.

Было бы, разумеется, ошибкой преувеличивать понятийные связи раздела об отчужденном «духовном животном царстве» в «Феноменологии духа» с «Рейнеке Лисом». Этот раздел, как и многие другие, в значительной степени был написан Гегелем на материалах французской истории XVIII в. А своим содержанием раздел о «духовном животном царстве» имеет не только критику феодальных отношений, но и анализ феномена труда в аспекте общей экстерниоризации духа, т. е. его отчуждения в труд.

Как бы то ни было, параллели с «Рейнеке Лисом» никоим образом не случайны. Они подчеркивают тот факт, что гегелевская критика «духовного животного царства» относится не только к раннебуржуазному, но и к феодальному отчуждению. Недаром молодой Маркс в статье «Дебаты по поводу закона о краже леса» использовал соответствующее выражение, а именно: «*Феодализм* в самом широком смысле этого слова представляет собой *духовное животное царство...*»⁴⁴.

Критика феодального отчуждения Гегелем способствует выявлению положительных сторон антифеодальной просветительной идеологии, тогда как критика отчуждения, носящего уже буржуазный характер, соответствует тому, что Гегель относит к числу отчужденных явлений и само Просвещение.

⁴⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 125.

Тот факт, что философия французского Просвещения послужила идейной подготовкой революции конца XVIII в., был широко известен и до Гегеля, и больше всех на него указывали и о нем рассуждали не ее защитники, а идеологи феодально-аристократической реставрации. Своеобразие позиции Гегеля заключалось в том, что его критика в адрес Просвещения была критикой в адрес раннебуржуазного развития общества не с позиций защиты феодализма, а с позиций антифеодальных. Притом и французское Просвещение, и политическая идеология якобинцев были истолкованы им как ипостаси отчуждения духа, как две ступени углубления этого отчуждения.

Просветители подготовили политическую революцию, а якобинцы превратили, по мнению Гегеля, революционный террор в бессмысленную самоцель. Революционный демократизм квалифицируется Гегелем как «безумие новейшего времени»⁴⁵, в котором народ не ведаёт, что творит, и не знает, чего хочет⁴⁶. Революционная смелость и инициатива приобретают под пером Гегеля вид строптивости и буйства субъективного духа, временно отчужденного от своей субстанциальной основы, поднявшегося против нее и еще не понявшего своего долга примириться с ней⁴⁷.

Но критика в адрес идеологии Просвещения не заставила Гегеля отказаться от критики религиозных форм отчуждения. «Рабское сознание» через ряд посредствующих форм достигает стадии саморазорванного «несчастливого сознания» в христианстве, где «*несчастное сознание*» есть сознание себя как двойной, лишь противоречивой сущности». В «Феноменологии духа» Гегель решился квалифицировать всю христианскую идеологию без различия вероисповеданий как внутренне отчужденную. Религиозное «мышление как благоговение остается диссонирующим перезвоном колоколов или теплыми клубами тумана, музыкальным мышлением, не достигающим до понятия... Здесь налицо внутреннее движение *чистого* настроения, которое *чувствует* себя само, но мучительно чувствует как раздвоение — движение бесконечной *тоски*...»⁴⁸. И, может быть, знаменитые бичу-

⁴⁵ См.: Гегель. Соч., т. III, с. 339.

⁴⁶ См.: Гегель. Соч., т. VII, с. 324.

⁴⁷ См.: Гегель. Соч., т. III, с. 339.

⁴⁸ Гегель. Соч., т. IV, с. 112, 116.

ющие слова молодого К. Маркса о религии на страницах «Немецко-французского ежегодника» восходят не только к выражению Канта о религии как «опиуме»⁴⁹. Слова Маркса о религии как о «вздохе угнетенной твари»⁵⁰ напоминает приведенное выше выражение молодого Гегеля. В «Философии религии» позднего Гегеля чего-либо подобного мы уже не найдем: он стремится прочно вписать религию в схему восхождения абсолютного духа к самому себе.

Теперь все ранее отмеченные и рассмотренные в порядке их важности виды отчуждения у молодого Гегеля занимают свои места на ступенях лестницы всеобщего отчуждения «мирового духа». Отчуждение в системе взаимоотношений «господина» и «раба» вписывается уже в большей мере в рамки античного мировосприятия, затем последовательно, один за другим, выступают мировоззренческие отчужденные состояния стоицизма, скептицизма и христианства. Ни одно из них не принесло освобождения человеку и его духу. Далее в «Феноменологии духа» следуют «духовное животное царство», «образованность», «язык Просвещения», «абсолютная свобода» и «ужас» якобинского террора как дальнейшие этапы углубления отчуждения.

Гегель в «Феноменологии духа» распространил отчуждение (постепенно нарастающее по напряженности и драматизму) почти на всю, если не на всю, человеческую историю. К. Маркс писал, что у Гегеля «отделы о «несчастном сознании», о «честном сознании», о борьбе «благородного и низменного сознания» и т. д. и т. д. содержат в себе — хотя еще в отчужденной форме — *критические* элементы целых областей, таких, как, например, религия, государство, гражданская жизнь и т. д.»⁵¹.

Идее о всеобщности отчуждения соответствует замысел Гегеля в «Философии истории» (1830): показать, как рождается исторический процесс из противоречия между внутренней закономерностью развития мирового духа и мистифицированной через «хитрость разума» деятельностью людей, которые сплошь и рядом не ведают, что творят, а следовательно, ведут себя как

⁴⁹ См.: Кант И. Религия в пределах только разума. СПб., 1908, с. 80 и др.

⁵⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 415.

⁵¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 158.

отчужденные от знания индивиды. Недаром Ленин в «Философских тетрадах» признал наличие у Гегеля зачатков исторического материализма⁵².

Приписав отчуждение всей истории человечества, Гегель распространил его и на все сферы деятельности человека. Не удивительно, что и в истории религии он указывает на отчужденные формы религии, причем отчужденными являются все ее формы без исключения. Но в силу его (гегелевского) идеализма человек самосознания «после признания в религии продукта самоотчуждения... все же считает себя подтвержденным в *религии как религии*»⁵³.

Гегель не выясняет социально-экономической специфики каждого из этапов истории отчуждения. Даже когда в учении об объективном духе в «Философии духа», «Философии права» и «Философии истории» он говорит о своей современности и явно имеет в виду буржуазные социальные институты, буржуазное право, мораль и нравственность, он предпочитает оперировать термином «гражданское (bürgerliche) общество». При этом сохраняется некоторая двусмысленность, присущая термину «гражданин» (Bürger): это и «гражданское» и «буржуазное» общество. Недаром к принципам буржуазного общества Гегель присоединяет как желательные некоторые добуржуазные (аристократически-дворянские) политические формы. Вместе с тем он подвергает критике отчуждение не только в позднефеодальном, но и уже в буржуазном обществе. Собственно буржуазные порядки его также не слишком радуют.

Не смог точнее определить Гегель способ «снятия» всех видов отчуждения через познание. Поскольку само знание становится вполне совершенным только на высшей ступени «абсолютного духа» в философии и, строго говоря, только в гегелевской философии абсолютного идеализма, то высшую свободу, а значит, полное освобождение от отчуждения может обрести лишь философская элита человечества. Только философ-идеалист, и притом идеалист объективный, получает право сказать, что «в знании дух замкнул движение своего формирования»⁵⁴, стал зрелым, могучим и свободным, а значит,

⁵² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 171—172, 286—287.

⁵³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 166.

⁵⁴ Гегель. Соч., т. IV, с. 432.

окончательно сбросил со своих плеч иго отчуждения. У Гегеля, по словам Маркса, получается, что «мое истинное *человеческое* бытие есть мое бытие в *философии*»⁵⁵. Но это идеалистическая, утопическая и в то же время далеко не демократическая позиция. Гегель верит в то, что мир находится на пороге полного упразднения отчуждения, но он не в состоянии указать реальных путей к достижению этого. Во всяком случае надо отдать должное проницательности Гегеля: он приходит к выводу, что буржуазное «чистое сознание» никаких мирских пороков преодолеть не сможет⁵⁶. Какое же сознание необходимо и разве достаточно для этого только сознания?

Разочарование Гегеля в просветительском сознании — это в некоторой степени его разочарование в «стандартном» буржуазном отношении к миру. Он чувствует скудость буржуазных идеалов: «Когда все предрассудки и суеверие искоренены, возникает вопрос: *что же дальше?*» Недаром Просвещение «вступает само с собою в спор...»⁵⁷. Уповая на симбиоз буржуазных и позднефеодальных учреждений и порядков, рассчитывая именно на такое социально-компромиссное будущее Германии, Гегель и в Берлине в общем оставался тем, чем стал еще в годы пребывания в Иене и Гейдельберге, — идеологом компромиссно настроенной немецкой буржуазии 20—30-х гг. XIX в. Некоторая эволюция в его взглядах имела место, но она не привела к радикальному изменению его взглядов на отчуждение.

Произведения Гегеля, сумевшего рассмотреть проблему отчуждения синтетически, соединили в себе общефилософский, гносеологический, социальный и историко-культурный подходы. Можно ожидать, что свободное от упрощений, предвзятости и шаблонов дальнейшее изучение творчества такого крупного мыслителя, как Гегель, внесет в раскрытие данной проблематики новые моменты, ибо даже его ошибки и заблуждения поучительны, тем более что они отнюдь не умаляют его значительных достижений. Гений Маркса извлек из них рациональное «зерно».

⁵⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 167.

⁵⁶ См.: Гегель. Соч., т. IV, с. 281—283.

⁵⁷ Гегель. Соч., т. IV, с. 300, 309.

**«ЭКОНОМИЧЕСКО-ФИЛОСОФСКИЕ РУКОПИСИ
1844 года» К. МАРКСА
И ПРОБЛЕМА ОТЧУЖДЕНИЯ**

Знаменитые так называемые «Парижские манускрипты» молодого Маркса о капитале, отчужденном труде, частной собственности и гегелевской диалектике, известные обычно под названием «Экономическо-философские рукописи 1844 года», остались неоконченным, фрагментарным сочинением. Теоретическим толчком к работе над ними, как известно, послужила небольшая статья Ф. Энгельса в «Немецко-французском ежегоднике», специально посвященная критике современной ему буржуазной политической экономии.

Результатом работы К. Маркса над Рукописями 1844 г. явились гениальные формулировки ряда новых принципиально важных философских положений. Вместе с тем были зафиксированы и задачи дальнейших теоретических исследований. Эти новые положения вскоре нашли свое частичное отражение, а до некоторой степени уже и развитие в сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, непосредственно примыкающих к «Экономическо-философским рукописям 1844 года». Речь идет о «Святом семействе» и «Немецкой идеологии». Развернутая же реализация задач, намеченных в Рукописях 1844 г., была достигнута только в главном произведении Маркса — в «Капитале».

Значение Рукописей 1844 г. для развития исторического материализма и материалистической диалектики чрезвычайно велико. Без них невозможно полностью проанализировать соотношение воззрений Гегеля и Маркса на отчуждение, выяснить качественный скачок от гегелевского к Марксову пониманию отчуждения, а значит, ту сторону великого революционного переворота в философии, которая связана с возникновением и развитием научного решения проблемы отчуждения труда — решения, необходимым образом связанного с пе-

реходом молодого Маркса на идеологические позиции революционного пролетариата.

Как известно, идея отчуждения присутствовала уже в докторской диссертации К. Маркса, т. е. в работе, которая была создана за пять лет до «Экономическо-философских рукописей 1844 года». Правда, там эта идея выступала под маской терминов «непосредственное отрицание» и «абстрагирование». Эпикурово отклонение атомов интерпретировалось им как выражение их свободного самоотчуждения, и здесь чувствовался один из гегелевских мотивов в понимании отчуждения как духа строптивости и интеллектуального (рассудочного) бунта. Поскольку восстание личности против устаревшего порядка вещей находит со стороны молодого Маркса безусловное оправдание, он рассматривает здесь отчуждение как положительное явление. В дальнейшем Маркс обращается к понятию «отчуждение» уже в иной связи. Если в его диссертации отклонение атома от отвесной линии падения, т. е. своего рода «отчуждение» от нее, было образом победы атеизма над религиозным традиционализмом, то впоследствии разрыв с религией стал означать для Маркса не вид отчуждения, а его преодоление; у Гегеля же он усиливает отчуждение в сфере объективного духа.

В работе «К критике гегелевской философии права» (1843) К. Маркс подверг осуждению фаталистическую схему онтологического отчуждения у Гегеля, а также волюнтаристские построения младогегельянцев, превративших реальные процессы в самоотчуждение сознания. Тем самым была расчищена почва для рассмотрения политических акций прусского монархического строя как отчуждения от «народной жизни»¹, рассмотрения политического отчуждения как результата экономических процессов.

Еще более важным шагом вперед была статья Маркса «К еврейскому вопросу» (1843), в которой задолго до создания «Капитала» явления товарного фетишизма выступали как производные от собственно экономических отношений, а фетишизация денег трактуется как вид «*крайнего практического*» выражения человеческого самоотчуждения через посредство отношений между вещами: «Отчуждение вещей есть практика

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 254, 255.

самоотчуждения человека»². Она оказывается затем посредствующим звеном между отчуждением вещей (товаров) в рамках собственно экономических отношений и религиозным отчуждением как идеализацией фетишей торгашества. Здесь К. Марксом был дан первый эскиз иерархии разных уровней отчуждения.

Нередко в выражении «человеческая эмансипация», употребляемом К. Марксом в работе «К критике гегелевской философии права. Введение». (1844), видят лишь пережиток фейербаховской терминологии, неотчетливую характеристику социалистической революции. Между тем этот термин со всей определенностью указывал на то, что пролетарская революция происходит в интересах всего трудящегося человечества, освобождая его от всех видов эксплуатации и гнета отчуждения и самоотчуждения: наиболее страдающий от отчуждения класс призван стать освободителем человека от отчуждения вообще. Пролетариат «не может себя эмансипировать, не эмансипируя себя от всех других сфер общества и не эмансипируя, вместе с этим, все другие сферы общества...». Пролетариат «представляет собой *полную утрату* человека и, следовательно, может возродить себя лишь путем *полного возрождения человека*»³, т. е. посредством коренного преобразования всего общества.

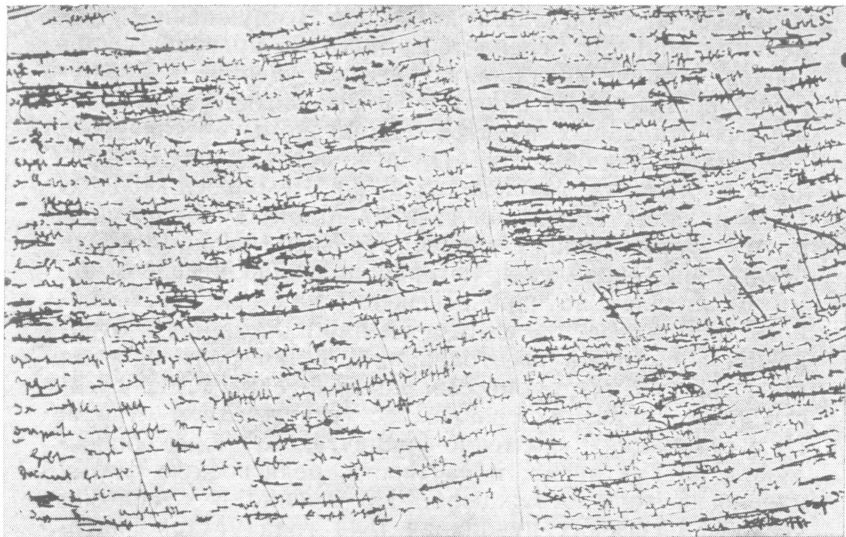
Поскольку теория различий между социально-экономическими формациями у К. Маркса к тому времени еще не сложилась, он рассматривает в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» процесс отчуждения труда пролетариата как постепенную кульминацию отчуждения труда «трудящегося человека вообще», а качественная грань между отчуждением в капиталистической и докапиталистических формациях им пока лишь намечена. Но неверно полагать, что когда эта грань была затем обрисована в «Капитале» (через выявление различий между товарно-капиталистическим и простым товарным хозяйством), то проблема устранения отчуждения пролетариев заслонила от Маркса проблему освобождения всего человечества от отчуждения. Наоборот, «человеческая эмансипация» осталась для Маркса

² См. там же, с. 408, 412.

³ См. там же, с. 428.

проблемой первостепенной значимости, неразрывная связь которой с пролетарской эмансипацией получила в дальнейшем выражение в учении о союзниках пролетариата в революции и о созидательных гуманистических функциях его диктатуры. Значит, этот термин отнюдь не является «незрелым».

В письмах К. Маркса к А. Руге на страницах «Немецко-французского ежегодника» видно, что Маркс твердо решил далее развивать критику отчужденного *«мира политических животных»* — мира монархического деспотизма и торгашеского филистерства⁴. Известна и высокая оценка, данная Марксом и Энгельсом истолкованию Фейербахом религии и гегелевского идеализма как отчуждения сущности земного человека. Но уже в «Экономическо-философских рукописях 1844 года»

Первая страница предисловия
к «Экономическо-философским
рукописям 1844 года» К. Маркса

⁴ См. там же, с. 373.

Марксово понятие отчуждения глубоко отличается и от гегелевского самоотчуждения духа, и от фейербаховского отчуждения «человека вообще».

Прежде всего необходимо дать сжатую общую характеристику «Экономическо-философских рукописей 1844 года». В этом сочинении К. Маркс существенно углубил обоснование указанной им ранее, в «Немецко-французском ежегоднике», всемирно-исторической миссии пролетариата. Здесь созданы основы марксистского учения об отчуждении и реальном гуманизме и положено начало новому этапу критики диалектики Гегеля с позиций формирующегося диалектического материализма. «Экономическо-философские рукописи 1844 года» — глубоко философское произведение, и в то же время отделить в них собственно философскую проблематику от вопросов политико-экономических и научного коммунизма очень трудно: все они органически связаны и подчинены общей задаче формирования революционного пролетарского мировоззрения.

В исследуемой здесь категории «отчуждение» теснейшим образом переплетены критика прежней философии, утопически-социалистических учений и буржуазной политической экономии с выработкой принципиальных отправных пунктов теории коммунистического преобразования общества. Понятие «отчуждение» появилось в работах Маркса ведь до Рукописей 1844 г. На страницах «Рейнской газеты» Маркс коснулся проблемы фетишизации людьми реальных экономических отношений — проблемы, которая получила в первом томе «Капитала» научное освещение как явление товарного фетишизма, т. е. отчужденно-иллюзорного отражения в сознании агентов капиталистического способа производства тех процессов, которые самым непосредственным образом связаны с отчуждением труда. На страницах «Немецко-французского ежегодника» Маркс рассматривал, в частности, религиозную форму идеологического отчуждения. Но именно в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс впервые обстоятельно рассмотрел экономическое отчуждение, происходящее в самом фундаменте общественной жизни.

Внимание К. Маркса к критическому изучению буржуазных экономических теорий было привлечено статьей Ф. Энгельса «Наброски к критике политической

экономии», которая вскрывала апологетический характер творчества буржуазных экономистов-теоретиков и указывала на начавшееся разложение буржуазной экономической науки. Маркс приходит к выводу, что в этой статье намечено то реальное направление коренного преодоления всякой буржуазной апологии социально-экономической действительности, которое объединяет его, Маркса, мысли и стремления с мыслями и стремлениями Энгельса, делая обоих отныне единомышленниками и соратниками.

Возмущение буржуазными порядками, глубокое осознание классовой несправедливости, ненависть к буржуазной лжи и лицемерию определили формирование в сознании молодого Маркса своего рода императива к исследованию труда как сущностного процесса и основы всей человеческой жизни. Началом данного исследования и явился Марксов набросок в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», посвященный одновременно и философскому и экономическому содержанию категории «отчужденный труд». Этот анализ тесно связан с критикой гегелевского понимания отчуждения и формулировкой принципиального отличия материалистической диалектики от идеалистической (гегелевской). К этому комплексу вопросов относится и критика в адрес утопических учений, которая также содержит в себе положительные философские выводы.

Проблематика «Экономическо-философских рукописей 1844 года» сконцентрирована вокруг вопросов взаимодействия категорий частной собственности и отчуждения труда. Важно выяснить генезис того и другого, их воздействие друг на друга. Маркс выдвигает две задачи: во-первых, «определить всеобщую *сущность частной собственности*, как результата отчужденного труда, в ее отношении к *истинно человеческой и социальной собственности*»; во-вторых, как «*дошел человек до отчуждения своего труда?*»⁵. Обе задачи одновременно обладают политико-экономическим характером, и, согласно этому обстоятельству, Маркс намеревался построить программу развития «всех» категорий политической экономии.

Эти задачи также и социально-философские по своей природе. Успешное их разрешение ведет к созданию

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 98.

целостного историко-материалистического мировоззрения. Обе эти задачи были нацелены на выявление глубинных корней и истоков частной собственности и отчуждения труда в их взаимопереплетении и слиянии.

«На чем зиждется *капитал*, т. е. частная собственность на продукты чужого труда?»⁶. Данным вопросом начинается фрагмент под названием «Прибыль на капитал», который явился исходным пунктом экономических размышлений Маркса в Рукописях 1844 г. Такая постановка вопроса «имеет методологическое значение, демонстрируя, что Маркс с самого начала увидел корень всех проблем буржуазного общества в *капитале* и его природе...»⁷. И видно, как зреет замысел будущего главного Марксова труда, когда мы читаем, что «*промышленный капитал* есть завершенная объективная форма частной собственности». Эта завершенность означает, что «противоположность труда и капитала, будучи доведена до крайности, неизбежно становится высшим пунктом, высшей ступенью и гибелью всего отношения»⁸. Враждебность интересов рабочих и капиталистов, враждебность интересов арендаторов и земельных собственников выливаются в классовый антагонизм, чреватый революционным взрывом.

Вся поднятая Марксом проблематика полна глубокого философского смысла. Высокий теоретический уровень анализа, его глубина и философская насыщенность предсказывают манеру написания первого варианта «Капитала», усовершенствованную затем при создании его основного текста.

В первой части Рукописей 1844 г. рассматривается отчужденный труд, и ее содержание перекликается с пятой главой первого тома «Капитала» о процессе труда и возрастании стоимости, где идет речь об «угасании», консервации этого процесса в продукте, т. е. о переходе труда в относительно покоееся качество. Но пока еще нет детального разграничения между опредмечиванием и овеществлением труда, с одной стороны, и превращением его в отчужденную вещь — с дру-

⁶ Там же, с. 59.

⁷ Лапин Н. И. Молодой Маркс. М., 1976, с. 283.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 112, 102.

гой. На различие между ними бросит яркий свет именно «Капитал». В «Капитале» будет намечена и иерархия видов отчуждения, а также охарактеризована главная производная форма отчуждения труда в экономическом сознании — «товарный фетишизм».

Пока речь идет только об отчуждении труда в «базисе» этой иерархии. На этом вопросе сконцентрировано главное внимание, и поэтому понятие отчужденного труда в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» выполняет критическую функцию в отношении не только буржуазной политической экономии, но и философии Фейербаха и Гегеля, а также и в отношении практики капиталистического общества и буржуазного сознания вообще. Производные виды отчуждения труда, т. е. отчуждение в экономическом сознании, в социальной психологии, политике, морали и т. д., пока лишь намечены.

«Отчуждение» было центральной общефилософской категорией гегелевской «Феноменологии духа». Гегель неоднократно брался за книги по политической экономии, читал в немецком переводе английского меркантилиста Д. Стюарта, изучал классика трудовой теории стоимости А. Смита. Когда же он пытался философски осмыслить освоенный им материал, то в центре его размышлений снова была проблема отчуждения. Но в выводах он идеалистически мистифицировал все действующие в этом материале категории, и прежде всего «труд», «природу», «человека», «общество». Товарные отношения превратились у него в отношения между идеями, включенные в схему общего онтологического отчуждения абсолютной идеи в природно-предметную действительность как в свое инобытие. Всякое опредмечивание у Гегеля оказывается отчуждением духа в предмет. Поэтому товарно-капиталистическая форма отчуждения ничем в принципе не отличается у Гегеля от всякого превращения труда в его овеществленный результат. У Гегеля скомкалась и деформировалась действительная сложная структура практического взаимодействия субъекта и объекта, в которой следует различать экстериоризацию, т. е. отрешение от себя во вне (Entäußerung), «опредмечивание» (Vergegenständlichung) и «овещнение» (Versachlichung) субъекта, «опредмечивание» и «овещнение» (Verdinglichung) «сырого», т. е. не подвергнутого пока трудовому воздействию, объекта

(отчужденными все эти моменты оказываются только при определенных условиях).

В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс выступил против отождествления опредмечивания с отчуждением. Вот его вывод: у Гегеля «предметность как таковая считается *отчужденным*, не соответствующим *человеческой сущности* (самосознанию) отношением человека», а это вытекает из того, что Гегель ложно рассматривает человека как «*непредметное, спиритуалистическое* существо». Но на самом деле опредмечивание как закабаление предметом, как отчуждение выступает лишь «при тех порядках, которые предполагаются (буржуазной. — И. Н.) политической экономией»⁹, т. е. в условиях капитализма.

Один из видов отчуждения у Гегеля — это переход истины в свою противоположность. Потому он счел продуктом отчуждения также и философию материализма. Однако в своей критике Гегеля Фейербах, как подчеркивает Маркс, показал, что именно гегелевская трактовка отчуждения, будучи идеалистической, есть феномен отчужденного сознания земного человека¹⁰. Во-первых, Гегель стремился примирить религию со своей философией, а во-вторых, сам идеализм есть рафинированная религия. Духовной формой отчуждения является, однако, прежде всего именно религия как непосредственная и наиболее массовая разновидность идеализма. Но Маркс отмечает, что критик Гегеля Фейербах недостаточно проник в земные корни религии и вообще не затронул экономических корней отчуждения, сведя причины последнего лишь к психологическим аберрациям.

Еще в статье «К критике гегелевской философии права. Введение» К. Маркс выразил свою неудовлетворенность сведением проблемы отчуждения к натуралистической критике лишь его религиозно-философских форм. И вообще у Фейербаха «главное-то остается еще не сделанным. А именно, то обстоятельство, что земная основа отделяет себя от самой себя и переносит себя в облака как некое самостоятельное царство, может быть объяснено только саморазорванностью и самопротиворечивостью этой земной основы»¹¹. В Рукописях 1844 г. говорится:

⁹ Там же, с. 159—160, 88.

¹⁰ См. там же, с. 154—155.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 2.

«Религиозное отчуждение как таковое происходит лишь в сфере *сознания*, в сфере внутреннего мира человека, но экономическое отчуждение есть отчуждение *действительной жизни*, — его упразднение охватывает поэтому обе стороны»¹².

Таким образом, в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс не согласен ни с гегелевским, ни с фейербаховским толкованием «отчуждения». Не принял Маркс и характерного для «истинного социалиста» М. Гесса сведения всего отчуждения к отчужденной функции денег и денежного обращения, а также наметившейся у утопического социалиста Ш. Фурье редукции отчужденности труда только к его непривлекательности, неизбежности.

Маркс положительно оценил и коренным образом переработал свойственную как Гегелю, так и Фейербаху общую для них установку критического отношения к самому отчуждению и их гуманистическое убеждение в необходимости и реальной возможности его преодоления. Как Гегель и Фейербах, Маркс убежден, что и в категориальном, и в реальном планах отчуждению противостоит свобода и человек от отчуждения должен быть освобожден. Но путь к освобождению человека Маркс понимает совсем иначе.

Сказанное нельзя понимать так, будто позиция Фейербаха и Гегеля в отношении отчуждения была одинаковой. Материалист и буржуазный демократ Фейербах относился к отчуждению гораздо более воинственно, чем Гегель. Их обоих естественно противопоставить, скажем, экзистенциалистам XX в., которые саму свободу превратили в отчужденное состояние, подвергли негативным оценкам, но и между ними дистанция значительна. В силу исходной идеалистической установки и классово обусловленного отсутствия политического «темперамента» Гегель уповает на познавательное «снятие» отчуждения. Кроме того, граница между отчуждением и упразднением отчуждения у него стирается. Ведь само отчуждение как переход духа в опредмеченное инобытие одновременно означает у Гегеля и начавшийся процесс освобождения инобытийного состояния духа от его отчужденности, поскольку материя приобретает формы, полагаемые духом, а значит, одухотворяется,

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 117.

«подымается» к духу. По-иному обстоит дело у Фейербаха: отчуждение человеческого духа есть его заблуждение¹³, концентрирующееся в религиозной иллюзии, и освобождение от отчуждения может произойти только посредством решительной борьбы против «надчеловеческих» богов. Но Маркс приходит к выводу, что ограничиться борьбой против религии за свет разума в принципе неверно. Подвиг Прометея велик, но для освобождения человечества, если понимать этот подвиг как только акт просвещения людей, он недостаточен.

Фейербах в работе «К критике философии Гегеля» и других трудах подверг взгляды Гегеля разгрому, но не смог преодолеть существенную ошибку гегелевской концепции, а именно отождествление отчуждения с коренным заблуждением сознания и опредмечиванием. Эта ошибка свойственна и самому Фейербаху: она вытекала из недостатков его антропологического принципа. Для позднего Гегеля религия — этап на пути устранения отчуждения познанием, а для Фейербаха она есть само отчуждение. Он рассматривал религию как извращенное, но неизбежное в свое время порождение индивидуальной человеческой природы, делающее людей рабами своих иллюзий, опредмечиваемых в виде предметов культа. Фейербах отверг концепцию опредмечивания абсолютной идеи, но понял религиозное отчуждение именно как ложное опредмечивание.

Заметим, что образ религиозного отчуждения как опредмечивания потребностей впервые появился в философской литературе до Фейербаха в «Естественной истории религии» Д. Юма. Юм проводил мысль, что «первоначальная религия человечества порождается главным образом тревожным страхом за будущее» и приобретает первоначально фетишистски-политеистическую форму с ее грубой предметностью. Но люди не получили от религии исцеления своих душ: она еще более сокрушила их волю и наполнила души терзаниями¹⁴.

В отличие от Фейербаха Юм считал, что слабости человеческой природы неискоренимы, а потому мало ве-

¹³ У Гегеля отчуждение, как мы знаем, также имело вид заблуждения, но при этом оно оказывается именно предметным заблуждением то ли в виде материалистического и сенсуалистического миропонимания, то ли в виде перехода духа в непосредственную предметность.

¹⁴ См.: Юм Д. Сочинения в двух томах, т. 2. М., 1966, с. 429, 523.

рил в возможность освобождения всех людей от религиозных заблуждений.

Религиозное отчуждение в смысле экстерниоризации от субъекта его потребностей, желаний и страстей, получающих иллюзорную персонификацию, превращалось у него в постоянное бедствие человеческого существования. Фейербах же предпринял попытку преодолеть это религиозное самоотчуждение человека посредством развития отношений симпатии между «я» и «ты», которым он приписал значение, равное религиозному. Но, как и у Юма, религия и религиозная философия оказываются у Фейербаха единственным действительно существующим видом отчуждения, и это также в определенной мере сближает Фейербаха с Гегелем, у которого отчуждение в своей основе является духовным процессом. Однако и Гегель, и Фейербах, как мы знаем, верили в устранимость отчуждения.

Снятие опредмечивающей ошибки религиозного отчуждения происходит у Фейербаха опять-таки духовным образом, через просвещение. В отличие от Гегеля Фейербах не отошел от взгляда, что всякая религия есть отчуждение, но, как и ранний Гегель, не понял, что религия есть не самостоятельное антропологическое отчуждение, а следствие отчуждения социального. Вместе с тем Гегель глубже, чем Фейербах, понял ограниченность просветительской идеологии, увидев и в ней вид отчуждения.

Можно найти некоторые параллели между пониманием отчуждения Фейербахом и экзистенциалистами. Для экзистенциалистов отчуждение — это также духовный процесс, точнее, процесс, в котором психика угнетает и разрушает саму себя. Однако в экзистенциалистской концепции нет преодоления отчуждения, а есть лишь перевод его в иные формы. На смену оптимизму Фейербаха и его убеждению в благотворном воздействии природы на человека пришли пессимизм и взгляд на все естественное как на нечто фатально ущербное.

Фейербах истолковал «тайну» религии как результат отчуждения человеческой сущности. Экзистенциалисты XX в. пошли в ином направлении: они выводят содержание человеческой души из ситуации отчуждения. Фейербах отверг христианскую теологию ради псевдорелигии любви, а основоположник экзистенциализма Кьеркегор подверг теологическую догму крити-

ке ради утверждения новой, «интимной» религии. Мечта об «искреннем» мироотношении приняла у него качественно иную, чем у Фейербаха, форму. Фейербах доказывал, что гуманизм по своей природе — это светское, материалистическое учение. Экзистенциалист Хайдеггер и иже с ним обвиняют материализм и коммунизм в умерщвляющей «интимности» «идеологичности». Фейербах стремился разоблачать традиционную религию как идеологическую иллюзию, враждебную по своему существу гуманизму, а многие экзистенциалисты пытаются новыми средствами утвердить миф о гуманистической, «интимной» функции религии.

Маркс извлек рациональные моменты из критики Фейербахом гегелевской трактовки отчуждения, и прежде всего ту его мысль, что ее коренные пороки определяются идеалистическим характером гегелевского мировоззрения в целом. Фейербах впервые в истории философии выдвинул материалистическую схему процесса возникновения отчуждения. И хотя эта схема оказалась ограниченной, намеченный ею механизм нашел свое, пусть подчиненное, место в понимании процессов отчуждения Марксом.

Религиозное отчуждение в условиях социального развития производно от отчуждения трудовой деятельности, и оно само по своим последствиям подобно опустошающему человека отчуждению труда. «Точно так же обстоит дело и в религии. Чем больше вкладывает человек в бога, тем меньше остается в нем самом»¹⁵. Но было необходимо преодолеть ограниченность воззрений на отчуждение у самого Фейербаха.

Фейербах развенчал идеалистическое общепhilософское понимание отчуждения, значительно сузил его рациональный смысл, но затем его же абсолютизировал как отчуждение сознания в религиозно-идеалистические представления и понятия.

У Маркса в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» понятие «отчуждение» вопреки Фейербаху вновь приобретает широкий категориальный смысл, но уже в рамках складывающегося исторического материализма, в которых религиозное отчуждение занимает лишь производное место. Категория отчуждения раскрывается Марксом как отчуждение труда, но послед-

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 88.

ствия такового охватывают весь социальный организм, включая экономическое сознание, а затем политику, социальную психологию, мораль, философию, религиозное сознание и методологию науки (последнее видно из оценок молодым Марксом буржуазной политической экономии). Тем самым подготавливается определение отчуждения в «Немецкой идеологии» как общесоциальной категории обратного направленного воздействия, которое угнетает, извращает, разрушает и опустошает.

В «Немецкой идеологии» читаем: «Это закрепление социальной деятельности, это консолидирование нашего собственного продукта в какую-то вещественную силу, господствующую над нами, вышедшую из-под нашего контроля, идущую вразрез с нашими ожиданиями и сводящую на нет наши расчеты, является одним из главных моментов в предшествующем историческом развитии»¹⁶. Из приведенного определения отчуждения видно, что здесь уже преодолено отождествление всякого опредмечивания с отчуждением, воспринятое в свое время Гегелем от Фихте¹⁷. Однако пока еще не проведено различие между «отчуждением» собственности, эксплуатацией и собственно отчуждением труда вкупе с производными видами отчуждения. Эти производные формы и виды отчуждения еще слиты с отчуждением труда как таковым в понятии «социальной силы, т. е. умноженной производительной силы», а все вместе неразличимо сращено с экспроприацией, эксплуатацией и угнетением. Вопрос же о пути ликвидации отчуждения ставится так: «Чтобы стать «невыносимой» силой, т. е. силой, против которой совершают революцию, необходимо, чтобы это отчуждение превратило большинство человечества в совершенно «лишенных собственности» людей, противостоящих в то же время существующему миру богатства и образования...»¹⁸.

Как мы отмечали, «Экономическо-философские рукописи 1844 года» не первая работа Маркса, так или иначе затрагивающая проблематику отчуждения. Путь к диалектической переработке взглядов Гегеля и Фейербаха на отчуждение лежал через ряд более ранних сочинений, в которых одновременно нашел свое отра-

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 32.

¹⁷ Излюбленный у Фихте термин «овнешнение» (Entäußerung) покрывал у него и опредмечивание, и собственно отчуждение.

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 33.

жение опыт изучения Марксом реальностей политической жизни в Рейнской области и в столице Франции¹⁹.

Если сравнить путь К. Маркса и Ф. Энгельса к первой их совместной работе — «Святому семейству», то можно сказать, что в распоряжении Энгельса было большое количество экономических фактов самой жизни, которые дали ему важный материал об эксплуатации, угнетенном и отчужденном положении английских пролетариев. Что касается Маркса, то за короткое время он смог подробно изучить как теории английских экономистов, так и критику капитализма французскими утопистами-социалистами. Его хорошая ориентация в философской проблематике отчуждения позволила ему глубоко раскрыть антиномичность капиталистической системы и подойти к анализу противоречий труда в самой их основе. Разумеется, молодой Энгельс не ограничивался эмпирическими наблюдениями, он занимался также и теоретическими исследованиями, о чем свидетельствуют его статьи в «Немецко-французском ежегоднике».

Лейтмотив размышлений К. Маркса о феномене отчуждения в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» состоит в том, что эксплуатация собственниками труда раба, крепостного крестьянина, а в особенности пролетария ведет к разрушению человека, к его обезчеловечению. Теория общественно-экономических формаций еще не сложилась, и Маркс рассматривает в Рукописях 1844 г. отчуждение труда пролетариата как количественную кульминацию отчуждения деятельности труженика вообще, качественное различие между отчуждением в докапиталистических формациях и в условиях капитализма пока лишь намечено.

Конспектируя книгу Дж. Милля «Основы политической экономии», К. Маркс подчеркнул отчуждающую функцию денег на протяжении всей человеческой истории. Отчуждение труда, как видно из контекста рассуждений Маркса, существовало уже в эпоху рабства, и «уже феодальное землевладение включает в себе господство земли над людьми как власть какой-то чуждой

¹⁹ См. об этом: «Капитал» Маркса. Философия и современность. М., 1968, с. 466—493; Философские науки, 1963, № 4, с. 97—106; Философские науки, 1967, № 4, с. 47—57.

силы». Однако это еще не всеобъемлющее, полное, а некоторое *определенное, особое* отчуждение²⁰.

Освобождение пролетариата от отчуждения, естественно, мыслится Марксом уже в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» как средство попутного освобождения также от рудиментов докапиталистического отчуждения или от тех моментов последнего, которые в «снятом» виде присутствуют в отчуждении капиталистическом. В пользу вывода о том, что докапиталистическое отчуждение было для Маркса вполне реальной (хотя и далеко не главной) проблемой, говорит и весь ход его размышлений над вопросом о корнях религиозного отчуждения. Если религия появилась еще в условиях доклассового общества, то это значит, что здесь также не обошлось без феномена отчуждения. Сперва как отчуждения людей от грозной природы — этой формы иллюзорного перетолкования факта слабости первобытного человека, слабости его социальных связей и отношений.

Итак, Маркс отвергает гегелевское понятие самоотчуждения духа в вещественность и вообще в материю и в заблуждение. Он видит и глубокую ограниченность фейербаховской концепции отчуждения естественной природы человека. В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс рассматривает отчуждение конкретного социального человека как результат социально-коллективного процесса отчуждения его труда в единстве следующих четырех последовательных моментов.

Первичный и основной из этих четырех моментов (стадий) отчуждения труда состоит в том, что рабочий в условиях капиталистического производства отчуждается «от себя в самом акте производства»: не он распоряжается своей деятельностью и собой, его труд отторгается от него как труженика, делается в отношении его внешним. Иногда полагают, что дело здесь сводится к факту эмоционального отношения пролетария к труду как для него неинтересному и постылому. Это далеко не так, и вопрос этот отнюдь не узкопсихологический, а экономический. В плане выражения экономической стороны дела получается, что пролетарий «в своем труде не утверждает себя, а отрицает, чувствует

²⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 28, 81, 110.

себя не счастливым, а несчастным, не развивает свободно свою физическую и духовную энергию, а изнуряет свою физическую природу и разрушает свои духовные силы»²¹. Истолковывать эти слова Маркса так, будто он считал феномен отчуждения лишь явлением социальной психологии (а именно так истолковывают их деятели франкфуртской школы), значило бы вырвать их из контекста и совершенно неправомерно сузить их смысл.

Вторая стадия (момент) отчуждения труда заключается в том, что конечный продукт производства, результат труда отчуждается, обособляется от рабочего, который не властен распоряжаться не только своей деятельностью, но и ее плодами. «В отчуждении предмета труда только подытоживается отчуждение в деятельности самого труда». В итоге «предмет, производимый трудом, его продукт, противостоит труду как некое *чуждое существо, как сила, не зависящая* от производителя». Определенное оказывается отчуждением, оно «выступает как *утрата предмета и закабаление предметом...*»²².

Следующий момент в развитии самоотчуждения труда рабочего приводит к отчуждению его собственной «человеческой сущности». Это понятие мало интересовало Гегеля, но было одним из главных в философии Фейербаха. От него этот термин и пришел к Марксу. Данный термин наполняется теперь новым содержанием. Он означает у Маркса, во-первых, сущностную основу человека как общественного существа, состоящую в его внутренне мотивированном труде. Во-вторых, этот термин обозначает условия существования человека, соответствующие его потребностям и создаваемые его трудом. У Фейербаха «человеческая сущность» вообще сводилась к совокупности потребностей (понимаемых только узкобиологически). Маркс же имеет в виду, что потребности человека под влиянием труда изменяются, возникают и исчезают, перестраиваясь и пополняясь; они преобразуются в новые потребности, которых прежде не было. В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» намечается еще одно значение термина «человеческая сущность» — возникающая в результате свободного развития потребностей (после упразднения частной соб-

²¹ Там же, с. 90.

²² См. там же, с. 88.

ственности) «родовая сущность» (Gattungswesen) человека. Иначе говоря, коммунистический идеал всесторонне развитой личности.

Составляя сущностную основу человека, труд в условиях капитализма, однако, далек от своей гуманизирующей функции и, наоборот, лишает рабочего подлинно человеческого существования. «...Чем больше ценностей он создает, тем больше сам он обесценивается и лишается достоинства...». Происходит разрушение человеческой личности, она утрачивает свою гармоничность, полноту, естественность, осмысленность. Отчуждая от человека его человеческую сущность, отчужденный труд «отчуждает от человека *род*: он превращает для человека *родовую жизнь* в средство для поддержания индивидуальной жизни...». «Сама жизнь оказывается лишь *средством к жизни*». Поэтому-то и получается так, что «рабочий только вне труда чувствует себя самим собой, а в процессе труда он чувствует себя оторванным от самого себя»²³. Под «родовой жизнью» (тоже фейербаховский термин) Маркс имеет в виду трудовую деятельность, без которой человек перестает быть человеком. В условиях отчуждения труда все лучшее, подлинно человеческое низводится до уровня средства сохранения животных условий жизни человека (он как бы превращается в деятельность, диктуемую потребностью наполнения пустого желудка).

Положение дел, при котором производственная жизнь рабочих оказывается лишь средством для удовлетворения единственной потребности сохранить свое существование, выжить, превращает природную основу человеческого бытия, сами природные потребности в нечто враждебное человеку. В этом смысле Маркс пишет, что отчужденный труд отчуждает от человека не только его собственную природу, но и природу вообще. Между тем освобожденный от отчуждения человек «производит даже будучи свободен от физической потребности, и в истинном смысле слова только тогда и производит, когда он свободен от нее...». Имеется в Рукописях 1844 г. и мысль о так называемом отчуждении техники: «Машина приноравливается к *слабости* человека, чтобы превратить *слабого* человека в машину»²⁴.

²³ Там же, с. 89, 92, 93, 90.

²⁴ Там же, с. 93, 130.

Таким образом, отчуждение человека от природы, наметившееся уже в условиях первобытного общества, а затем заслоненное все возрастающим отчуждением людей друг от друга в рамках нарастания классовых антагонизмов в системе общественного производства, вновь говорит о себе, но уже как следствие отчуждения труда. Известно, какой резкий характер приобрело отчуждение природы в условиях позднего капитализма, когда оно вылилось в грозную экологическую проблему. Что касается отчуждения техники, то эта иллюзорная форма отчуждения труда, когда-то овладевшая луддитами, разрушителями машин, ныне захватила умы многих апологетов капитализма, желающих свалить на технику вину за все неурядицы и бедствия буржуазного общества.

В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс обращает внимание на то, что свойства, которых лишается отчужденный человек и которые «переселяются» в отношения между участниками капиталистического производства, вбираются ими в себя и вновь приобретают в их сознании субъективизированную, персонифицированную форму. Субъект опустошается прежде всего в том смысле, что утрачивает ценностное содержание (он теряет представление о смысле, целях и идеалах своей жизни, хотя в то же время наполняется угнетающими и разрушающими эмоциями), отношения между людьми овеществляются, а затем сами выступают в роли квазисубъекта, действующего против людей. Разнообразные продукты труда противостоят теперь производителю как некое чуждое существо, и они все более получают статус самостоятельной жизни: «...чем больше рабочий выматывает себя на работе, тем могущественнее становится чужой для него предметный мир, создаваемый им самим против самого себя...»²⁵. Осознание этого чуждого могущества еще более губительно воздействует на человека.

Позднее, в «Капитале», К. Маркс раскроет это явление, обозначив его как «товарный фетишизм». Экономическое отношение людей принимает в их глазах форму отношений между вещами, как бы вдруг обретшими самостоятельность и волю. По аналогии с религией «продукты человеческого мозга представляются самосто-

²⁵ Там же, с. 88.

тельными. существами, одаренными собственной жизнью, стоящими в определенных отношениях с людьми и друг с другом»²⁶, а затем и приобретающими над людьми роковую власть.

Товарный фетишизм, как отмечает Маркс, нашел свое обиталище и в вульгарной буржуазной политической экономии XIX в. В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» о товарном фетишизме идет речь как о денежном фетишизме, упомянутом Марксом еще в статье «Дебаты по поводу закона о краже леса», отмеченном затем в «Немецко-французском ежегоднике» и далее в конспекте работы Дж. Милля «Основы политической экономии». Теперь, в Рукописях 1844 г. Маркс использует художественные гиперболы из «Тимона Афинского» Шекспира²⁷. Здесь же напрашивается ассоциация денежного фетишизма с идеями М. Гесса в его работе «О сущности денег».

В статье «О сущности денег» Гесс писал, что «деньги — это продукт взаимно отчужденных людей, отрешенный вонне человек... Бог — это только идеализированный капитал, небо — это только теоретический торгашеский мир... Торгашеский мир — это практический мир видимости и лжи»²⁸.

Товарный фетишизм есть влияние вторичного отчуждения, при котором отчуждение труда (поскольку люди находятся в его власти, а его тайна ими не раскрыта) представляется им в отстраненно-осознанной, превратно-иллюзорной форме. И «в какой мере разрешение теоретических загадок есть задача практики и опосредствуется практически, в какой мере истинная практика является условием действительной и положительной теории, видно, например, на *фетишизме*»²⁹.

Наконец, в качестве последующей стадии (момента, определения) отчуждения труда К. Маркс в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» указывает на отчуждение людей друг от друга. Может быть, на этих размышлениях Маркса особенно сказались его собственные наблюдения жизни в столице буржуазной Франции.

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 82.

²⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 146—149.

²⁸ Hess M. Philosophische und sozialistische Schriften. 1837—1850. Berlin, 1961, S. 335, 337, 334.

²⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 135.

Говоря о взаимоотношении людей друг от друга, Маркс имеет в виду конкурентное взаимообособление всех участников капиталистического производства. Оно кажется им полным взаимораспылением друг от друга в силу столкновения резко противоположных интересов будто бы абсолютно автономных индивидов. Раньше казалось, что эта ситуация исчерпывается простой формулой «человек человеку — волк». В действительности это гораздо более сложный процесс: к конкуренции между капиталистами добавляется конкуренция между рабочими, и она «становится все сильнее, противоестественнее и принудительнее»³⁰.

Внутриклассовая рознь есть лишь сторона продолжающейся поляризации классовой структуры буржуазного общества. И если пролетарий с неразвитым сознанием видит врага в своем собрате по труду, то по мере своего идейного развития он начинает видеть противника в «нерабочем», т. е. капиталисте. Именно «когда человек противостоит самому себе, то ему противостоит *другой человек*»³¹. Причем противостоит не всякий другой, а принадлежащий к противоположному классу.

Все стадии и моменты отчуждения труда Маркс резюмирует посредством сочетания понятий «*отчужденного труда*», т. е. *отчужденного человека*, отчужденной жизни»³². Уже в 1844 г. Маркс исходит из идеи, что «отчуждение» есть одно из существенных противоречий общественной жизни, и поэтому в вопросе об отчуждении речь идет не только о замене онтологического, гносеологического (Гегель) и психологического (Фейербах) толкования данной категории экономическим, а об обосновании и развитии этого последнего толкования в рамках качественно нового мировоззрения. Характер этого развития определяется тем, что термин «отчуждение» и даже более конкретный термин «отчуждение труда» используются Марксом в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» не только в непосредственном смысле, но и в более широком, включающем в себя дополнительные значения. Этот момент в истории развития марксистской философии существен.

В ряде мест «Экономическо-философских рукописей

³⁰ Там же, с. 50.

³¹ Там же, с. 94.

³² Там же, с. 97.

1844 года» под отчуждением труда имеется в виду не только собственно отчужденный труд, его основные стадии (моменты, определения) и производные формы, но также и причинно-следственно связанные с отчуждением труда эксплуатация и угнетение. Таким образом, в этой работе имеет место не одно лишь слияние понятий эксплуатации, отчуждения и угнетения, но и временное обозначение этих категорий пока принятым в качестве общего для них термином «отчуждение труда».

Так, Маркс замечает, что труд отчужденного рабочего «не добровольный, а вынужденный; это — *принудительный труд*. Это не удовлетворение потребности в труде, а только *средство* для удовлетворения всяких других потребностей, но не потребности в труде». Очевидно, что принудительность не входит в сущность отчуждения и не исчерпывает содержания отчуждения труда. К тому же отчуждение труда существовало задолго до капитализма при различных видах принуждения к труду, что отличалось от вынужденности труда пролетария. Принудительность в смысле вынужденности переплетается с угнетением, и если трудящийся «относится к своей собственной деятельности как к деятельности подневольной, то он относится к ней как к деятельности, находящейся на службе другому человеку, ему подвластной, подчиненной его принуждению и игу»³³.

Наконец, значение термина «отчуждение труда» непосредственно переходит в понятие «эксплуатация», смыкается с ним, из него «выглядывает», но и от него же по существу отличается. В силу частнособственнических отношений «*присвоение, освоение*, выступает как *отчуждение*, а *отчуждение* выступает как *присвоение...*». Как предварительное обозначение всей сложной (пока еще детально не исследованной, но для этого будущего исследования предназначаемой) совокупности экономических отношений между рабочими и капиталистом Маркс применяет термин «отчуждение» в следующем высказывании: «Освоение предмета выступает как отчуждение до такой степени, что чем больше предметов рабочий производит, тем меньшим количеством их он может владеть и тем сильнее он подпадает под власть своего продукта, капитала». Но это же отношение развивается

³³ Там же, с. 90—91, 96.

в направлении сведения «к экономическому отношению эксплуататора и эксплуатируемого...»³⁴. В дальнейшем у Маркса произойдет «сужение» содержания понятия «отчуждение». Недаром в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» уже образовалась категориальная пара «отчужденный труд» и «ликвидация частной собственности», которая отличается по содержанию от категориальной пары «отчуждение» и «свобода», характерной для размышлений общеполитического, а не собственно экономического характера.

Определенная широта содержания, вкладываемого Марксом в понятие «отчуждение» в Рукописях 1844 г., отчасти была обусловлена тем, что в этом сочинении выписки из произведений авторов-экономистов и заметки по поводу их взглядов были предварительно суммированы с философскими комментариями и размышлениями по поводу «Феноменологии духа» Гегеля и взяты как бы в рамках некоторой предварительной целостности.

К. Маркс комментирует А. Смита, Дж. Милля, Д. Рикардо, Ж. Сисмонди, Ж. Б. Сэя и других экономистов с широкой философской точки зрения, а Гегеля — имея в виду возможный экономический эквивалент его понятий и категорий. Не удивительно поэтому, что характеристики денег как «*подлинно творческой силы*» и как образа отчуждения (т. е. как «братания невозможностей», «отчужденной *мощи*» и «*извращающей силы*») у Маркса настолько сближены, что его формула «Рабочий вправе иметь лишь столько, сколько нужно для того, чтобы хотеть жить, и он вправе хотеть жить, лишь для того, чтобы иметь [этот минимум]»³⁵ воспринимается как описание следствий и отчуждения и эксплуатации. Сближена эта характеристика и с анализом последствий частной собственности как таковой. Сближена, но не отождествлена: наоборот, намечается их будущее разделение.

Отсюда вытекает постановка задачи на дальнейшие исследования: «...осмыслить существенную взаимосвязь между частной собственностью, корыстолюбием, отделением друг от друга труда, капитала и земельной собственности, между обменом и конкуренцией, между сто-

³⁴ См. там же, с. 99, 88, 82.

³⁵ Там же, с. 149, 150, 132.

имостью человека и его обесценением, между монополией и конкуренцией и т. д., между всем этим отчуждением и *денежной* системой»³⁶.

Эта задача означает, в частности, выяснение причинно-следственных отношений между отчуждением и эксплуатацией труда, а также производными формами отчуждения. «Понятием отчужденной формы социального общения Маркс,— пишет Т. И. Ойзерман,— обозначает частную собственность, капитал, товарный обмен, деньги, которые разъединяют людей, противопоставляют их друг другу. Но человек есть существо общественное, социальное общение — реальная сущность человека»³⁷.

Чрезмерно широкого, неуточненного понимания «отчуждения», как показала борьба против фразеологии «истинных социалистов», было, конечно, недостаточно, и Маркс хорошо понимал необходимость содержательных уточнений. В «Капитале» и была поэтому реализована намеченная в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» задача уточнения и «сужения» значения категории отчуждения (однако не в смысле уменьшения ее роли, а в смысле более детального определения занимаемого ею места, хотя объективно это и повело к некоторому уменьшению ее роли в собственно экономическом исследовании).

Попытки современных нам буржуазных марксологов и ревизионистов противопоставить в трактовке отчуждения «Капитал» «Экономическо-философским рукописям 1844 года» неосновательны. «Капитал» продолжил и завершил начатое в них дело, разрешил выдвинутую в них задачу, дал ответы на поставленные в них вопросы.

Если категория отчуждения труда столь важна в аспекте судеб пролетариата и вообще трудящихся, то спрашивается: какова сущность самого труда? У Гегеля здесь ответа мы не найдем. Молодой Маркс высоко оценил политико-экономическую теорию Смита, которая «признала своим принципом *труд*», но Маркс считает недостаточным признание за трудом только собственно *экономического* значения. Он видит в труде фундаментальный феномен всего социального процесса:

³⁶ См. там же, с. 87.

³⁷ Ойзерман Т. И. Формирование философии марксизма. М., 1974, с. 265.

«...вся так называемая всемирная история есть не что иное, как порождение человека человеческим трудом...»³⁸. Здесь труд оценивается как главная форма человеческой жизнедеятельности, которая в историческом измерении есть производственный процесс и основной вид общественной практики.

Такое понимание вопроса кладет конец узкоантропологической трактовке человека. Положения Маркса: «...мое *собственное* бытие *есть* общественная деятельность...»; «Индивид *есть* общественное существо» — предвосхищают его шестой тезис о Фейербахе. Тем самым получает объяснение глубина воздействия капиталистического труда на судьбы людей. В условиях капитализма труд «оказывается вредным, пагубным», т. е. отчужденным, враждебным к субъекту, сущность которого он же, труд, и составляет. Коль скоро осуществленный труд означает «опредмечивание *родовой жизни человека*»³⁹, отчуждение наносит наиболее чувствительные удары трудящимся. Тем более животрепещущей и практически актуальной является задача раскрытия корней и механизма отчуждения труда.

Эта задача была затронута и сразу же мистифицирована Гегелем. В «Феноменологии духа» он, по словам Маркса, «ухватывает сущность *труда* и понимает предметного человека... как результат его *собственного труда*»⁴⁰. Гегель подметил, что труд выводит человека из инстинктивно-животного состояния в сознательно-социальное, его «образует»⁴¹. Но Гегель, как отмечает Маркс, «знает и признает только один вид труда, именно *абстрактно-духовный труд*»⁴².

Отсюда и происходит уже знакомая нам двойственность человеческой оценки труда, который одновременно и одухотворяет природу, и втискивает дух в материальный панцирь, заковывает в цепи вещественности. Гегель в мистифицированной форме ухватил двойственность, противоречивость социального прогресса: отчуждение труда исторически было необходимо, как необходим затем и обратный процесс — снятие отчуждения. Маркс также считает, что развить людям свои родовые

³⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 108, 126.

³⁹ См. там же, с. 118, 119, 53, 94.

⁴⁰ См. там же, с. 159.

⁴¹ См.: Гегель. Соч., т. IV, с. 105.

⁴² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 159.

силы исторически было «возможно сперва только в форме отчуждения»⁴³, но ныне отчуждение стало реакционной силой.

Как же решается задача раскрытия корней отчуждения труда, свободного от какой бы то ни было мистификации? Через анализ роли частной собственности в этом процессе. Превращение опредмеченности труда в его отчужденность, а рабочего — в отчужденного пролетария совершается именно вследствие активного социально-экономического функционирования частной собственности. На это Маркс и указывает уже при характеристике первого момента отчуждения рабочего: «...этот труд принадлежит не ему, а другому, и сам он в процессе труда принадлежит не себе, а другому». Тем более это касается продукта труда: «Если продукт труда не принадлежит рабочему, если он противостоит ему как чуждая сила, то это возможно лишь в результате того, что продукт принадлежит *другому человеку, не рабочему*». Отчуждение труда коренится в частной собственности как определенном отношении между людьми. «*Частная собственность*, как материальное, резюмированное выражение отчужденного труда, охватывает оба эти отношения: *отношение рабочего к труду, к продукту своего труда и к не-рабочему* и *отношение не-рабочего к рабочему и к продукту его труда*»⁴⁴. Возникает вопрос о происхождении самой частной собственности.

Речь прежде всего идет о капиталистической частной собственности, что очевидно из противопоставления рабочему, лишенному собственности, «не-рабочего», обладающего ею (т. е. капиталиста). Из ряда фрагментов «Экономическо-философских рукописей 1844 года» видно, что Маркс связывает происхождение капиталистической частной собственности с разложением феодально-крепостнической собственности: на смену отношениям, образно выраженным пословицей «Нет земли без сеньора», приходят отношения, при которых «деньги не имеют господина». Однако только высшая форма развития частной собственности есть капиталистическая частная собственность. Маркс ставит вопрос не только применительно к ней, но также и в его общем виде, т. е. применительно к частной собственности на средства

⁴³ См. там же.

⁴⁴ Там же, с. 91, 95, 99.

производства вообще. И предварительное решение этого вопроса таково: «...хотя частная собственность и выступает как основа и причина отчужденного труда, в действительности она, наоборот, оказывается его следствием, подобно тому как боги *первоначально* являются не причиной, а следствием заблуждения человеческого рассудка. Позднее это отношение превращается в отношение взаимодействия»⁴⁵.

Маркс намечает программу будущих изысканий, исходящую из тезиса о наличии двух видов отчуждения труда: первоначального, которое предшествует частной собственности; и вторичного, производного, который частной собственностью опосредствован и ею по сути дела порожден. Задача выяснения генезиса отчуждения труда раздваивается здесь на две взаимосвязанные, но разные задачи. В отношении частной собственности к отчуждению труда выявляются две стороны: та, где она есть следствие, и другая, где она есть причина. При этом подчеркивается исторический характер движения частной собственности через две стороны названного отношения и вообще ее исторически преходящий характер. Итак, надлежит «проводить различие между *первоначальной* формой отчужденного труда, породившей частную собственность, и его последующей исторической формой, которая существует и развивается вместе с частной собственностью, на базе последней. Без этого разграничения нельзя понять, почему уничтожение частной собственности на определенной ступени общественного развития означает вместе с тем и уничтожение отчужденного труда»⁴⁶.

Перед нами вопрос, в решении которого хорошо видна противоположность Марксовой и гегелевской методологий. Для Гегеля частная собственность есть следствие отчуждения духа в труд. Иначе и быть не может, потому что отчуждение идеи в свое инобытие предшествует, согласно его системе абсолютного идеализма, всякому процессу и его результату в сфере объективного духа. Для Маркса вопрос заключается в том, чтобы выяснить реальную диалектику взаимодействия двух социально-экономических процессов: возникновения частной собственности и генезиса отчуждения труда.

⁴⁵ Там же, с. 82, 97.

⁴⁶ Ойзерман Т. И. Формирование философии марксизма, с. 276.

Проведение различия между первичным и вторичным отчуждением труда направляет внимание исследователя на два разных, хотя и взаимосвязанных, процесса. Во-первых, это порождение частной собственности первоначальным отчуждением труда, которое по времени происходило почти одновременно с порождением собственности, но по существу было именно причиной последней. Во-вторых, это следствие расширенного воспроизводства отчуждения труда частной собственностью, где одновременность (или почти одновременность) обоих феноменов также не может отменить факта определенной причинно-следственной зависимости.

Что же представляло собой первоначальное отчуждение труда? Для ответа на этот вопрос надо было продолжить исследование противоречий труда и его продукта-товара, что впоследствии стало одной из задач, которые надлежало решить в «Капитале». Здесь была бы недостаточна туманная ссылка просто на «неразвитость» человеческих сил и отношений.

Своеобразную точку зрения на данный вопрос можно обнаружить у М. М. Розенталя. Он считает, что «неправомерна сама постановка вопроса о том, что было раньше: отчуждение труда или частная собственность». Для оправдания такого тезиса выдвигается мысль, что отчуждение и частная собственность у молодого Маркса «в известном смысле тождественны»⁴⁷. Правда, далее утверждается, что между ними существует причинно-следственная связь, согласно которой отчуждение труда порождается частной собственностью. Однако в конце концов Розенталь выводит частную собственность из ранних фаз разделения труда. Но ведь это выведение конкретизируется непременно через процессы отчуждения результатов труда от непосредственных производителей, причем эти процессы и ведут к возникновению частной собственности как устойчивого института. Что касается «тождества» ее с отчуждением труда, то, хотя частная собственность и владеет отчужденным трудом, это свидетельствует не о тождестве частной собственности и отчуждения труда, а об их тесной взаимозависимости.

Частная собственность возникла в свое время, ибо имела место «историческая *необходимость* частной соб-

⁴⁷ Розенталь М. М. Диалектика «Капитала» К. Маркса. М., 1967, с. 297, 294.

ственности»⁴⁸. Однако ныне она изжила себя, и необходимо ее «положительное» упразднение, положительное в том смысле, что нужна иная, чем прежде, форма собственности. Общество без всякой собственности существовать не может, ликвидировать частную собственность — значит не упразднить собственность вообще, но заменить ее иной собственностью, а именно утвердить собственность общественную.

Частная капиталистическая собственность противоположна общественной, враждебна ей, но в своем развитии, ведущем к углублению отчуждения труда, она формирует классовый антагонизм, который приближает общество к революционному ниспровержению частной собственности. Противоположность между отсутствием собственности у наемных рабочих и частной собственностью у капиталистов развивается в «противоположность между *трудом* и *капиталом*»⁴⁹, т. е. в социально-классовое противоречие. Оно должно быть разрешено, что и положит конец отчуждению труда.

В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс приходит к выводу, что освобождение человека от отчуждения не может быть достигнуто ни идеалистическим перетолкованием реальной ситуации с целью примирения с ней (Гегель), ни просвещением, ограниченной целью которого состоит в освобождении умов от религии и идеализма (Фейербах).

Освобождение от отчуждения не может быть плодом каких-то частных реформ. Оно может произойти только на основе ликвидации частной собственности и создания собственности общественной, т. е. в результате коренного коммунистического преобразования общества. Носитель миссии освобождения человечества от отчуждения — тот класс, который непосредственно страдает от отчуждения труда, т. е. пролетариат.

И поскольку в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» под «отчуждением», как отмечено выше, имеются в виду также и эксплуатация, и угнетение вообще, то ориентация пролетариата на борьбу против отчуждения не только не противостоит его ориентации на борьбу против капиталистической эксплуатации, но, наоборот, сливается с нею.

⁴⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 118.

⁴⁹ См. там же, с. 113.

ЛИКВИДАЦИЯ ОТЧУЖДЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЧЕЛОВЕКА

Анализ восстановления и развития личностного начала в человеке, труд которого освобожден от отчуждения, а также критика утопического коммунизма — это тот вклад молодого Маркса в теорию научного гуманизма, основы которой были им заложены в «Экономическо-философских рукописях 1844 года». Одним из условий этого теоретического шага стала основательная критика взглядов Гегеля на человека и его отчуждение.

Указанный анализ Маркс мыслил как выяснение механизма образования собственно человеческих, социальных потребностей — материальных и духовных, которые искажаются и умерщвляются потребностями отчужденными, ложными (например, религиозными). Дорога гуманизации человека, труд которого более не отчужден, пролегает через ряд последовательных этапов отрешения его от ложных потребностей и культивирования потребностей подлинно человеческих. Но непременным условием этого процесса является революционное ниспровержение отчуждения труда.

Критикуя утопически-коммунистические теории, Маркс связывает «грубый и неосмысленный» уравнительный коммунизм с продолжающейся в его условиях фетишизацией частной собственности и отрицанием личности человека. В этой разновидности утопизма преобладают по крайней мере два отчужденных чувства: «зависть и жажда нивелирования», возвращающие «к неестественной простоте бедного, грубого и не имеющего потребностей человека...»¹.

Итак, идеи уравнительного коммунизма остаются «в плену» у частной собственности. Критика этих идей была продолжена затем Марксом и Энгельсом в ряде работ, в том числе в «Манифесте Коммунистической партии». В этом классическом произведении, завершающем процесс формирования марксизма, есть замечательные страницы, посвященные разоблачению капита-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 114, 115.

листического отчуждения человека и его ценностей, девальвации буржуазной морали, семьи и правовой справедливости. В этой связи возникает вопрос о воздействии механизма отчуждения на разные классы общества. Ответ здесь ясен: да, отчуждение поражает и класс эксплуататоров, но те материальные возможности частной собственности, которыми располагают его представители, дают им массу средств для «утешения». Имущий класс «чувствует себя в этом самоотчуждении удовлетворенным и утвержденным, воспринимает отчуждение как свидетельство *своего собственного могущества* и обладает в нем *видимостью* человеческого существования»². Главный объект отчуждения — всегда класс эксплуатируемый, угнетаемый.

Всю свою критику в адрес уравнилельных коммунистических учений, характеризующихся ненаучностью, утопизмом, Маркс в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» связывает с выявлением вреда, приносимого частной собственностью в любом ее, пусть и модифицированном, виде. Она извращает не только материальную производительную деятельность, но и духовное творчество, всю человеческую психологию и систему ценностей. Частная собственность, разжигая чувство обладания и жажду наживы у капиталистов, вместе с тем вызывает в тенденции упрощение потребностей, «скотское одичание»³ у эксплуатируемых.

Уничтожение частной собственности принесет «полную *эмансипацию* всех человеческих чувств и свойств», на основе которой сложится всесторонний, целостный человек. Коммунистическое движение несет с собой «обогащение *человеческого существа*»⁴. Из своих личных наблюдений, полученных во встречах с коммунистически настроенными ремесленниками и рабочими Парижа, Маркс делает вывод, что революционная солидарность формирует дух коллективизма. «...Человеческое братство в их устах не фраза, а истина, и с их загрубелых от труда лиц на нас сияет человеческое благородство». Коммунистическое движение воспитывает в человеке «потребность в том величайшем богатстве, каким является *другой человек*»⁵.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 39.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 129.

⁴ См. там же, с. 120, 128.

⁵ Там же, с. 136, 125.

Эта гуманистическая перспектива чужда поверхностному морализаторству. В то же время Маркс гневно бичует бессердечие и цинизм буржуазного общества и решительно отстаивает моральные ценности свободного труда, общественной собственности, разносторонне развитого человека. Коммунизм выступает как *«положительное упразднение частной собственности — этого самоотчуждения человека — и в силу этого как подлинное присвоение человеческой сущности человеком и для человека; а потому как полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства предшествующего развития, возвращение человека к самому себе как человеку общественному, т. е. человеческому»*⁶.

Развивая в Рукописях 1844 г. идеи, высказанные им до этого на страницах «Немецко-французского ежегодника», Маркс мыслит коммунизм как революционное уничтожение отчужденного труда и созидательное утверждение труда свободного, творческого, подлинно человеческого. Маркс подчеркивает, что *«эмансипация общества от частной собственности и т. д., от кабалы, выливается в политическую форму эмансипации рабочих, причем дело здесь не только в их эмансипации, ибо их эмансипация включает в себе общечеловеческую эмансипацию...»*⁷. В «Святом семействе» эти положения получают дальнейшее развитие.

Таким образом, в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» через посредство категории отчуждения складывается историко-материалистическое обоснование коммунизма, опирающееся на вчерне намеченные, пока еще не разработанные экономические категории. Это двойное — философское и экономическое — обоснование определяется тем, что «отчуждение» здесь понимается в широком смысле слова. «Положительное упразднение всякого отчуждения»⁸ — освобождение от него означает также и освобождение от эксплуатации, порождаемой частной собственностью. Коммунизм — это не результат внутреннего озарения умов гениальных теоретиков, а необходимый продукт развития противоречий отчужденного труда в буржуазном обществе, он есть средство и результат разрешения этого противо-

⁶ Там же, с. 116.

⁷ Там же, с. 98.

⁸ Там же, с. 117.

речия. Уже в Рукописях 1844 г. Маркс стремится выработать научный подход к проблеме коммунизма. Не приходится специально доказывать, что рамки гегелевского понимания отчуждения сломаны здесь Марксом окончательно и бесповоротно. Дальнейший анализ им этой проблемы уже не имеет с гегелевским кругом понятий ничего общего.

Какое конкретное содержание вкладывает Маркс в термин «коммунизм» на страницах «Экономическо-философских рукописей 1844 года»? Немало дискуссий было вызвано словами Маркса о том, что коммунизм «есть необходимая форма и энергический принцип ближайшего будущего, но как таковой коммунизм не есть цель человеческого развития, форма человеческого общества»⁹. Что имел в виду Маркс? Возможно, он хотел подчеркнуть бесконечность социального развития уже в рамках общества, свободного от частной собственности. Возможно, что он желал подчеркнуть коммунистический характер революционного движения пролетариата в отличие от достигаемого в ходе этого движения результата в виде определенного общественного строя.

Коммунизм как социальный результат имеет в Рукописях 1844 г. особое терминологическое обозначение. Маркс называет его «завершенным натурализмом» и «завершенным гуманизмом», чем и подчеркивает его подлинно гуманистический характер. Но возможно также, что обсуждаемая формулировка означает зародыш свойственного зрелому марксизму различия между двумя фазами (низшей и высшей) коммунизма как социального строя: молодой Маркс называет коммунизмом этап исторического развития освобожденного человечества, а о социализме пишет как о возвращении человека к состоянию, свободному от угнетения¹⁰. Конечно, это не более как зародыш: только в «Критике Готской программы» (1875) Маркс проводит вполне определенное различие между «первой» и «высшей» фазами коммунистического общества¹¹.

Пока это разграничение выдвигается как проблема, подлежащая разрешению в дальнейшем. Также про-

⁹ Там же, с. 127.

¹⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 116.

¹¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 19—20.

блемный характер носят высказывания Маркса, что в условиях капитализма человек выступает как «товар» и он же как рабочий есть «капитал»¹². Это еще не окончательные утверждения, а лишь предположения и даже не столько предположения, сколько указания на имеющие хождение представления. Задача дальнейшего анализа — выяснить, где же находится истина.

Комментируя буржуазных экономистов, Маркс делает пока лишь первые шаги на пути к выяснению того, что товарный характер присущ не рабочему как человеку, а человеку как рабочей силе. На самом деле мы читаем у Маркса, что, согласно логике политэкономии, потребности рабочего превращаются «только в *потребность* содержать его во время работы, и притом лишь постольку, поскольку это необходимо для того, чтобы *рабочее поколение* не вымерло». И еще: «...рабочий, точно так же как и всякая лошадь, должен получать столько, чтобы быть в состоянии работать»¹³.

Что касается вопроса о товарном характере труда, то здесь Маркс намечает проблемную антиномию, предшественницу обнаруженной им позднее антиномии возникновения капитала. В Рукописях 1844 г. он пишет: «...если труд есть товар, то это — товар с самыми счастливыми свойствами. Но, даже согласно основным положениям политической экономии, труд не есть товар, так как он не является *свободным результатом свободной рыночной сделки*»...»¹⁴. В «Капитале» Маркс выявляет проблемную ситуацию: превращение владельца денег «в настоящего капиталиста... должно совершиться в сфере обращения и в то же время не в сфере обращения. Таковы условия проблемы»¹⁵. Так Кантова идея об антиномических противоречиях философского познания получает материалистическое перетолкование, противоречия познания обнаруживают свою подлинную, эвристическую функцию.

Намечается у молодого Маркса и диалектическое понятие абстрактного труда. В Рукописях 1844 г. Маркс предвосхищает ту тенденцию экономического развития, которую в «Капитале» назовет законом всеобщего ка-

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 100, 107.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 101, 53—54.

¹⁴ Там же, с. 57.

¹⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 177.

питалистического накопления и которая всего лишь в форме эмпирического факта была замечена рядом утопистов, в том числе Вейтлингом¹⁶. В Рукописях 1844 г. читаем: «Рабочий становится тем беднее, чем больше богатства он производит, чем больше растут мощь и размеры его продукции»¹⁷. На одном полюсе общества накапливаются нищета и отчуждение, на другом — богатство и частная собственность.

Соединение в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» философского анализа отчуждения труда с наброском экономического анализа процессов образования прибыли на капитал и функционирования частной собственности составляет отправной пункт движения к будущему открытию Марксом действительного источника прибавочной стоимости. Пока молодой Маркс надеется, что через анализ взаимодействия частной собственности и отчужденного труда в будущем удастся выявить весь механизм капиталистической экономики. Работая над «Капиталом», Маркс установит недостаточность размышлений только над понятиями «прибыль» и «частная собственность», но вместе с тем обнаружит, что отнюдь не ошибся, указав в Рукописях 1844 г. на их огромную важность для этого исследования.

Итак, вырисовывается широкая программа исследования проблем диалектики жизни капиталистического общества с позиций и в интересах революционного пролетариата. Для достаточно полного познания этой диалектики были необходимы анализ фундаментального противоречия в расширенно воспроизводящейся «клетке» капиталистической общественно-экономической формации, выявление диалектической специфики рабочей силы как создателя прибавочной стоимости, установление основных категорий общественного бытия и раскрытие их внутренней диалектической связи. Заметим, что в Рукописях 1844 г. уже применяется категория «производительные силы», но она пока выступает как заимст-

¹⁶ Вейтлинг писал, например, что «чем больше при социальном неравенстве развиты торговля и коммерция, тем больше нищета трудящихся классов» (*Вейтлинг В. Гарантии гармонии и свободы*. М.—Л., 1962, с. 208).

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 87.

ванная у А. Смита¹⁸ и других экономистов. Она еще не поставлена в диалектическую связь с теми отношениями, которые Маркс назовет затем «производственными». Предстояло также выявить те отношения между отчуждением труда и частной собственностью, которые проистекают из последствий разделения труда, присущих классово антагонистическим обществам. В Рукописях 1844 г. эта задача формулируется так: «*Разделение труда* есть экономическое выражение *общественного характера труда* в рамках отчуждения». И далее: «Рассмотрение *разделения труда* и *обмена* представляет величайший интерес...»¹⁹.

Так из очень широкого и емкого, но уже в силу этого не вполне четко ограниченного понятия социального отчуждения начинает вычленяться понятие разделения труда как процесса, исторически приведшего к отчуждению труда. Однако само это разделение труда, как будет выяснено в «Капитале», есть следствие диалектически противоречивого единства абстрактного и конкретного труда. Гегель и не помышлял о раскрытии внутреннего противоречия труда. Все те противоречия, которые у Гегеля применительно к категории «труд» (*die Arbeit*) могли бы считаться внутренними, находясь, по его мнению, все-таки в предшествующих категориях объективного и субъективного духа, и прежде всего в категориях системы потребностей. В «Феноменологии духа» Гегель, рассматривая вопрос об отчуждении духа в труд, относит анализ труда только к проблеме труда конкретного, производящего потребительные стоимости. Позднее в «Философии права» Гегель, правда, будет говорить о «всеобщем и объективном в труде»²⁰, но это всеобщее у него заключается в абстракции духа. Он недаром читал Смита, Сея, рикардовцев и упоми-

¹⁸ «В собственных текстах К. Маркса и Ф. Энгельса оно (понятие «производительные силы» — *И. Н.*) появляется одновременно с началом их экономических занятий в 1843—1844 гг.: у Энгельса — в «Набросках к критике политической экономии» (ноябрь 1843 г.), у Маркса — в Парижских эксерцптах, в тетрадях с выписками из книг Ф. Листа (возможно, конец 1843 — начало 1844 г.) и А. Смита (весна 1844 г.) и в «Экономическо-философских рукописях» (лето 1844 г.)» (см. *Багатурия Г. А.* Категория «производительные силы» в теоретическом наследии Маркса и Энгельса. — Вопросы философии, 1981, № 9, с. 104).

¹⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 42, с. 140, 144.

²⁰ См.: *Гегель.* Соч., т. VII. М.—Л., 1934, с. 222.

нает о разделении труда, но это понятие у него не связано с диалектикой абстрактного и конкретного труда и выступает лишь как мостик к понятию о механизировании труда. Разделив иллюзии луддитов, Гегель увидел в машинах, как таковых, одну из главных причин бедности рабочих.

Именно Маркс раскроет в диалектике конкретного и абстрактного труда глубокие корни всех экономических противоречий, развивающихся многоступенчатым образом. И уже в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» он находится на пороге своего открытия глубинной диалектики производства как источника самодвижения истории, а к этому порогу он подошел (как мы знаем) через анализ категории отчуждения и скрытых в ней дальнейших возможностей исследования.

Частная собственность, по Марксу, «является материальным, чувственным выражением *отчужденной человеческой жизни*». И хотя Маркс использует феербаховское понятие материальности как природной вещественности и чувственности, наметилось становление новой, более высокой формы материализма на основе складывающегося материалистического понимания истории. Развитие производства, т. е. «история *промышленности* и сложившееся *предметное* бытие промышленности являются *раскрытой* книгой *человеческих сущностных сил...*»²¹. Это положение преодолевает Фейербахову концепцию человека как только лишь порождения природы. При этом Маркс не отвергает его концепции материальности (вещественности) природы и опирается на ее рациональные моменты, и прежде всего на положения об изначальности природы и ее способности к «чувственной» активности. Тем более, Маркс преодолевает идеалистический взгляд Гегеля на общество и на природу.

Маркс подчеркивает, что «рабочий ничего не может создать без *природы*, без *внешнего чувственного мира*». Он «действительный, телесный *человек*, стоящий на прочной, хорошо округленной земле...». Будучи общественным существом, он не перестает от этого быть частью природы. И когда ревизионистствующие «философы-практики» 60-х гг. XX в. сделали субъективистские и даже субъективно-идеалистические выводы из извест-

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 117, 123.

ного замечания Маркса, что природа, «фиксированная в оторванности от человека, есть для человека *ничто*», то в действительном контексте Марксовой критики Гегеля эти слова означают прямо противоположное, а именно что идеалистические абстракции есть ничто и «только *природа* есть нечто»²².

Только в предельной абстракции, изолирующей природу от человека и человека от природы, природа оказывается для практически действующего человека пустым звуком. Для практики все то, что находится за пределами практики, есть как бы ничто. Но это не абсолютное «ничто», ибо для практики необходимы потребляемые ею и втягиваемые ею в орбиту своего действия объекты, подобно тому как для огня необходимы питающие его горючие материалы. Природа — это «поставщик» объектов для практики и та постоянная поддерживающая основа, без которой не может вообще существовать никакой отдельный объект, втянутый или еще не втянутый в орбиту критики. Природа в действительности есть исходная реальность, и между природой и человеком возникает неразрывная связь. И связь эту Маркс раскрывает уже совсем не по-фейербаховски: «...только в обществе природа является для человека *звеном, связывающим человека с человеком...* только в обществе природа выступает как *основа* его собственно человеческого бытия»²³.

На страницах «Экономическо-философских рукописей 1844 года» складывается концепция, соединяющая воедино материализм в понимании природы и материализм в понимании человека и общества. Здесь формируется великая философская теория, связывающая воедино материализм и диалектику, но в центре ее — человек и его судьба.

Деятельность людей материальна, «предметное существо действует предметным образом, и оно не действовало бы предметным образом, если бы предметное не заключалось в его существенном определении». Эта деятельность вместе с тем существенно социальна, «*общество* есть законченное сущностное единство человека с природой, подлинное воскресение природы, осуществленный натурализм человека и осуществленный

²² Там же, с. 89, 162, 172, 171.

²³ Там же, с. 118.

гуманизм природы». Посредством своего натурализма Фейербах пытался гуманизировать онтологию. Посредством исторического материализма Маркс гуманизирует природу в том определенном смысле, что *«промышленность является действительным историческим отношением природы, а следовательно, и естествознания к человеку»*. Сама история *«является действительной частью истории природы, становления природы человеком»*²⁴.

В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» молодой Маркс пока не столь резко и отчетливо проводит мысль об объединении материализма с диалектикой в рамках единого мировоззрения. Он обращает внимание на то, что процесс самопорождения человека (т. е. выхода его из природной среды) есть продолжение процесса самопорождения (т. е. развития) природы. Вместе с тем *«хотя мышление и бытие и отличны друг от друга, но в то же время они находятся в единстве друг с другом»*²⁵.

Становление материалистической диалектики ярко видно в тех фрагментах «Экономическо-философских рукописей 1844 года», где непосредственно содержится критика гегелевской философии и гегелевского понимания закона отрицания отрицания. Это же направление мысли Маркса видно из его слов: *«...последовательно проведенный натурализм или гуманизм отличается как от идеализма, так и от материализма, являясь вместе с тем объединяющей их обеих истиной»*²⁶. Содержание этих слов существенно выходит за рамки признания преимуществ антропологизма Фейербаха в отношении французского материализма XVIII в. В «Святом семействе» мы находим развитие этой идеи, и оно уже явно свидетельствует о союзе между материализмом и диалектикой. Вот это знаменитое положение: *«будет навсегда побеждена материализмом, достигшим теперь благодаря работе самой спекуляции своего завершения и совпадающим с гуманизмом»*²⁷. Под «спекуляцией» здесь, как видно из контекста, имеется в виду диалектика, разработанная Гегелем, но требующая теперь критического преобразования.

²⁴ Там же, с. 162, 118, 124.

²⁵ Там же, с. 125, 119.

²⁶ Там же, с. 162.

²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 139.

Лейтмотив Марксовой мысли состоит в том, что природа и общество связываются воедино диалектикой практической деятельности людей, и эта же диалектика взаимодействия объектов и субъектов соединяет вместе материю и сознание. А соединение это таково, что материальное, предметное первично и не создано никаким ему будто бы предшествующим духом. Впервые в истории философской мысли Маркс раскрывает действительную теснейшую мировоззренческую связь между атеизмом, т. е. последовательно проведенным материализмом (пока он называет его «натурализмом»), и коммунизмом, т. е. коммунистическим движением, опирающимся на историко-материалистическое понимание общества, человека и его будущего. Маркс квалифицирует атеизм как теоретический, т. е. мировоззренческий, гуманизм, а коммунизм — как гуманизм практический. «...Атеизм, в качестве снятия бога, означает становление теоретического гуманизма, а коммунизм, в качестве снятия частной собственности, означает требование действительно человеческой жизни, как неотъемлемой собственности человека, означает становление практического гуманизма...»²⁸

В прямую связь с атеизмом и коммунизмом Маркс ставит и историко-материалистическое учение о возникновении и уничтожении отчуждения труда. Этим он еще раз подчеркивает внутреннюю связь между природным и социальным не через дух (Гегель) и не через человека вообще (Фейербах), а через общественную практику. И природа человека, и общество, и отчуждение суть результаты не некоего воздействия извне или свыше, а порождающей человека его же деятельности, и поэтому освобождение от отчуждения, угнетения и эксплуатации, а значит, коммунистическое переустройство мира могут и должны быть плодами только собственной деятельности людей. Ликвидация отчуждения труда (коммунизм) принесет с собой и упразднение духовного отчуждения (атеизм). Значит, коммунизм будет означать не только появление новой экономической системы, но и возникновение системы новых отношений между людьми и создание их нового духовного мира.

В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс уже преодолел феербаховскую трактовку от-

²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 169.

чуждения и узкие рамки натурализма Фейербаха вообще. Вместе с тем еще частично сохраняется не всегда ясная и не вполне адекватная существу дела феербаховская терминология, встречаются некритические оценки теоретических достижений Фейербаха. Уже в «Немецкой идеологии» мы не найдем «культа Фейербаха». Важно, однако, понять действительные основания хвалебных слов, высказанных о Фейербахе в Рукописях 1844 г., и поставить их в контекст действительного отношения Маркса в это время и к Гегелю, и к Фейербаху. Восстановив в своих правах материализм, Фейербах критиковал за идеализм не только систему, но и диалектику Гегеля: именно в идеализме заключался главный порок гегелевской диалектики. Выяснить это со всей полнотой для построения диалектики материалистической было чрезвычайно важно. И потому слова Маркса, что у Фейербаха «мы наблюдаем *серьезное, критическое* отношение к гегелевской диалектике»²⁹, в идейном контексте того времени совершенно точно выражали то, что происходило на самом деле. Из содержания «Немецкой идеологии» вытекает, что уровень критики Фейербахом Гегеля был недостаточен, в частности, и потому, что Фейербах не смог выявить «рациональных зерен» социальной диалектики.

Уточнение отношения к диалектике Гегеля было для Маркса принципиально важно в плане формирования нового метода. В методе буржуазной политэкономии Маркс обнаруживает поверхностные констатации внешних факторов, плоские апелляции к психологической эмпирии и метафизические абсолютизации³⁰. В методе Фейербаха Маркс находит метафизический натурализм, в методе Гегеля — идеализм, а под идеалистическими исканиями и наслоениями — метко схваченные категориальные диалектические связи и переходы. Особенное внимание в этом плане Маркс проявляет к «отрицанию отрицания» и опять к отчуждению, но уже в разрезе его анализа как диалектического процесса.

В отдельном фрагменте Рукописей 1844 г. о философии и диалектике Гегеля Маркс опровергает гегелев-

²⁹ Там же, с. 154.

³⁰ Впоследствии К. Маркс напишет, что даже для классиков буржуазной политэкономии характерны упования на «насильственные абстракции» (см. *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 26, ч. II, с. 292).

скую онтологизацию отчуждения и показывает неудовлетворительность ее «теологической критики» со стороны младогегельянцев. Критика Марксом гегелевского идеализма перерастает в критику идеализма вообще. При этом он отмечает и те ценные догадки Гегеля, мимо которых, не заметив, прошел Фейербах. Речь идет об указании на активность субъекта и его взаимодействие с объектом. В «Феноменологии духа» эти моменты получили значительную разработку.

Однако характеристику отношения людей к природе и друг к другу Гегель превратил во вселенский духовный процесс, а свойственное этому отношению отчуждение «снял» через философскую утопию возвращения философски просветленного сознания к «себе». Этой схеме он подчинил судьбы производного, по его мнению, вида отчуждения, а именно отчуждения духовной деятельности человека. Так сложилась чисто идеалистическая схема «отрицания отрицания», а гегелевская концепция отчуждения и его «снятия» оказалась растворенной именно в этой схеме.

Материально-предметная область, с точки зрения Гегеля, есть нечто преходящее, в принципе ущербное, и «отрицание отрицания» оказывается у него инструментом возвращения от материальной предметности к духу, становится отрешением от предметности, отрывом от реальности, так что это — «чистое, *безостановочное* кружение в самом себе». Реальное же отчуждение и его действительное преодоление превращаются в «мысль об отчуждении, его *абстрактное* и потому бессодержательное и недействительное выражение — *отрицание... абстрактное, бессодержательное снятие этой бессодержательной абстракции — отрицание отрицания*». Итак, «у Гегеля отрицание отрицания не есть утверждение истинной сущности посредством отрицания мнимой сущности, а представляет собой утверждение мнимой или отчужденной от себя сущности в ее отрицании...»³¹.

Фейербах решительно атаковал идеализм гегелевского «отрицания отрицания» в его онтологическом смысле, но в структуре диалектического процесса двойного отрицания он увидел только лишь идеализм. Если, считает он, «противоположность подлежит устранению,

³¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 170, 167.

отрицанию... почему не начать сразу с ее отрицания?»³².

Маркс замечает по этому поводу, что «Фейербах рассматривает отрицание отрицания *только* как противоречие философии («человеческой». — *И. Н.*) с самой собой, как философию, утверждающую теологию (трансцендентность и т. д.), после того как она подвергла ее отрицанию, т. е. утверждающую теологию (идеализм. — *И. Н.*) вопреки самой себе»³³. Не выявив рациональных моментов в «отрицании отрицания», тот же Фейербах использует эту схему в угоду своему антиисторическому натурализму. По его мнению, изначально будто бы существующая «родовая сущность» человека претерпевает отчуждение в религиозно-идеалистические иллюзии, которые ее опустошают: «...человек отделяет от себя все *без различия*»³⁴, но преодолев отчуждение, затем восстанавливает свое содержание.

В Рукописях 1844 г. Маркс истолковывает действие принципа «отрицание отрицания» применительно к «родовой сущности» человека уже не по-фейербаховски, не в смысле восстановления чего-то прежде утраченного, а как процесс устранения тех порожденных деятельностью человека, но ему враждебных частнособственнических сил, которые препятствуют завершению исторического процесса становления этой сущности. Расцвет подлинной человеческой сущности — в будущем. В этом смысле «коммунизм есть положительное утверждение как отрицание отрицания»³⁵ положительной действительности человека, «*положительное* упразднение *частной собственности...*»³⁶.

В первом томе «Капитала» Маркс применит формулу «отрицания отрицания» для характеристики процесса экспроприации экспроприаторов в несколько ином контексте. Там речь уже идет действительно о восстановлении (разумеется, на качественно новом уровне) существовавшей до эпохи классово антагонистических формаций общественной собственности.

³² Фейербах Л. Избранные философские произведения в 2-х томах, т. I. М., 1955, с. 188.

³³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 154.

³⁴ Фейербах Л. Избранные философские произведения в 2-х томах, т. II. М., 1955, с. 62.

³⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956, с. 598.

³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 116.

Существенно важным для формирования метода материалистической диалектики, необходимого для более глубокого понимания проблемы отчуждения, был критический анализ концепции примирения противоположностей у Гегеля. Наибольшее внимание Маркс в Рукописях 1844 г. уделяет анализу заключительной главы «Феноменологии духа». В гегелевском учении налицо примирение противоположностей, и оно есть продукт идеализма Гегеля и ограниченности свойственной ему социальной позиции классового компромисса. Имея в виду именно последнее, Маркс пишет о «некритическом позитивизме», «мнимом критицизме» и «ложном позитивизме» Гегеля³⁷. В результате этих изъяснов диалектики Гегеля в понимании им категории отрицания то и дело преобладает не отрицание, а сохранение. Происходит фактически примирение Гегеля с отчуждением: «Человек, понявший, что в праве, политике и т. д. он ведет отчужденную жизнь, ведет в этой отчужденной жизни как таковой свою истинную человеческую жизнь»³⁸.

Хотя сама философия Гегеля есть отчужденное мышление, в ее формах содержатся зародыши критики отчужденных духовных состояний. Но эта критика перемещена Гегелем в область идей, где осуществляется философское «понимание» (т. е. перетолкование наличной действительности), так что критика превращается в примирение с действительностью. При этом Гегель нередко примиряется даже с самыми обыденными и поверхностными представлениями о вещах. Такое отношение к существующему положению дел исключает участие в борьбе против отчуждения, в революционной практике. «Для уничтожения же частной собственности в реальной действительности требуется *действительное коммунистическое действие*»³⁹, революционная практика.

Тот факт, что Гегель свел практику и практическую критику к чисто теоретическому движению, было одним из следствий того, что сама его философия была выра-

³⁷ Термин «позитивизм» был, видимо, заимствован Марксом у молодого Гегеля, который в работах, написанных в Берне, квалифицировал доктринерское и примиряющееся с несправедливостями христианство как «позитивную» религию несвободы, религиозный «позитивизм».

³⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 166.

³⁹ Там же, с. 136.

жением отчуждения духовной деятельности от деятельности материальной. Фейербах считал как философию Гегеля, так и вообще идеализм продуктом отчуждения, но отчуждения сугубо натуралистического, являющегося продолжением отчуждения естественных человеческих потребностей в область фантастических мечтаний.

В отличие от Фейербаха Маркс находит корни идеализма, в том числе гегелевского, в отчужденной социально-экономической практике. Извращенная практика порождает и извращенную теорию, оторванную от реальных задач практического преобразования социального мира. Но необходимо единство теории и практики. Скоро из-под пера Маркса появятся «Тезисы о Фейербахе», но уже в Рукописях 1844 г. говорится, что разрешение противоположностей «представляет собой *действительную* жизненную задачу, которую *философия* не могла разрешить именно потому, что она видела в ней *только* теоретическую задачу»⁴⁰.

В ходе социальной практики «отрицание отрицания» приобретает смысл революционного утверждения нового. Марксово решение вопроса о соотношении теории и практики связывало категорию общественного труда и его отчуждения с требованием реального революционного ниспровержения частной собственности, оно подчеркивало и неразрывную связь диалектического и исторического материализма.

Выявление органического единства теории и практики в ходе критики отчуждения способствовало становлению теории познания диалектического материализма. В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс принял материалистический сенсуализм Фейербаха, но существенно его переосмыслил. Чувственность человека не сводится к созерцанию, она опосредствована его трудом и должна быть понята как чувственно-практическая деятельность. Чувственное и рациональное взаимодействуют, и это позволяет в процессе познания вскрывать «внутреннюю связь целого»⁴¹.

Маркс подчеркивает социально-исторический характер процесса развития органов чувств человека и значение в этом процессе освобождения от отчуждения. «Образование пяти внешних чувств — это работа всей предшествующей всемирной истории». Ощущения и

⁴⁰ Там же, с. 123.

⁴¹ См. там же, с. 43.

чувства у человека иные, чем у животного, а у освобожденного от отчуждения человека иные, чем у человека «необщественного», т. е. отчужденного. Частная собственность деформирует не только мышление, но и чувственность человека, внося в нее резкие искажения и диссонансы. Но переустройство общества на подлинно общественных началах *«производит богатого и всестороннего, глубокого во всех его чувствах и восприятиях человека»*⁴².

Важны соображения Маркса о рациональном познании. Они касаются прежде всего вопросов познания противоречий и единства логического и исторического; отношение этих вопросов к проблеме отчуждения косвенное, хотя к критике воззрений Гегеля — самое прямое. Но без правильного решения этих вопросов был бы невозможен последующий научный анализ отчуждения в процессе работы над «Капиталом».

В Рукописях 1844 г. Маркс различает противоречия объективные и противоречия, свойственные процессу познания. Рассматривая объективные противоречия, Маркс пользуется понятием заострения социальных противоречий в процессе их реального движения. В этом смысле «противоположность труда и капитала, будучи доведена до крайности, неизбежно становится высшим пунктом, высшей ступенью и гибелью всего отношения»⁴³. Относительно противоречий процесса познания Маркс намечает будущую антиномию возникновения капитала, различая объективные и субъективные противоречия.

Маркс отверг гегелевское отождествление объективных противоречий с противоречиями познания. Это отождествление вытекало у Гегеля из его принципа тождества бытия и мышления, но оно же противоречило его другому принципу, а именно принципу специфичности реальных состояний как отчужденных, в силу чего тождество бытия и мышления на промежуточных этапах логического и исторического развития абсолюта относительно. Для Маркса противоречия познания в той или иной степени отражают реальные, объективные противоречия. Например, разрешение противоречия «труд есть и не есть товар» выявит лежащее «под ним» объективное противоречие производственного использо-

⁴² Там же, с. 122, 123.

⁴³ Там же, с. 102.

вания товара «рабочая сила». Этот процесс и будет впоследствии зафиксирован в «Капитале».

Теперь о вопросе соотношения логического и исторического. Задолго до «Теорий прибавочной стоимости» Маркс приходит к выводу, что эволюция, борьба и смена точек зрения у теоретиков-экономистов отражают этапы истории общества как периоды в развитии отчужденного труда. Сознание буржуазных экономистов представляет собой в той или иной мере форму отчужденного идеологического сознания. В ходе анализа его эволюции Маркс указывает на объективный критерий, позволяющий определить место и оценить значение экономических учений в истории мысли. «Подобно тому как земельная собственность является первой формой частной собственности, а промышленность на первых порах выступает против нее в истории только как особый вид собственности — или, лучше сказать, является вольноотпущенным рабом земельной собственности, — точно так же этот процесс повторяется при попытках науки ухватить *субъективную* сущность частной собственности, т. е. *труд*, и труд на первых порах выступает только как *земледельческий труд*, но затем получает признание как *труд* вообще»⁴⁴.

В фрагменте о коммунизме Маркс указывает на аналогичную закономерность отражения последовательности этапов истории отчужденного труда в процессе смены учений о будущем его состоянии. Важно, однако, иметь в виду, что зрелое Марксово учение об исторической смене общественно-экономических формаций сложилось тогда, когда он отверг наметившуюся в Рукописях 1844 г. периодизацию истории по формам отчуждения как неточную. В критике капитализма и в теориях коммунистического переустройства жизни «снятие самоотчуждения проходит тот же путь, что и самоотчуждение». Движение истории, с одной стороны, порождает реальное коммунистическое движение, а с другой — «оно является для мыслящего сознания *постигаемым и познаваемым* движением его *становления*»⁴⁵.

Молодой Маркс не проводил вполне четкого разграничения между классиками буржуазной политэкономии и их эпигонами, пока он отмечал лишь различие между исследователями и поверхностными истолкова-

⁴⁴ Там же, с. 111.

⁴⁵ Там же, с. 113, 116.

телями. В своих последующих произведениях, и в особенности в труде «Теории прибавочной стоимости», он выявит это различие с большой полнотой и соотнесет с происшедшим в буржуазной теоретической мысли коренным поворотом от былых поисков истины к грубой апологетике. Этот поворот означает интенсификацию отчужденности буржуазного теоретического сознания, которое еще Гегель называл «рассудочным», ущербным, но в том лишь смысле, в каком для него было «рассудочно» и ущербно всякое частнонаучное познание, скользящее по поверхности явлений.

«Экономическо-философские рукописи 1844 года» — гениальное произведение Маркса. Им завершается первый и начинается второй этап формирования марксизма — этап одновременно происходящего уточнения уже высказанных положений, их развития и дополнения, а вместе с тем и создания адекватной добытым истинам новой научной терминологии.

Со страниц Рукописей 1844 г. встает перед нами облик великого материалиста и диалектика, коммуниста и гуманиста. Труд, производство (промышленность) — основное содержание человеческой истории. Но частная собственность, особенно в ее современной, капиталистической форме, наложила на производителей ярмо отчуждения труда и эксплуатации. Страдающий от отчуждения и угнетения пролетариат — носитель великой миссии; он призван осуществить революционное упразднение частной собственности и заменить ее собственностью общественной. Именно это освободит все общество, упразднит эксплуатацию и отчуждение труда, откроет людям дорогу в светлое коммунистическое будущее.

В рамках проблематики становления историко-материалистического учения об отчуждении и преодоления соответствующей гегелевской концепции «Экономическо-философские рукописи 1844 года» представляют собой исключительно важный документ истории марксизма. Здесь Маркс отверг отождествление отчуждения с опредмечиванием, выяснил основной, исходный вид отчуждения, наметил структуру отчуждения труда. Открыта была дорога к дальнейшим исследованиям, имеющим задачей завершение формирования философских и экономических основ пролетарской идеологии.

СТРУКТУРА ОТЧУЖДЕННЫХ СОСТОЯНИЙ В «ЭКОНОМИЧЕСКИХ РУКОПИСЯХ» 1857—1859 годов»

Можно с основанием утверждать, что Маркс начал свою подготовку к созданию эпохального труда «Капитал» уже с того времени, когда под влиянием размышлений над гениальными «Набросками к критике политической экономии» (1843) молодого Энгельса поставил перед собой вопрос о механизме капиталистического угнетения и эксплуатации.

«Экономическо-философские рукописи 1844 года» стали первым этапом на долгом и трудном пути научного решения данного вопроса. Это раннее произведение Маркса явилось плодом интенсивных раздумий и над сочинениями буржуазных экономистов, и над «Феноменологией духа» Гегеля, так что к проблемам угнетения и эксплуатации сразу же «на равных правах» прибавилась проблема отчуждения. В Рукописях 1844 г. была поставлена задача выяснить, как в самой жизни соотносятся и связаны друг с другом эти три социальных бедствия капитализма.

Рукописи 1844 г. стали как бы самым ранним наброском проблематики «Капитала». Но первоначальным вариантом главного труда Маркса принято считать те работы, которые явились результатом почти десяти лет исследований после переезда Маркса и Энгельса в Англию. Это «Экономические рукописи 1857—1859 годов».

Впервые они были опубликованы в СССР в 1939—1941 гг. на языке оригинала. В 1953 г. это издание¹ было повторено в ГДР. В русском переводе эти рукописи опубликованы во втором издании сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса (46 т., ч. I, II), получив название «Экономические рукописи 1857—1859 годов»².

¹ *Marx K. Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie (Rohentwurf). 1857—1859. Berlin, 1953.*

² В 1980 г. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС опубликовал их отдельным изданием в двух частях под названием «Экономические рукописи 1857—1861 годов». (Первоначальный вариант «Капитала»).

Ядром этих рукописей является «Критика политической экономии», которая представляет собой собственно первоначальный текст «Капитала» в узком смысле слова³. В широком смысле слова к первому варианту «Капитала» относятся также неоконченное знаменитое методологическое «Введение» и несколько экономических фрагментов.

В «Критике политической экономии», т. е. в Рукописях 1857—1859 гг., был заложен краеугольный камень научной политической экономии, превратившей коммунизм из утопии в действительную науку. Маркс отправляется здесь от диалектики двойственного характера труда в товарном производстве. На этой основе им выработана теория стоимости и прибавочной стоимости, раскрывающая подлинный механизм капиталистической эксплуатации наемных рабочих. Особенно ценны для современного исследователя не только теоретические результаты, но и сам процесс Марксова исследования, т. е., иными словами, его метод в действии. В целом в Рукописях 1857—1859 гг. виден тот анализ отчуждения труда и вообще категории отчуждения, который в итоге дал Марксу возможность в «Капитале», т. е. в его четвертом варианте, ввести эту категорию в окончательно уточненные политико-экономические, общесоциологические и историко-материалистические рамки, в которых прослеживаются возникновение, развитие и грядущие судьбы капитализма.

Именно в первом наброске будущей главы первого тома «Капитала», где идет речь о первоначальном капиталистическом накоплении, т. е. о генезисе буржуазного общества, Маркс пишет и о неизбежности коммунистического «завтра». Это глубоко доказательное движение теоретической мысли, и оно полагается самим методом Маркса. Правильное рассмотрение настоящего и прошлого «приводит к пунктам, где намечается уничтожение современной формы производственных отношений и в результате этого вырисовываются первые шаги преобразующего движения по направлению к будущему... Современные условия производства выступают как

³ На основе этого первоначального основного текста К. Маркс подготовил к печати первый выпуск «К критике политической экономии», который под этим названием в 1859 г. вышел в свет в некотором сокращении. Иногда этот (единственный) выпуск относят к составу второго, черного варианта «Капитала».

устраняющие самих себя, а потому — как такие условия производства, которые полагают *исторические предпосылки* для нового общественного строя»⁴, т. е. для коммунистической общественно-экономической формации.

Дистанция между трактовкой категории «отчуждение» в «Экономических рукописях 1857—1859 годов» и ее разработкой в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» велика. Между этими двумя замечательными произведениями Маркса пролегает целый исторический период — полоса буржуазно-демократических революций 1848—1849 гг. и активной политической деятельности Маркса и Энгельса в гуще революционных событий, а затем почти десятилетие напряженнейшей работы Маркса над источниками по экономической жизни, по истории и теории политической экономии.

Немаловажно и историко-философское методологическое различие: если Рукописи 1844 г. содержат в себе размышления и полемику по поводу «Феноменологии духа» Гегеля, то в ходе работы над первым томом «Капитала» Маркс использовал рациональные моменты из совсем иного, уже зрелого произведения Гегеля, его «Науки логики», т. е. того гегелевского сочинения, о котором В. И. Ленин писал, что в нем меньше всего идеализма и больше всего материализма, что то и дело приходится констатировать в нем очень глубокое, чисто материалистическое содержание⁵.

В руки Маркса случайно попал экземпляр «Науки логики», прежде принадлежавший М. Бакунину. В письме Ф. Энгельсу от 14 января 1858 г. К. Маркс писал: «Для *метода* обработки материала большую услугу оказало мне то, что я по чистой случайности вновь перелистал «Логику» Гегеля...»⁶.

Имеющиеся в Рукописях 1857—1859 гг. и в окончательном тексте первого тома «Капитала» методологические аналогии с гегелевской логикой уже детально исследованы. Важно отметить, во-первых, что во втором и третьем томах «Капитала» ссылки на Гегеля почти исчезли, и это свидетельствует о том, что Маркс устранил историко-методологические параллели за их ненужностью: его собственный диалектико-материалисти-

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 449.

⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., с. 29, с. 172.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 212.

ческий метод уже не только вполне сложился, но и продемонстрировал свою действенность и мощь. Во-вторых, бросается в глаза, что в Рукописях 1857—1859 гг. и в первом томе «Капитала» Маркс ссылается на Гегеля чаще всего с целью напомнить читателю об общих диалектических законах, открытых Гегелем (противоречия как источник развития, переход количества в качество и «отрицание отрицания»). Об отчуждении речь идет уже без каких бы то ни было гегелевских реминисценций. Маркс опирается теперь на ранее им самим достигнутые результаты в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», где уже было показано, что путь к раскрытию существа того или иного конкретного вида социального отчуждения идет не от категориальной абстракции «отчуждение вообще», а от реальных процессов отчуждения труда.

Прежде чем специально проанализировать Марксову трактовку отчуждения в «Экономических рукописях 1857—1859 годов», важно напомнить об определенной дистанции между этими рукописями и окончательным текстом «Капитала». Между ними находятся его второй и третий черновые варианты⁷, где проблемой отчуждения Маркс специально уже не занимается. Почему же, спрашивается, Маркс на этих ступенях завершения подготовки окончательного текста оставил проблему отчуждения в стороне (здесь не имеются в виду «Теории прибавочной стоимости», где о проблеме отчуждения говорится немало)? Видимо, потому, что философскую сторону дела счел для себя на этой стадии работы достаточно выясненной и сосредоточил все свое внимание на стороне собственно экономической.

Произошел «обмен» областями исследовательской деятельности между Марксом и его единомышленником и другом Энгельсом. С этого примерно времени собственно философскими вопросами начинает заниматься Энгельс. Он выработал у себя к ним систематический интерес в немалой степени под влиянием Маркса, подобно тому как прежде Маркс углубился в проблемы политической экономии под влиянием статей Энгельса в «Немецко-французском ежегоднике».

В окончательном тексте «Капитала» вопрос об отчуждении труда и его производных феноменах, однако,

⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 47, 48, 49, 26 (ч. I, II, III).

снова занимает необходимое, хотя и меньшее, место.

Доказав в «Экономических рукописях 1857—1859 годов», что пролетарии продают капиталистам не свой труд, а рабочую силу, Маркс создал важнейшую предпосылку для теоретического отчленения отчуждения от эксплуатации и для уточнения связей между этими двумя важными социально-экономическими процессами. Маркса уже не может больше удовлетворить описание действия категории отчуждения на уровне явлений, необходимо теперь исследовать это действие на уровне сущности. И в значительной мере данное исследование, осуществленное Марксом в этих рукописях, в них же и «осталось», т. е. в окончательный текст «Капитала» перенесено им не было. Отчасти все же было перенесено, но только в той мере, в какой это было необходимо с точки зрения анализа собственно экономических категорий.

Одно из существенных отличий Рукописей 1857—1859 гг. от Рукописей 1844 г. состоит в том, что последние не были законченным произведением и одновременно являлись программой движения вперед, к созданию зрелой теории и метода. Почти все то, что было в них высказано нечетко, намеком, в форме вопроса или гениальной догадки, нашло впоследствии свою подробную разработку. Рукописи 1857—1859 гг. представляют собой методологически вполне зрелое, хотя теоретически еще не вполне завершенное произведение, они также не готовы к публикации, но степень их неготовности совсем иная, значительно меньшая. Кроме того, они содержат в себе фрагментарные заготовки и для собственно философских трудов, которые по замыслу выходили за пределы тематики «Капитала» как экономического труда и заслуживали вполне самостоятельной реализации, например, в той специальной работе о диалектике, которую К. Маркс собирался написать (в силу своей колоссальной занятости он не смог осуществить этот замысел).

В окончательном тексте «Капитала», т. е. в его четвертом варианте, мы не обнаружим специальной критики в адрес отождествления опредмечивания (*Vergegenständlichung*) и овеществления (*Verstofflichung*) с отчужденным овещением (*Verdinglichung*, *Versachlichung*). Эта критика имела главный смысл в связи с завершением собственно философской работы по опро-

вержению гегелевского методологического идеализма. Рассматриваемые в «Капитале» такие производные (в данном случае из сферы экономической идеологии) виды отчуждения, как товарный фетишизм и вульгарная буржуазная политэкономия, и такая разновидность последней, как учение о «триединой формуле» происхождения заработной платы, прибыли и земельной ренты, терминологически не поставлены Марксом в связь с самой категорией «отчуждение», хотя зависимость их от происходящего в экономическом базисе общества отчуждения труда видна вполне ясно.

Та понятийная структура отчуждения труда, которой Маркс фактически оперирует в Рукописях 1857—1859 гг. (соотнесение отчужденности, омертвления и опустошения в социальной психологии угнетенных и эксплуатируемых соответственно с опредмечиванием, овеществлением и экстерииоризацией, т. е. овнешнением, которые существуют и вне отчужденных состояний), в «Капитале» также отчетливо не видна. Но различия между «Экономическими рукописями 1857—1859 годов» и «Капиталом» не следует и преувеличивать: как раз в окончательном тексте первого тома «Капитала» Маркс воспроизвел ряд философски значимых ходов мысли из его первоначального варианта.

Нельзя и абсолютизировать различия между «Экономическими рукописями 1857—1859 годов» и «Экономическо-философскими рукописями 1844 года», особенно в плане философского анализа отчуждения: здесь между этими работами налицо внутренняя связь. В Рукописях 1857—1859 гг. Маркс опирается на прежде разработанные положения. Например: «Рабочий *отчуждает* [entäußert] от себя труд как производящую богатство силу...»⁸. Некоторые положения Маркс сначала воспроизводит в прежнем их виде, а затем на других страницах уточняет. Маркс пишет, например, что рабочий «отчуждает свой труд. То, что рабочий получает в качестве цены, есть *стоимость* этого отчуждения». Но далее он вносит принципиально важное уточнение: отчуждение от рабочего труда есть следствие того, что капиталист платит ровно столько, сколько нужно, чтобы «поддержать жизнь рабочего в течение целого рабочего дня...»⁹.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 260.

⁹ См. там же, с. 277, 279.

В Рукописях 1857—1859 гг. Маркс пользуется для обозначения отчуждения терминами: *Entfremdung*, *Verfremdung*, иногда *Entfremdetsein*, придавая им один и тот же смысл. Впоследствии, в 20-х гг. XX в., термином *Verfremdung* стал в другом смысле пользоваться Б. Брехт, который перевел на немецкий язык термин «остранение», введенный в эстетический оборот В. Шкловским в 1914 г. и означавший особый художественный прием, способствующий тому, что читатель или зритель начинает воспринимать предмет изображения с новой, неожиданной стороны, в необычном ракурсе. Очевидно, что «отчуждение» и «остранение» далеко не одно и то же, и мы не можем согласиться с недавно высказанным мнением, будто «термины «остранение» и «отчуждение» синонимичны»¹⁰. Отчужденный образ в искусстве или изображение отчужденного явления может производить эффект «остранения», но это не значит, что всякий «остраненный» образ уже тем самым есть следствие социально-классового отчуждения или выражает его.

Постановка проблемы отчуждения в «Экономических рукописях 1857—1859 годов» опирается не только на результаты собственно экономических исследований, осуществленных Марксом в 50-х годах, но и в определенной степени на тот идейный багаж, который он сохранил от «Экономическо-философских рукописей 1844 года» и развил в трудах, созданных им в последующие годы. Поэтому дальнейшее теоретическое развитие проблема отчуждения в учении Маркса получила все-таки в определенной связи с продолжением критики в адрес гегелевских взглядов на отчуждение и на практику, толковавшуюся Гегелем как чисто духовный в своей сущности процесс. Но дальнейшее развитие проблема отчуждения в марксизме получила на основе положительной разработки учения о материальности практической деятельности людей.

Гегель в «Науке логики» поставил вопрос о роли практики в философии и жизни, о единстве теории и практики. Единство теории и практики понималось им как единство познания и действия, мысли и воли. Это единство он трактовал в том смысле, что само познание «выступает в двойном образе, в образе *теоретиче-*

¹⁰ Гулыга А. В. Искусство в век науки. М., 1978, с. 35.

ской идеи и в образе *практической идеи*¹¹. Тем самым практика растворяется в познании, само познание толкуется как практика, точнее, как практика духа. Конечно, Гегель понимал разницу между своей трактовкой духовной «практики» абсолюта как отчуждения логики в природу и фактической практикой людей, которая разворачивается на арене уже отчужденной, а значит, материальной природы. Но в окончательном виде у Гегеля и человеческая практика в своей основе духовна, ибо он понимает ее как воздействие человеческого духа на предметно-материальную среду, где всеобщее выступает как «то, что называется *дарованиями, способностями, силами*»¹² индивидов.

В своем учении о понятии Гегель рассматривает вопрос о единстве теории и практики следующим образом. «Добро» — это моральная практика людей, и идея «добра» «выше идеи рассмотренного нами познания, ибо она обладает достоинством не только всеобщего, но также и безоговорочно действительного»¹³.

В «Феноменологии духа», как и в «Философии истории» Гегель, наоборот, подчеркивает противоречивость и драматизм взаимоотношения «добра» («добродетели») и познания, ибо моральная практика людей социальна, а значит, не выходит из рамок сферы отчуждения (сферы объективного духа). Поэтому здесь руководителем людей оказывается все та же пресловутая «хитрость разума». «Пусть индивидуальность общего хода вещей считает, что она совершает поступки только *для себя* или *своекорыстно*: она лучше, чем она мнит о себе, ее действие есть в то же время *в-себе-сущее, всеобщее* действие. Когда она поступает *своекорыстно*, то она лишь не ведает, что творит; и когда она уверяет, что все люди поступают *своекорыстно*, то она только утверждает, что ни один человек не сознает, что такое действие». Но это значит, что между практикой и познанием имеется в жизни глубокий разлад: «Действительность поэтому содержит внутри себя в скрытом виде другую, чуждую знанию сторону, и показывает себя сознанию не такой, какова она в себе и для себя...»¹⁴.

¹¹ Гегель. Соч., т. I, с. 326.

¹² Гегель. Соч., т. IV, с. 204.

¹³ Гегель. Соч., т. VI, с. 290.

¹⁴ Гегель. Соч., т. IV, с. 208, 251.

Однако высшее, философское знание все же, согласно Гегелю, соединяет практику с познанием, гармонизирует их. Анализируя мысль Гегеля, что идея добра «выше» идеи познания, В. И. Ленин подчеркивал: **«Практика выше (теоретического) познания**, ибо она имеет не только достоинство всеобщности, но и непосредственной действительности»¹⁵. Вместе с тем Ленин выявляет рациональный, материалистический смысл положения Гегеля о происходящем в конечном итоге сущностном примирении теории и практики: «...к идее как истине, Гегель подходит *через* практическую, целесообразную деятельность человека». И далее Ленин подчеркивает, что «необходимо *соединение познания и практики*»¹⁶.

С точки зрения диалектического материализма практика, будучи в основе своей собственно материальным процессом, в то же время объединяет объективность и субъективность, материальность и идеальность. Происходит это в силу того, что практика людей существенно отличается от практикоподобной (трудоподобной) рефлекторно-инстинктивной деятельности некоторых насекомых, пауков и млекопитающих (например, бобров) своей сознательной целенаправленностью, а также опорой на осмысленный опыт, а позднее и на овеществленную силу знания¹⁷.

Объективность, материальность в практике наиболее сращены с субъективностью, тогда как субъективность именно в практике наиболее преобразуется в объективное, опредмечивается, а в физическом труде и буквально овеществляется и не обязательно отчужденно «овещняется». Очевидно, что опредмечивание, овеществление и овещнение человеческих замыслов и целей в ходе, а затем и результатах практики происходит всегда, ибо эти явления неизбежны. А сам факт практической опредмеченности и овеществленности далеко еще не означает отчуждения, а значит, и отчужденности данных состояний.

Но теперь важно уточнить, в чем именно, по Марксу, заключается материальность практики.

Конечно, во-первых, практическая деятельность людей материальна в том смысле, что человек и его орга-

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 195.

¹⁶ Там же, с. 173, 198.

¹⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 215.

ны труда — руки телесны, а трудовые действия, сырье, машины и вообще орудия труда, результаты последнего и их потребления вещественны. В процессе труда «веществу природы он сам противостоит как сила природы. Для того чтобы присвоить вещество природы в форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы»¹⁸. Эти очевидные факты были понятны материалистам и до Маркса, но никто из них не учитывал принципиально важного значения производственной практики людей для выявления закономерностей всей человеческой истории.

Во-вторых, следует учесть то существенно новое, что внес в данный вопрос исторический материализм. Как известно, им была выяснена материальность основы общественной жизни людей в смысле ее объективности, т. е. независимости ее законов и следствий от непосредственных желаний и произвола людей, от их ближайших целей и задач, которые они в процессе труда ставят перед собой. Но сами желания и стремления обусловлены этими законами общественной жизни. К примеру, «страсть к обогащению сама есть продукт определенного общественного развития...»¹⁹.

Материальность как объективность и материальность как вещественность не существуют порознь, в отдельности друг от друга. В общефилософском смысле это вытекает из того, что ленинское определение материи как объективной реальности предполагает в качестве частного случая материальности также и вещественность. В смысле социальном объективный базис общественной жизни опирается на природную материальность и предполагает собственно вещественную составляющую производства в отмеченном выше смысле материальности трудовых манипуляций, предмета, орудий и результатов труда. Можно сказать, что в вещественности практической деятельности людей наиболее выражена связь последней с природой, а в ее материальности как объективности — специфика социальной жизни. Смешивать эти два вида материальности и подменять второй первым — значит совершать грубую ошибку. Именно ее и совершают вульгарные буржуазные экономисты, рассматривающие «производственные отноше-

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 188.

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 167.

ния людей и определения, приобретаемые вещами, когда они подчинены этим отношениям, как *природные свойства вещей...*»²⁰.

В-третьих, материальность практики в особом виде имеет место в классово антагонистических обществах, и она неоднократно рассматривается Марксом в «Экономических рукописях 1857—1859 годов» — это отчужденная овеществленность, враждебная сознанию трудящегося, его угнетающая и подавляющая. Отчужденная овеществленность практики (взятой в смысле процессов общественного производства) формируется в условиях частной собственности на средства производства.

Маркс совершенно ясно показывает, что неверно полагать, будто предметность практики сама по себе в любых условиях изначально носит отчужденный, а значит, враждебный человеку обездушенный и омертвленный характер²¹. В одном из добавлений к главам о капитале он обращает внимание на то, что «буржуазные экономисты настолько в плену представлений определенной стадии исторического развития общества, что необходимость *опредмечивания*... общественных сил труда представляется им неразрывно связанной с необходимостью их *отчуждения* по отношению к живому труду»²². Когда производство освобождается от частнособственнического характера и начинает основываться на общественной собственности на средства производства, опредмечивание в труде сохраняется, однако утрачивается отчужденность: «...вместе с устранением *непосредственного* характера живого труда как лишь *единичного*, или всеобщего лишь внутренне, или лишь внешне, вместе с превращением деятельности индивидов в непосредственно всеобщую или *общественную*, с предметных моментов производства совлекается эта форма отчуждения...»²³.

Если в условиях капитализма машины, например, «могут *возникнуть* лишь в рамках противоположности по отношению к живому труду, как чужая для него собственность и враждебная ему сила; другими словами,

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 198.

²¹ Именно этот ложный взгляд распространялся представителями франкфуртской школы (см., например: Schmidt A. Der Begriff der Natur in der Lehre von Marx. Frankfurt am Main, 1974, S. 76).

²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 347.

²³ Там же.

что машины должны противостоять рабочим как капитал. Но столь же легко понять, что машины не перестанут быть агентами общественного производства, когда, например, станут собственностью ассоциированных рабочих»²⁴. Таким образом, в одних условиях опредмечивание, овеществление, «материализация» обладают чертами отчуждения, но в иных условиях таких черт не имеют, от них освобождаются. Первая ситуация имеет место при капитализме, вторая — после ликвидации частной собственности, т. е. в коммунистической общественно-экономической формации.

Несмотря на эти выводы, строго и последовательно вытекающие из всей системы воззрений основоположников научного коммунизма, невзирая на прямые высказывания на этот счет К. Маркса и факты самой действительности, имела место неверная трактовка опредмечивания и отчуждения: их отождествление в том смысле, что всякое опредмечивание якобы отчуждает, подобно тому как всякое отчуждение опредмечивает. Так поступил, например, ранний Г. Лукач* в работе «История и классовое сознание». Собственно говоря, это была не новая ошибка, а лишь реставрация заблуждения Гегеля в его «Феноменологии духа». Впоследствии Лукач признал свою ошибку и подверг ее критике в книге «Молодой Гегель»²⁵. В предисловии к новому изданию работы «История и классовое сознание» он писал: «Мне стало ясно, что опредмечивание является

²⁴ Там же, с. 348.

* Теоретические взгляды Георга (Дьёрдя) Лукача (1885—1971) претерпели сложную эволюцию. Его путь к марксизму был осложнен влиянием неокантианца Г. Зиммеля и других буржуазных философов. Сочинение Лукача «История и классовое сознание» (1923) послужило своего рода «библией» для многих ревизионистов и оказало влияние на Ж.-П. Сартра и некоторых других экзистенциалистов. Антифашистская книга «Разрушение разума» (1948) и историко-философское исследование «Молодой Гегель» (1954) в целом оценены марксистской общественностью положительно. Во второй половине 50-х гг. Лукачем был высказан ряд ревизионистских положений. Во многих работах по эстетике он защищал ленинскую теорию отражения и разрабатывал категорию «особенное» в применении к искусству и художественному творчеству. Последние годы жизни Лукача характеризуются настойчивыми, но, к сожалению, незавершенными усилиями преодолеть теоретические ошибки прошлых лет. Незаконченная работа «Онтология общественного бытия» прямое тому свидетельство.

²⁵ Lukács G. Der junge Hegel und die Probleme der kapitalistischen Gesellschaft. Berlin, 1954, S. 628, 639.

природным видом человеческого преодоления мира, а отчуждение представляет собой то, что осуществляется под влиянием определенных общественных обстоятельств»²⁶.

Представители Франкфуртской школы в 60-х гг. XX в. неоднократно вновь использовали указанное ложное отождествление, на котором они основали столь же ложный тезис о вечности и неустраимости отчуждения, а значит, о «неспособности» социалистических и собственно коммунистических отношений преодолеть отчуждение, устранить и упразднить его.

Какова действительная структура отчуждающейся практики?

Во всякой предметной практике имеют место прямо противоположные друг другу процессы. С одной стороны, происходит опредмечивание деятельности, посредством которого осуществляются объективация и овеществление человеческих желаний, замыслов и намерений. Без этого невозможно удовлетворение потребностей. И нет иного пути для очеловечения человека через труд, как через процесс, который «угасает в продукте». С другой стороны, происходит преобразование веществ природы из состояния сырья, как ныне часто говорят, во «вторую природу», т. е. в предметы, составляющие социальную среду. Итак, «труд овеществлен в предмете, а предмет обработан»²⁷.

Таким образом, опредмечивание деятельности субъекта идет рука об руку с возведением предметности и объекта на социальный уровень, с «гуманизацией» природных резервов, энергии и информации. «Всякое производство есть некоторое опредмечивание индивида»²⁸. Но оно же есть и опредмечивание того субстрата, той естественной среды, в которых это производство разворачивается. Поэтому, когда Маркс пишет о том, что «после присвоения через труд, или овеществления труда, *отчуждение продукта труда, или превращение его в общественную форму*, выступает как *ближайший следующий закон*»²⁹, он вовсе не имеет в виду отчуждение как деструктивный процесс. Речь идет об «отчуж-

²⁶ Lukács G. Geschichte und Klassenbewußtsein. Studien über marxistische Dialektik. Neuwied und Berlin, 1968, S. 22—23.

²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 191, 192.

²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 171.

²⁹ Маркс К. Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 444.

дении» только в смысле «отделения от производителя» (промежуточный случай — это «отчуждение» в смысле «экспроприации» в условиях первоначального накопления капитала).

Однако первый из этих процессов, т. е. опредмечивание деятельности, в свою очередь раздваивается. Воплощение практической деятельности в предметные результаты означает в то же время «выведение», так сказать, сил и способностей субъекта практики вовне, или экстериоризацию его сознания, «выявление внутренней сущности человека»³⁰ и ее экспозицию на внешнем материале. Иными словами, кроме опредмечивания объекта, происходит и опредмечивание субъекта, а последнее означает и выход его за свои естественные пределы.

В этой связи важно обратить внимание на особенность перевода на русский язык во втором издании сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса ряда соответствующих терминов. Особенность эта состоит в том, что различие между терминами «опредмечивание», «овеществление» и «овещещение» не проводится, а иногда они все отождествляются с «отчуждением»³¹, причем к последнему термину приравнивается слово *Entäußerung*, т. е. «экстериоризация» (как термин на русском языке это слово в тексте вообще отсутствует). В переводе соответствующих терминов пока нет необходимого единообразия. Так, например, в важном фрагменте «Отчуждение условий труда от труда с развитием капитала» в «Экономических рукописях 1857—1859 годов» термины «опредмечивание» и «опредмеченный» в русском тексте сопровождаются добавлением терминов «овеществление» и «овеществленный» либо даже заменяются ими³². В немецком подлиннике в одном месте стоит оборот *die gegenständliche [Arbeit]* (предметный [труд]), а в другом — *Vergegenständlichung* (опредмечивание)³³. В ряде случаев в русском тексте словом «овеществление» передан термин *Versachlichung*³⁴, что не совсем точно.

Пользуясь в большинстве случаев для обозначения рассматриваемой группы понятий терминами *Entfrem-*

³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 476.

³¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 507.

³² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 346, 347, 415.

³³ Marx K. Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie (Rohentwurf). 1857—1859. Berlin, 1953, S. 715, 716.

³⁴ См., например Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 103.

ding, Versachlichung, Vergegenständlichung, Маркс только первые два из них определенно связывал с негативными проявлениями действия частной собственности в условиях капитализма. Это обстоятельство отражено в «Предметном указателе ко второму изданию Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса (1—39 тома)».

Несмотря на то что в переводе термина Versachlichung на русский язык различие между «овещнением» и «овеществлением» снято в пользу последнего слова, тем не менее группа терминов, характеризующих всякую производственную деятельность и не обязательно связанных с понятием отчужденности, сведена в единую рубрику «опредмечивание, овеществление, материализация». В связи с этим возможна трудность проведения в некоторых случаях различия в тексте первоисточника между неотчужденным и отчужденным «овеществлением».

Несколько лет назад была сделана попытка преодолеть по возможности эту трудность путем использования для обозначения понятия «овещнение», т. е. «превращение в вещь», сопряженного, как и понятие фетишизма, с отчуждением термина «реификация», который использовал Г. С. Батищев³⁵.

Вместе с тем существует и несколько иная система перевода данной терминологии Маркса, где проводится четкая грань между «овеществлением» и «овещнением». Но это делается на основе того, что опредмечивание истолковывается как всякая реализация замысла в ходе трудовой деятельности, овеществление — как превращение продукта труда во внешнюю силу, что и является преддверием отчуждения как превращения результата труда субъекта во враждебную вещь, а затем силу. Нам кажется, оснований для принятия именно такой системы понятий недостаточно.

Выше шла речь о раздвоении процесса опредмечивания деятельности. Двойственность присуща и процессу преобразования материального сырья в готовые предметы социальной жизни. Ведь перевод материи на социальный уровень, рост создаваемой человеком технической и бытовой среды его существования, материальной культуры вообще означает возрастание качественной дистанции, отмежевание созданной трудом человека

³⁵ См.: Марксистская философия в XIX веке, кн. 1, М., 1979, с. 392—401.

«второй природы» от собственно природных связей. Этот процесс означает не только изъятие «второй природы» из естественного круговорота веществ, но и количественно-пространственное ограничение и деформацию этого круговорота. Так складывается та ситуация, которая в наши дни выросла в глобальную экологическую проблему: все новые и новые циклы производственных круговоротов веществ нарушают, дезорганизуют, а затем и губят естественный круговорот веществ, отравляют среду обитания людей.

Таким образом, происходят процессы, сами по себе отчуждения не вызывающие, но способные привести к нему, а значит, могущие сами превратиться в отчужденную противоположность. Это происходит в условиях господства частной, в особенности частнокапиталистической собственности на средства производства. Выделенные выше моменты взаимоотношения субъекта и объекта в ходе производственной практики (опредмечивание субъекта и объекта, овеществление, образование вещей и экстериоризация субъекта) в условиях капитализма отнюдь не исчезают. Наоборот, они усиливаются, приобретают отчужденный характер.

Овеществление практической деятельности в ее социально значимых результатах создает в условиях отчуждения «нечто совершенно внешнее»³⁶, и оно превращается в своего рода античеловеческое омертвление и окаменение. Эти омертвленные продукты могут затем заново персонифицироваться в нечто античеловеческое. В сфере обыденного экономического сознания данный процесс переживается как «товарный фетишизм». По сути дела экономические отношения капитализма через свои опредмеченные проявления направляются против трудящихся, приняв «форму вещных сил и даже сверхмощных вещей»³⁷, сгущаясь в силу, людям враждебную. С этой враждебной силой сталкивается и капиталист.

Но его положение ни в какое сравнение не идет с положением пролетариев. «Самостоятельное для-себя-бытие стоимости в противовес живой рабочей силе — т.е. ее бытие в качестве капитала, — объективное, холодное безразличие и *отчужденность* объективных условий труда по отношению к живой рабочей силе, доходящие до

³⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 415.

³⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 156.

такой степени, что эти условия противостоят личности рабочего в виде личности капиталиста, противостоят как персонификации, обладающие собственной волей и интересами, — это абсолютное *разъединение, отделение* собственности, т. е. вещных условий труда, от живой рабочей силы, в результате чего условия труда противостоят рабочей силе как *чужая собственность*, как реальность другого юридического лица, как абсолютная сфера его воли, а с другой стороны, труд выступает поэтому как *чужой труд* по отношению к стоимости, персонифицированной в капиталисте, т. е. по отношению к условиям труда, — это абсолютное отделение собственности от труда, живой рабочей силы от условий ее реализации, отделение овеществленного труда от живого труда, отделение стоимости от деятельности, создающей стоимость, — а, стало быть, также отчужденность содержания труда по отношению к самому рабочему, — это отделение теперь тоже выступает как продукт самого труда, как овеществление, объективирование его собственных моментов»³⁸.

Мы привели обширную цитату из «Главы о капитале» первоначального варианта главного труда Маркса, из которой видно, как овеществление труда при капитализме становится отчужденным и отчуждающим овеществлением. Маркс затрагивает и другие существенные тенденции этого процесса, в том числе взаимополяризацию рабочего и капиталиста. Кроме того, происходит опустошение практической деятельности трудящихся в их человеческой сущности: экстериоризация превращается в отчужденную экстериоризацию, негативное экстравертирование.

Об этой тенденции процесса отчуждения (и его же составном моменте) Маркс пишет так: «В буржуазной экономике — и в ту эпоху производства, которой она соответствует — это полное выявление внутренней сущности человека выступает как полнейшее опустошение, этот универсальный процесс овеществления [Vergegenständlichung] — как полное отчуждение, а ниспровержение всех определенных односторонних целей — как принесение самоцели в жертву некоторой совершенно внешней цели»³⁹. Опустошение духовного содержа-

³⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 440.

³⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 476.

ния личностей идет рука об руку с враждебной человеку персонификацией капитала и всей «второй природы». Природный мир при этом перестает быть «беспресловенным» питающим источником человеческой деятельности и все чаще нарушает ее течение, так что люди как бы оказываются во власти ими же пробужденных к жизни объектов. Но главное среди этих явлений — метаморфоза капитала во всепожирающего вампира: если сначала «индивиды подвергли отчуждению от себя свое собственное общественное отношение в виде вещи»⁴⁰, то теперь эта «вещь» ведет себя так, как если бы она была одухотворена злобным чувством к агентам, поддерживающим ее же существование. А вся сила капитала извлечена из эксплуатируемой им рабочей силы. Происходит «процесс превращения собственных сил труда в силы, чуждые рабочему»⁴¹.

Может показаться, что рассмотренные характеристики отчуждения труда носят чисто психологический, субъективный характер. Да, во многом они относятся к сфере социальной психологии, но корни их объективны. Значение же их для развития классовой борьбы велико. Недаром Маркс писал о личностных моментах в сознании пролетария следующее: «Признание продуктов труда своими собственными продуктами и оценка отделения труда от условий его существования как несправедливого, насильственного, свидетельствует об огромной сознательности, являющейся продуктом способа производства, основанного на капитале, и точно так же служит похоронным звоном, предвещающим гибель этого способа производства, как с появлением у раба сознания того, что он *не может быть собственностью третьего лица*, с появлением у него осознания себя личностью, рабство влечит уже только искусственное существование и не может дальше служить основой производства»⁴².

Известные слова Энгельса из работы «Происхождение семьи, частной собственности и государства» о том, что личностное начало появляется в отношениях между людьми только на заре буржуазного общества, нельзя — в связи со сказанным выше — понимать в буквальном смысле. Кроме того, в «Тезисах о Фейербахе» Маркс,

⁴⁰ Там же, с. 103.

⁴¹ Там же, с. 262.

⁴² Там же, с. 451—452.

указывая на отчужденные структуры религии, не ограничивал протест личности против религиозного отчуждения непременно временными рамками современности, а в письме Ф. Лассалю от 10 июня 1858 г. указал на существование также и «феодальных форм» утверждения личности⁴³.

В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс рассматривал отчуждение практики в конкретной и исходной форме отчуждения труда. При этом «рабочий относится к *продукту своего труда* как к *чуждому предмету*»⁴⁴. Структуры этих двух видов отчуждения т. е. отчуждения практики и отчуждения собственно труда, одинаковы в том смысле, что труд есть фундаментальная форма практики. Отчужденное воплощение практики в предметные результаты — это отчуждение самого процесса труда. Противостояние человеку «второй природы» как продукта его практической деятельности в непосредственной форме оказывается отчуждением товарных продуктов труда, а отчужденная экстериоризация человеческой сущности выливается прежде всего в оскудение личности рабочего, связанное также со взаимоотношением агентов капиталистического способа производства друг от друга. Если не всякая экстериоризация практики носит отчужденный характер, то зато экстериоризация труда на капиталистической фабрике непременно несет с собой такую экстериоризацию, которая — по крайней мере в тенденции — иссушает и обесценивает саму сущность человека.

Описанное здесь соотношение элементов процесса отчуждения в 20-х гг. XX в. в марксоведческой исследовательской литературе не было отчетливо обрисовано. Г. Лукач, стремившийся провести в своих анализах марксистскую точку зрения, в неоконченном сочинении «Онтология общественного бытия» отметил отличие понятия *Entäußerung*, т. е. «экстериоризация», от понятия *Entfremdung*, т. е. «отчуждение», но эти отличия не были им раскрыты, и многое в его рукописи осталось недостаточно определенным.

Некоторые буржуазные комментаторы трудов Маркса прямо утверждают, будто всякое отчуждение может вырасти только из экстериоризации субъекта. Ссылаясь

⁴³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 459.

⁴⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 88.

на то, что в «Экономических рукописях 1857—1859 годов» Маркс иногда употреблял термин *Entäußertsein*, *Veräußertsein*⁴⁵ (т. е. экстериоризация), они, однако, не конкретизировали отношение этих терминов к отчуждению труда.

В ряде мест книги Г. Лукача «Онтология общественного бытия»⁴⁶ отчуждение выводится из экстериоризации, хотя здесь же можно найти и положения, корректирующие этот взгляд. Подобная точка зрения вольно или невольно обедняет содержание понятия «отчуждение труда». Кстати говоря, Гегель в «Феноменологии духа» обозначал термином *Entäußerung* всякое отчуждение и разные его стороны, но это не означает, будто Гегель сводил содержание отчуждения только к процессу «овнешнения» и соответствующему результату.

В действительности экстериоризация есть лишь один из моментов трудовой практики. Экстериоризация, как и опредмечивание, сама по себе не обязательно является отчуждением. В различных общественно-экономических формациях и экстериоризация, и опредмечивание ведут к различным последствиям. Когда в условиях капитализма происходит отчуждение труда, то отчужденный характер приобретает, строго говоря, экстериоризация не сама по себе, а в совокупности с другими моментами практики, с опредмечиванием субъектов и объектов, «овещнением» и овеществлением. Ведь все это — стороны единого процесса практики, и отчуждение одной из них непременно связано с отчуждением других.

После ликвидации частной собственности на средства производства опредмечивание и экстериоризация не исчезают. Они не могут испариться: пока существуют практически действующие люди как члены общества, они только утрачивают прежний отчужденный характер. Это происходит не мгновенно и в отношении разных своих последствий не одновременно.

Маркс был твердо убежден в реальной достижимости и неизбежности ликвидации отчуждения труда (и зависимых от него форм отчуждения), происходящей через уничтожение частной собственности на средства производства. «...Та крайняя форма отчуждения [*Entfremdung*], в которой, в рамках отношения между ка-

⁴⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 347.

⁴⁶ Lukács G. Zur Ontologie des gesellschaftlichen Seins. Darmstadt und Neuwied, 1973, S. 148—150.

питалом и наемным трудом, труд, производственная деятельность, выступает по отношению к своим собственным условиям и к своему собственному продукту, представляет собой необходимую промежуточную стадию и потому *an sich*, но только еще в превратной, поставленной на голову форме, уже содержит в себе разложение всех *ограниченных предпосылок производства* и даже больше того — создает и устанавливает безусловные предпосылки производства, а значит и всю полноту материальных условий для целостного, универсального развития производительных сил индивида»⁴⁷.

Одна из категорий, в которых происходит ликвидация отчуждения труда, — это категория «распредмечивание» (*Entgegenständlichung*). Она связана с теми характеристиками труда и всей жизни общества, которые выражаются понятиями преодоления овеществления и овещнения.

Как и «опредмечивание», «распредмечивание» само по себе есть процесс, не обязательно связанный с судьбами отчуждения. Разграничение между «распредмечиванием», отрицающим отчуждение, и «распредмечиванием», не имеющим отношения к отчуждению, провести не всегда легко. Истоки слияния двух видов «распредмечивания» в терминологии восходят к Гегелю.

В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс именно в противоположность Гегелю проводил различие между «опредмечиванием», расчеты на полное устранение которого означали бы ту идеологическую ошибку, что «человек рассматривается как *непредметное, спиритуалистическое* существо», и «опредмечиванием», в котором «человеческая сущность *опредмечивается бесчеловечным образом...*»⁴⁸. Но Маркс видел великое значение гегелевской «Феноменологии духа» в том, «что Гегель рассматривает самопорождение человека как процесс, рассматривает опредмечивание как распредмечивание, как отчуждение и снятие этого отчуждения...»⁴⁹, а значит, понимает человека как результат его труда.

С одной стороны, здесь под «распредмечиванием» имеется в виду процесс, соединенный накрепко с «сущ-

⁴⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 508.

⁴⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 160, 157.

⁴⁹ Там же, с. 158—159.

ностью труда» и означающий возвышение животного до человека, т. е. подъем биологического — до социального, природного — до общественного. В этом смысле «распредмечивание» берется со стороны природы, объекта.

С другой стороны, «распредмечивание» здесь рассматривается в соединении с сущностью не труда вообще, но именно труда отчужденного, а значит, со стороны процесса ликвидации отчуждения. В контексте данного высказывания речь идет о гегелевском понимании отчуждения перехода духа в свое инобытие. Распредмечивание как характеристика «снятия этого отчуждения» означает здесь выход природного из отчужденного состояния в состояние социальное. Согласно Гегелю, социальное состояние менее отчужденно, чем неорганическая и биологическая природа: общество «более духовно», чем природа. Но, по его мнению, общество более отчужденно, чем природа: в обществе отчуждение осознается, а значит, оно мучительно (Гегель рассматривал даже само чувство боли у человека как ощущение отчужденного состояния).

В советской литературе встречаются разные взгляды на распредмечивание. Т. И. Ойзерман рассматривает распредмечивание со стороны объекта, но интерпретирует его как происходящее одновременно с «опредмечиванием» без дальнейших уточнений. Возникает общее «единство опредмечивания (человеческой деятельности) и распредмечивания (природы)»⁵⁰. Это он связывает с тем, что в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс писал о «распредмечивании» как о процессе возвышения объективного природного до социального уровня, о его «втягивании» в орбиту социальности, объединяя в рамках общей постановки вопроса природное в самом человеке и природное в объектах приложения его сил.

В «Экономических рукописях 1857—1859 годов» и в «Теориях прибавочной стоимости» Маркс снова затрагивает проблему «распредмечивания»: по мере освобождения людей от эксплуатации и угнетения бремя «опредмеченности» как скованности с них спадает. В этом смысле субъекты «распредмечиваются». Путь к этому лежит через социалистическую революцию.

⁵⁰ Ойзерман Т. И. Формирование философии марксизма. М., 1974. с. 272.

ТЕОРИЯ ОТЧУЖДЕНИЯ В «КАПИТАЛЕ»

Рассмотрим теорию отчуждения в том ее виде, в каком она окончательно обрисована К. Марксом в «Капитале», резюмируя при этом те подходы к этой теории, которые имелись в более ранних трудах основоположника марксизма.

В окончательном тексте «Капитала» выявлены глубинные корни и предпосылки отчуждения труда. Его генезис восходит к начавшемуся диалектическому раздвоению труда на абстрактный и конкретный еще на заре товарного производства, т. е. задолго до эпохи зрелого капитализма.

Выяснение роли и места категории отчуждения в главном произведении Маркса позволяет наиболее детально выявить гуманизм этого труда, направленность пролетарской политической экономии на борьбу за человеческое счастье. Необходимо подчеркнуть, что именно в «Капитале» достигает кульминации исследование Марксом данной категории. Интерес к ней проявился в его статье «Дебаты по поводу закона о краже леса», где Маркс затронул вопрос о денежном фетишизме, и в «Немецко-французском ежегоднике», где он впервые приблизился к идее товарного фетишизма, а затем, как мы знаем, эта категория получила разработку в «Экономическо-философских рукописях 1844 года». Маркс разбирает там категорию этой «отчужденной, отчуждающей и отчуждающейся *родовой сущности* человека»¹ и во фрагменте «Отчужденный труд» и во фрагменте о деньгах. На страницах «Немецко-французского ежегодника» Маркс охарактеризовал как вид отчуждения также и религиозные иллюзии. И этот аспект анализа через «Экономическо-философские рукописи 1844 года» также вел к «Капиталу», хотя в политико-экономическом исследовании тема религии и не могла занять много места.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 149.

И товарный фетишизм и религия — духовное бремя, которое кажется угнетенному и эксплуатируемому светлым лучом надежды (он уповает на то, что фортуна когда-то улыбнется человеку, а бог когда-то вознаградит его). В действительности же это отчужденные формы сознания, одна из которых наиболее близка к материальной экономической основе, а другая — наиболее от нее удалена, но обе они оказывают на трудящихся самое губительное воздействие. К тому же они взаимодействуют.

В отдельных фрагментах «Экономических рукописей 1857—1859 годов» К. Маркс оперировал общим понятием отчуждения, рядомположенным с теоретически пока еще им недостаточно разработанным понятием отчужденного труда (отчуждением труда). «Отчуждение» в его общем виде как понятие охватывало как отчуждение труда, так и все его вторичные и вообще производные формы проявления. Такое понимание отчуждения перешло в текст «Святого семейства» и было впоследствии отмечено В. И. Лениным².

Уже отмечалось, что в «Немецкой идеологии» отчуждение вообще было определено как «консолидирование нашего собственного продукта в какую-то вещественную силу, господствующую над нами, вышедшую из-под нашего контроля...». Маркс и Энгельс сохранили в «Немецкой идеологии» представление об отчуждении как об одном «из главных моментов»³ в истории человечества. Оно нуждалось в более детальном объективном рассмотрении, и Маркс и Энгельс продолжают его характеристику так: «Социальная сила, т. е. умноженная производительная сила, возникающая благодаря обусловленной разделением труда совместной деятельности различных индивидов, — эта социальная сила, вследствие того, что сама совместная деятельность возникает не добровольно, а стихийно, представляется данным индивидам не как их собственная объединенная сила, а как некая чуждая, вне их стоящая власть, о происхождении и тенденциях развития которой они ничего не знают; они, следовательно, уже не могут господствовать над этой силой, — напротив, последняя проходит

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 11—13, 15.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 32.

теперь ряд фаз и ступеней развития, не только не зависящих от воли и поведения людей, а наоборот, направляющих эту волю и это поведение»⁴.

Возникает впечатление, что в «Немецкой идеологии» по сравнению с «Экономическо-философскими рукописями 1844 года» понятие отчуждения расширяется, разумеется, не в смысле возвращения к гегелевскому «космическому» отчуждению, а в смысле превращения этой категории из экономической в социологическую и историко-материалистическую. Это расширение — действительный факт, но оно не значит, что Маркс отказывается от прежней характеристики отчуждения в Рукописях 1844 г. как категории политико-экономической.

Понятие отчуждения оказывается в двойном соотношении с понятием отчуждения труда: в логическом плане отчуждение труда оказывается частным случаем социального отчуждения, но в плане диалектико-генетическом все то содержание «отчуждения вообще» (взятого в смысле совокупности всех реально существующих в обществе видов отчуждения), которое выходит за пределы отчужденного труда, является следствием и порождением отчуждения труда. Эти соотношения имеют место и в «Капитале».

Неверно полагать, будто в «Немецкой идеологии» нет понятия отчужденного труда и будто позднее, в «Капитале», понятие отчуждения было заменено категорией разделения труда⁵. Именно в «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс резко осудили болтовню Штирнера и младогегельянцев об отчуждении, понятом ими в полном отрыве и даже независимости от отчуждения труда.

Получив в «Немецкой идеологии» общесоциологическую и историко-материалистическую характеристику, отчуждение, однако, было истолковано вместе с тем как общеполитическое понятие; опять же не в смысле гегелевского идеалистического онтологизма, а как категория диалектического материализма. Эта функциональная структура данной категории действительна и в «Капитале», где в анализе проводится та точка зрения, что отчуждение — это особый случай взаимодействия

⁴ Там же, с. 33.

⁵ См.: Давыдов Ю. Н. Труд и свобода. М., 1962, с. 47.

Das Kapital.

Kritik der politischen Oekonomie.

Von

Karl Marx.

Erster Band.

Buch I: Der Produktionsprocess des Kapitals.

Das Recht der Uebersetzung wird vorbehalten.

Hamburg

Verlag von Otto Meissner.

1867.

New-York: L. W. Schmidt, 24 Barclay-Street.

**Титульный лист первого
немецкого издания I тома «Капитала»**

сторон противоречия, когда одна из них оказывает на другую обратное угнетающее, деформирующее, а иногда и разрушающее воздействие. Этот процесс происходит только в области социальных явлений и конкретизируется только на их материале, но философски характеризуется в рамках общей системы категорий диалектики.

Итак, отчуждение есть процесс, в котором от людей как членов тех или иных классов и общественных групп отделяются результаты их деятельности, она сама, а также те способности и силы, которые эту деятельность сделали возможной и ее реализовали. Продукты этого отделения приобретают относительную самостоятельность, выходят из-под контроля их создателей и обрекают затем господство над породившими их человеческими силами⁶.

В «Немецкой идеологии» был реализован тот подход к решению вопроса о механизме отчужденных процессов, который до этого был намечен в Рукописях 1844 г. Корни отчуждения труда уходят в процессы докапиталистического и даже доклассового разделения труда. *«Разделение труда есть экономическое выражение общественного характера труда в рамках отчуждения»*⁷. В особенности же способствовало появлению отчуждения в его ранних, зачаточных видах отделение умственного труда от физического: колдун, заклинатель, шаман или жрец — это уже носители такого отделения. Вообще религиозное отчуждение появилось в глубокой древности, когда общественные классы еще не вполне сформировались или даже только начинали формироваться.

В первой главе «Немецкой идеологии» в отличие от «Капитала» и подготовительных к нему работ мы еще не найдем отчетливого разграничения между проблемами отчужденного труда и разных производных форм отчуждения. Между тем уже в Рукописях 1844 г. социально-психологические, ценностные и моральные аспекты отчуждения труда, от него еще не отделенные, как бы намекали на то, что они, строго говоря, суть не аспекты, а вторичные его виды. Когда речь идет о происхождении отчуждения, имеется в виду прежде всего именно отчуждение труда. *«Разделение труда уже с самого начала заключает в себе разделение условий труда, орудий труда и материалов, тем самым и раздробление накопленного капитала между различными собственниками, а тем самым и расщепление между капиталом и трудом, а также различные формы самой собственности. Чем больше развивается разделение труда и чем больше растет накопление, тем сильнее разви-*

⁶ Подробнее см.: Философские науки. М., 1963, № 4, с. 105.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 140.

вается также и это расщепление. Самый труд может существовать лишь при условии этого расщепления». При этом «производительные силы выступают как нечто совершенно независимое и оторванное от индивидов, как особый мир наряду с индивидами; причиной этому — то, что индивиды, силами которых они являются, раздроблены и противостоят друг другу, между тем как эти силы, со своей стороны, становятся действительными силами лишь в общении и во взаимной связи этих индивидов»⁸.

Дело здесь, конечно, не в том, что производительные силы оказались отчужденными от участников производства, а точнее говоря, вещественный элемент этих сил оказался отчужденным от собственно человеческого их элемента. Пока смысл термина «производительные силы», который уже встречался у А. Смита и других буржуазных экономистов, еще не вполне определен и не вполне установлен в его собственно марксистском значении, и здесь имеется в виду лишь тот момент производительных сил, который составляют способности людей к труду и их силы, вложенные в труд. И не о «капитале» в собственном смысле слова идет тут речь, а только об орудиях труда и материалах, которыми располагает их собственник. Налицо, однако, зародыш открытия, сделанного потом Марксом в процессе создания «Капитала»: исток отчуждения труда в двойственности самого труда, а тем самым в возможности обособления и противопоставления абстрактного труда конкретному. А в рассуждении о том, что производительные силы индивидов перестают быть для них собственными силами, содержится зачаток положения, что в условиях капитализма «все наши открытия и весь наш прогресс как бы приводят к тому, что материальные силы наделяются интеллектуальной жизнью, а человеческая жизнь, лишенная своей интеллектуальной стороны, низводится до степени простой материальной силы»⁹.

Важным шагом в развитии категории отчуждения и подготовки будущего ее точного научного использования в «Капитале» стал «Манифест Коммунистической партии». Этот великий документ явился политической

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 66—67.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 4.

подготовкой «Капитала» в том числе потому, что здесь Маркс и Энгельс завершили политическую критику отчужденного сознания буржуазных идеологов, противников коммунизма. В собственно философском плане и в несколько иных аспектах эта критика была дана в «Святом семействе» и «Нищете философии».

В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс развернули научную критику капитализма, которая была во многом проведена посредством образов отчуждения. Эти образы появляются уже там, где Маркс и Энгельс пишут о буржуазном обществе: оно «походит на волшебника, который не в состоянии более справиться с подземными силами, вызванными его заклинаниями»¹⁰.

Отчужденные состояния в политике, морали, мировоззрении (философии и религии) воспроизводятся капитализмом расширенным образом. Именно буржуазия «не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного «чистогана»». Посредством принципа частной собственности буржуазия «превратила личное достоинство человека в меновую стоимость и поставила на место бесчисленных пожалованных и благоприобретенных свобод *одну* бессовестную свободу торговли». Отчужденному обездушиванию капитализм подверг и семейные отношения, поскольку свел их к отношениям чисто денежным, когда «все священное оскверняется...»¹¹.

Известно, что в «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс иронически оценили абстрактно-философские упражнения мелкобуржуазных писателей из числа немецких «истинных социалистов», которые «под французскую критику денежных отношений... вписали «отчуждение человеческой сущности»...»¹². Но было бы совершенно неверно заключать отсюда, будто основоположники марксизма отбросили прочь всю проблематику отчуждения как пустую «философскую фразеологию». В «Манифесте Коммунистической партии» еще раз подчеркнуто резко критическое отношение Маркса и Энгельса вовсе не к анализу социальной действительности через призму категории отчуждения, а

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 429.

¹¹ См. там же, с. 426, 427.

¹² Там же, с. 451.

лишь к идеалистической трактовке этой категории и гипертрофированному использованию ее мелкобуржуазными утопистами.

Итак, труды Маркса и Энгельса, созданные ими во второй период формирования марксизма, в философском плане подводят к тому пониманию категории отчуждения, которое Маркс реализовал и теоретически закрепил в «Капитале». В политико-экономическом, а отчасти также в философском планах к этому пониманию в «Капитале» вели, как мы старались показать выше, «Экономические рукописи 1857—1859 годов».

В окончательном тексте «Капитала» мы встречаем термины *Entfremdung*, *Entäußerung* и *Entmenslichung* и аналогичные им. Иногда в переводе на русский язык избраны такие приблизительные эквиваленты этих терминов, что их смысловая связь с отчуждением не видна, а отсюда их философская «нагрузка» оказывается завуалированной. Разумеется, главное не в терминах, а в существе дела, но и терминология имеет значение. Остановимся вообще на вопросе о терминах.

Обратившись к немецкому подлиннику, мы видим, что в третьем томе «Капитала» Маркс неоднократно пишет об отчуждении (*Entfremdung*) и изоляции, обособленности (*Außerlichkeit*), в которые поставлен пролетарий по отношению к условиям осуществления его собственного труда¹³. Однако второй термин означает по смыслу контекста результат отчужденного овнешнения, экстериоризации. Недаром далее сказано: «...рабочий в действительности относится к обществу по характеру своего труда, к его комбинации с трудом других ради общей цели, как к некоторой чуждой ему силе (*zu einer fremden Macht*)»¹⁴. Условия воспроизводства постоянно выступают в отношении к труду именно как капитал, который и представляет собой отчуждение от труда и господствующие над ним силы, которые индивидуализированы в капиталистах.

Интересно высказывание Маркса о конкретной динамике процесса отчуждения. Он отмечает, что капиталистический способ производства ведет одновременно как к расширению и интенсификации производства, так и к «экономии» в расходовании постоянного капитала,

¹³ *Marx K. Das Kapital*, Bd. III. Berlin, 1957, S. 104.

¹⁴ Там же, с. 105.

прежде всего в отношении фондов, выделяемых на заработную плату. «Однако дело не ограничивается этим отношением отчужденности (Entfremdung) и безразличия, которое устанавливается между рабочим, носителем живого труда, и экономным, т. е. рациональным и бережливым, применением условий его труда»¹⁵. Имеется в виду, что отчужденность углубляется, переходя в ситуацию острого противоречия: капиталист наступает на рабочего, уменьшая его заработную плату, беззастенчиво и цинично растрчивает его здоровье. Именно в этом и усматривается им одно из главнейших средств и способов экономии. В плане терминологии приведенный отрывок характерен тем, что термин Entfremdung использован здесь для обозначения не процесса, но его результата.

Следует заметить, что во втором и третьем томах «Капитала» термины «отчуждение» (Entfremdung) и «экстериоризация» (Entäußerung) встречаются более часто, чем в первом томе. Именно в этих томах Маркс заметно отошел от того, что было в первом томе, где он «местами даже кокетничал характерной для Гегеля манерой выражения»¹⁶. Таким образом, факты использования Марксом термина и понятия «отчуждение» в «Капитале» невозможно объяснить только посредством ссылки на некоторое сохранение гегелевской традиции.

Надо учитывать те случаи, в которых Маркс в «Капитале» применял термин «отчуждение» в элементарно-юридическом смысле «лишения собственности», не прибегая к каким-либо дальнейшим содержательным определениям. В своем узкоюридическом значении этот термин был употреблен еще в «Нищете философии». В третьем томе «Капитала» в подлиннике стоит не Entfremdung, а Enteignung¹⁷. В первом томе «Капитала» Маркс подкрепляет свою мысль цитатой из «Лекций по политической экономии» Ф. У. Ньюмена, имея в виду факт передачи (отчуждения) земель прежних собственников новым¹⁸. В сочинении «К критике политической экономии» имеется, например, такое положение: «Товар как потребительная стоимость может быть отчужден только тому, для кого он является потребительной стои-

¹⁵ Там же, с. 106.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 22.

¹⁷ Marx K. Das Kapital, Bd. III, S. 269.

¹⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 735.

мостью, т. е. предметом особой потребности»¹⁹. Впрочем, отчуждение в смысле лишения или передачи собственности не отделено каменной стеной от отчуждения труда, оно всегда было либо предпосылкой определенной стадии развития последнего (как это произошло в период первоначального капиталистического накопления), либо стороной процесса отчуждения труда.

Иногда Маркс употреблял также и термины *Entäußerung*, *Veräußerung* в значениях, не связанных с отчуждением, ибо процесс объективизации, перехода во внеположенное состояние бывает не только при отчуждении (см., например, 21 главу «Теорий прибавочной стоимости»).

Прямое отношение к проблеме отчуждения имеют те случаи, где Маркс исследует прибыль. Здесь намечен узел связей и переходов от отчуждения в собственно-экономическом смысле к отчуждению в смысле субъективно-идеологическом, т. е. к иллюзорно-превращенной форме отражения социально-экономического отчуждения в сознании. В прибыли «форма прибавочной стоимости стала чем-то отчужденным, причудливым, не позволяющим непосредственно познать ее простой облик и тем самым ее субстанцию и причину ее возникновения...»²⁰. При этом сохраняется и даже развивается дальше объективно-экономический момент отчуждения. Вместе с тем становится видимой производная форма отчуждения, действующая уже не в эксплуатируемом, а в эксплуатирующем классе. Формы отчуждения вытекают одна из другой и наслаиваются одна на другую так, что прибыль, например, в виде средней прибыли выступает как отчужденная форма самой себя.

М. М. Розенталь справедливо выделял прибыль, ренту, процент в разряд отчужденных форм проявления экономических отношений: они «в своем *проявлении*, в своей форме отчуждены от того, что они представляют собой в сущности»²¹. И этот аспект отчужденности закрывает, словно ширмой, подлинные источники прибыли, процента, ренты, тогда как другой аспект означает порождение фантазмагорий отчужденного сознания.

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 30.

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. III, с. 513, 488.

²¹ Розенталь М. М. Диалектика «Капитала» К. Маркса. М., 1967, с. 307.

БАЗИСНЫЕ И НАДСТРОЕЧНЫЕ ВИДЫ
ОТЧУЖДЕНИЯ

Какое же место в целом занимают категории «отчуждение» и «отчуждение труда» в окончательном тексте «Капитала»?

Конечно, в наши дни только ревизионисты могут упорно настаивать на тезисе, будто «отчуждение» — центральная проблема нашего времени и ядро всей теории марксизма. Вопреки Марксу они связывают отчуждение со всяким трудом вообще, что объективно заслоняет факт капиталистической эксплуатации и неизбежно ведет к мысли о вечности отчуждения. В этой связи они часто интерпретируют высказывания Маркса о товарном фетишизме в том смысле, будто отчуждение коренится не столько в эксплуатации труда, сколько во вредном воздействии со стороны (в столь мрачных тонах изображенной М. Вебером) «технической рациональности», углубляющей и усугубляющей разделение труда, как таковое. Идею товарного фетишизма ревизионисты 60-х годов зачастую объявляли главным содержанием исторического материализма, ссылаясь при этом вновь и вновь на раннего Г. Лукача.

Буржуазные марксологи иного склада, наоборот, утверждают, что зрелый марксизм выбросил «отчуждение» как проблему за борт. Они охотно ссылаются на мнение французского философа Л. Альтюсера, который утверждал: «Коммуна (Парижская коммуна. — И. Н.) в ответ на ожидания Маркса сделала тему отчуждения излишней, как это показала и вся политическая практика Ленина. Действительно, отчуждение исчезло из мышления Маркса после Коммуны и никогда не появлялось вновь в огромном творчестве Ленина»¹. Как известно, К. Маркс продолжал работать над «Капиталом» и после Парижской коммуны, а В. И. Ленин пользовался понятием отчуждения при подготовке черновых планов труда «Государство и революция»².

¹ *Althusser L. Essays in Self Criticism. New York, 1976, p. 206.*

² См.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 308.*

Среди философов-марксистов по вопросу о месте и роли «отчуждения» в «Капитале» Маркса в настоящее время полного единогласия нет, хотя дискуссии с переменной интенсивностью ведутся на этот счет и поныне.

Известный исследователь истории формирования марксизма О. Корню считал, что идея отчуждения «склоняла Маркса к несколько метафизически абстрактному пониманию труда как человеческой практики» и будто бы уводила в сторону от трудовой теории стоимости. В своих зрелых трудах Маркс приходит к фундаментальному понятию труда как общественной производственной практики, и это понятие, согласно Корню, «в качестве центрального понятия все более вытесняет и замещает понятие отчуждения»³. Данный тезис Корню выдвигает, несмотря на то что признает непосредственную связь раздела о товарном фетишизме в первом томе «Капитала» с категорией отчуждения труда. Конечно, не «отчуждение» вообще, а труд, товар и т. д. суть собственно понятия политической экономии. Однако не совсем ясно, каким образом «труд» мог заменить собой «отчуждение» и «отчуждение труда»: содержание категории «труд» не сводится к «отчуждению труда», «отчуждение» в свою очередь не сводится к «труду».

По мнению Т. И. Ойзермана, «в «Капитале» Маркса понятие отчуждения играет второстепенную роль и применяется главным образом в связи с характеристикой товарного обмена и связанного с ним фетишизма»⁴. Если же взять проблему во всей ее полноте, то понятие отчуждения, согласно Ойзерману, заменяется совокупностью понятий исторического материализма. Этот тезис отчасти верен, но не очень конкретен. Если ему следовать со всей строгостью, придется отказаться от толкования товарного фетишизма как идеологической формы отчуждения труда.

Во втором, доработанном издании книги «Формирование философии марксизма» Ойзерман уже не высказывается столь категорично о месте категорий собственно отчуждения труда и отчуждения вообще: «...понятие отчуждения фиксирует экономический факт — отчуждение продукта труда и самой производительной деятель-

³ См.: Корню О. Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Жизнь и деятельность, т. II. М., 1961, с. 150, 245.

⁴ Ойзерман Т. И. Формирование философии марксизма. М., 1962, с. 312.

ности. Это содержание понятия «эксплуатация трудящихся собственниками средств производства» получает систематическое развитие в произведениях зрелого марксизма. Здесь перед нами действительное открытие Маркса, открытие отчужденного труда как исторически необходимой и преходящей антагонистической формы социально-экономического прогресса»⁵.

Понятие отчуждения вообще у молодого Маркса трактуется Ойзерманом «в фейербаховском смысле, т. е. как характеристика *противоестественного* положения человеческой личности, *естественные* потребности которой подавляются извращенным устройством общества...». В зрелом марксизме, а значит, в «Капитале» окончательно выясняется, что «пролетариат стремится уничтожить капиталистические отношения не потому, что они противоестественны, а потому, что они его поработщают»⁶. Отсюда вытекает, что для зрелого марксизма понятие отчуждения вообще, коль скоро абстрактный фейербаховский антропологизм уже полностью преодолен и отвергнут, не имеет смысла.

Как же можно согласиться с такой постановкой вопроса, если производные от отчуждения труда формы социально-психологического, морального и вообще ценностного отчуждения личности органически свойственны капитализму, а на стадии империализма не только не ослабевают, но, наоборот, делаются все более острыми и невыносимыми? Критика ценностного отчуждения свелась у так называемых «истинных социалистов» к бесильному морализаторству, но это не может дискредитировать необходимость самой этой критики. Уже в «Манифесте Коммунистической партии» и «Капитале» критика в адрес этих форм отчуждения составляет важную часть обвинительного акта Маркса против капитализма.

А как же быть с религиозным отчуждением? Фейербах выводил его из процессов отчуждения человеческой «сущности вообще». Если он ошибался в отношении понимания сущности человека, вращаясь в замкнутом кругу образов антропологической психологии, то был прав в том, что считал религию продуктом отчуждения. Именно эту его мысль Маркс поддержал на страницах

⁵ Ойзерман Т. И. Формирование философии марксизма. М., 1974, с. 315.

⁶ Там же, с. 315, 316.

«Немецко-французского ежегодника» и развил в том смысле, что указал на необходимость выведения корней религиозного отчуждения из политических, а затем и из собственно экономических процессов. В рамках концепции Т. И. Ойзермана выпадает тот факт, что религиозные представления суть не только последствия процессов отчуждения в базисе общества, но и сами вид отчуждения.

Среди советских философов есть точка зрения, будто понятие товарно-денежного фетишизма заменило в зрелом марксизме категорию отчуждения как излишнюю. Речь идет не о том, что товарно-денежный фетишизм не имеет ничего общего с отчуждением, а о том, что, наоборот, предполагается расширить понятие этого фетишизма, включив в него указание на овеществленный и вещный характер отношений между людьми при капитализме, мертвяще и опустошительно воздействующем на их духовное содержание и на все их поведение. Но это включение идет по линии превращения товарного фетишизма из определенного вида отчуждения (и одного из следствий отчуждения труда) в отчуждение вообще, так что мы приходим к той же самой категории, от которой собирались «избавиться».

Советские философы А. И. Титаренко и Б. Н. Воронцов признают важность категории отчуждения в зрелом марксизме, и прежде всего как общемировоззренческой категории, несущей значительную нравственно-психологическую и ценностную нагрузку. Вместе с тем они считают, что в «Капитале» содержание этой категории во многом переходит, с одной стороны, в категории «частная собственность», «товар», «капитал», «заработная плата», а с другой — в понятия «враждебность», «несчастье», «обесценение» и т. п.⁷ Однако все это парафразы «отчуждения», рассматриваемого сначала в аспекте экономического базиса, а затем в аспекте надстройки.

Если обратиться к окончательному тексту всех трех томов «Капитала», то окажется, что замысел Маркса проанализировать капиталистическую общественно-экономическую формацию всесторонне сделал применение категории отчуждения необходимым. Уже процесс ста-

⁷ См.: Титаренко А. И., Воронцов Б. Н. О месте понятия отчуждения в системе категорий марксизма. — Вопросы философии, 1978, № 11, с. 104.

новления капитализма Маркс характеризует как процесс «отчуждения от действительных производителей» средств производства. При этом дело отнюдь не сводится только к указанию на отделение средств производства от непосредственных производителей в условиях первоначального капиталистического накопления как на эмпирический факт экспроприации собственности. Само это отделение собственности означало появление «противоположности как чужой собственности всем действительно участвующим в производстве индивидуумам...»⁸.

Собственно отчуждение труда внутри сложившегося капиталистического способа производства как источник сонма разных феноменов отчуждения не обособлено какой-то стеной от указанного «отделения», но связано с ним через диалектическую причинно-следственную связь. «...Капитал производит стоимость только как отчужденная от труда и господствующая над ним сила его собственных вещественных условий...»⁹. Эта сила господствует и над всем обществом.

Бесспорно, что первоначальное капиталистическое отчуждение осуществлялось во многом сугубо насильственными методами. Момент насилия, т. е. внеэкономического принуждения, имел место и при классово антагонистических формациях, которые предшествовали капитализму. Однако это не может перечеркнуть фактов наличия отчуждения и при рабовладении, и при феодализме. Не может данное обстоятельство перечеркнуть явлений отчуждения и в рамках процесса первоначального накопления капитала: насильственные меры, которыми «прославился» этот процесс, были экономически подготовлены разложением феодального способа производства, хотя и происходили «вопреки» последнему. В человеческом обществе насилие одного класса над другим проистекает из экономических противоречий, но не наоборот. Это с полной убедительностью было показано в «Анти-Дюринге» Ф. Энгельса.

Поэтому рассмотрение экспроприации непосредственных производителей в первом томе «Капитала» имеет самое прямое отношение к содержанию отчуждения труда. При характеристике экспроприации Маркс не только выявляет ее объективно противоречивый харак-

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. I, с. 480.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. I, с. 68.

тер, но и специально показывает, к каким душераздирающим трагедиям, к какой нищете и пауперизму, к какой деградации морали и духовному опустошению велла она на протяжении XVI в.

Капиталистическая по своей тенденции экспроприация собственности у мелких ее владельцев запустила в действие механизм постоянно и расширенно происходящей экспроприации плодов труда пролетариев. Значит, расширенно воспроизводится и вся соответствующая капитализму совокупность видов отчуждения на основе отчуждения труда и все вытекающие отсюда бедствия и страдания эксплуатируемых и угнетенных. «...Накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, муки труда, рабства, невежества, огрубения и моральной деградации на противоположном полюсе, т. е. на стороне класса, который производит свой собственный продукт как капитал»¹⁰. Те конфликты и разрушения в бытии людей, которые были принесены первоначальным накоплением и утверждением капитала, еще более углубляются в накоплении, свойственном развивающемуся и функционирующему капиталу. «...Постоянно возрастают отчуждение и противоположность между рабочей силой и объективными условиями труда, получившими в капитале обособленное самостоятельное существование»¹¹.

Всеобщий закон капиталистического накопления, в котором говорится о «муках труда»¹², не есть закон развития только отчуждения в условиях капитализма, поскольку это также и закон развития и углубления капиталистического отчуждения труда. Главное здесь — это усиление эксплуатации рабочего класса капиталистами, и неверно считать, будто эксплуатация капиталистическими предпринимателями наемных рабочих и отчуждение труда есть одно и то же, как и неверно считать, будто они обособлены друг от друга. Все предшествовавшие стадии развития товарного производства подготавливали неразрывную связь капиталистического отчуждения труда и капиталистической эксплуатации.

Наиболее глубокие корни капиталистического отчуждения труда показаны уже в первой главе «Капитала»—

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 660.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. II, с. 460.

¹² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 659.

это «отчуждение», т. е. отделение, абстрактного труда от труда конкретного, наметившееся еще в условиях докапиталистического товарного хозяйства. Затем оно приобретает форму отчуждения стоимости от потребительной стоимости, а далее — вид противоречия между формами стоимости, пока, наконец, не возникает отчуждение через отделение денег от товара.

Основное отчуждение происходит всегда в рамках эксплуатации труда, а потому в докапиталистических общественно-экономических формациях оно концентрировалось не столько в товарном обращении, игравшем значительную роль только в тех обществах, где натуральное рабовладельческое или феодальное хозяйство уже утрачивали свою самодостаточность, сколько в основном способе производства данной формации, а значит, в ее определяющем способе эксплуатации. И как раз при капитализме отчуждение, наоборот, выходит далеко за пределы основного способа производства. Так, «в капитале, приносящем проценты... *отчужденный характер* капитала, его противоположность труду лежит за пределами процесса эксплуатации, за пределами *действительного проявления этого отчуждения...*»¹³.

Отчуждение, в том числе отчуждение труда, по мысли некоторых наших авторов, появляется только при капитализме. Причем эта точка зрения, по их мнению, «в большей мере соответствует принципу историзма»¹⁴. Ссылаясь на положение о том, что «отличие индивида как личности от классового индивида... появляется лишь вместе с появлением того класса, который сам есть продукт буржуазии»¹⁵, они полагают (как вытекающее отсюда следствие), будто индивид до этого «не противостоял самому себе»¹⁶. Далее следует апелляция к чисто субъективным моментам: отношения личной зависимости при феодализме «не выглядят в строгом смысле слова отчуждением», в добуржуазных фор-

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. III, с. 520.

¹⁴ См.: Титаренко А. И., Воронцов Б. Н. О месте понятия отчуждения в системе категорий марксизма. — Вопросы философии, 1978, № 11, с. 108.

¹⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 77.

¹⁶ См.: Титаренко А. И., Воронцов Б. Н. О месте понятия отчуждения в системе категорий марксизма. — Вопросы философии, 1978, № 11, с. 109.

мациях зависимость «не воспринималась» именно как отчуждение¹⁷.

Конечно, капиталистическое отчуждение значительно более развито и разветвлено, чем его добуржуазные формы, но оно имело долгую предысторию, тесно связанную с историей частной собственности. Отчужденный человек несчастлив, но не всякий несчастный человек непременно уже тем самым отчужден. Человек, социально угнетенный и эксплуатируемый, чувствует себя не только несчастным, но и отчужденным (другое дело — что он не в состоянии это точно квалифицировать теоретическим образом). В этой ситуации он и прибегает к религиозной форме отчужденного самообмана.

В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» вопрос о докапиталистических формах отчуждения уже был поставлен Марксом на реальную почву истории. Как было подчеркнуто выше, отчуждение в докапиталистических формациях «гнездилось» прежде всего не в сфере денежного обращения, а в ведущем для каждой формации способе производства, носившем собственно экономический характер, отнюдь не сводившемся к отношениям личной зависимости, насилия и т. п.

Убедительно говорит в пользу тезиса о существовании докапиталистических форм отчуждения труда М. М. Розенталь. Он напоминает о замечаниях Маркса о характере труда в Древнем Египте, Индии, Мексике и связывает их с идеей, что «владение и лишенность средств производства есть то главное противоречие, которое порождает отчужденный труд». Так что отчуждение имеет место «и в других формациях, где труд одного человека присваивается другим человеком, владеющим условиями труда»¹⁸.

Не приходится спорить с тем, что капиталистическая эксплуатация связана с капиталистическим отчужденным трудом как наиболее интенсивной формой отчуждения. Пафосом разоблачения капиталистического отчуждения проникнуты все четыре тома «Капитала» Маркса.

Проблема отчуждения в «Капитале» занимает важное место. Категория отчуждения труда получила глубокое экономическое обоснование, учение об отчужде-

¹⁷ См. там же, с. 108, 109.

¹⁸ Розенталь М. М. Диалектика «Капитала» К. Маркса, с. 295, 301.

нии угнетенных и эксплуатируемых в целом развито как учение о гуманистическом содержании теории пролетарской революции и научного коммунизма. Перейдя к детальному исследованию механизма классовой эксплуатации, Маркс уже не мог ограничиться категорией отчуждения. Он не мог обойтись без нее не потому, что это снижало нравственный накал разоблачения капитализма, а потому, что это делало неоправданно узкой область собственно научной и строго объективной его критики.

Еще в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс очертил отличие отчуждения от опредмечивания вообще, а тем более от овеществления, отличие, предполагающее и их определенную связь. В «Капитале» процесс уточнения продолжается: обрисовывается отличие отчуждения от эксплуатации, предполагающее и тесную связь этих категорий. Конечно, к освобождению не от отчуждения как такового, а прежде всего от эксплуатации и угнетения звал Маркс пролетариат, поднимая его на революционную борьбу. Верно и то, что главное противоречие внутри современного нам буржуазного общества есть не отчуждение, а противоречие между основными его классами, вызываемое эксплуатацией и усугубляемое военной экспансией и гонкой вооружений.

Роль отчуждения в структуре капиталистического способа производства велика, она тесно связана с эксплуатацией. Ведь в самом механизме извлечения прибавочной стоимости через неоплаченный труд рабочих таится сущность «отчужденного от самого себя труда, которому созданное им богатство противостоит как чужое богатство, его собственная производительная сила — как производительная сила его продукта, его обогащение — как самообеднение, его общественная сила — как сила общества, властвующая над ним»¹⁹.

Антагонистическое противоречие между капиталистической частной собственностью и наемным трудом имеет в феноменах отчуждения не только свое последствие, но и сторону своего развития, а у истоков основного противоречия капитализма стояло и действовало раннее отчуждение. Недаром понятия «отчужденный характер

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. III, с. 268.

капитала» и *«антагонистический характер капитала»* Маркс употреблял как однопорядковые²⁰.

В товаре и товарном отношении как в элементарной «клетке» структуры капиталистической формации коренятся не только собственно экономические противоречия, но и отчуждение труда, причем причины и следствия здесь то и дело меняются местами. Недаром в число отчужденных форм социального общения Маркс включал и стоимость, и товар, и деньги, и ренту, и экономическую идеологию агентов капиталистического способа производства.

Общий вывод из обсуждения проблемы отчуждения среди советских философов тот, что в «Капитале» мы находим целую систему экономических и социально-исторических понятий и категорий, в разных связях и опосредствованиях сомкнутых с отчуждением, а частично накладывающихся на него. Среди них — понятия отделения абстрактного труда от конкретного, отрицательных последствий разделения труда, экспроприации производителей, эксплуатации, возникновения и углубления классового антагонизма, отражения базиса в иллюзорной идеологической надстройке и, конечно, товарного фетишизма.

Практика, уроки жизни, которые связаны со страданиями не только от материальных, но и от духовных форм отчуждения, играют большую роль в подготовке пролетариата к осуществлению им его великой революционной миссии. Не только базисные, но и надстроечные виды отчуждения поэтому «проанатомированы» в «Капитале» с большой тщательностью и глубиной. Тем самым обвинительный акт в адрес капитализма становится еще более грозным и неопровержимым.

Под надстроечными видами капиталистического отчуждения имеются в виду те моменты и последствия отчуждения труда, которые выходят за пределы собственно экономических явлений, т. е. за пределы непосредственной эксплуатации на производстве и прибавочной стоимости, частной собственности и ренты, стихии рынка и безработицы. К сфере действия указанных видов отчуждения относятся те процессы, в которых эксплуатация рабочего расширяется до широкой совокупности явлений притеснения и угнетения, жестокого

²⁰ См. там же, с. 519.

регламентирования и полицейского репрессирования, подавления личности и политического нажима. Сюда же включаются и те акции, посредством которых капитал дезориентирует, обманывает и усыпляет самосознание пролетариата, настойчиво стремится подавить его сопротивление, волю к организации и революционной борьбе.

В наши дни буржуазные политики придают особо важное значение обработке сознания трудящихся в свободное от их работы время, втягивая и это «свободное время» в круг феноменов отчуждения. Средствами так называемой «массовой культуры» всячески стараются закрепить в головах рабочих отчужденно-обманчивый, превратный, внешне привлекательный образ капиталистического рабства, придать ему насквозь фальшивый вид «общества изобилия». Вместе с тем индивидуалистический бунт против отчуждения приводит к формированию анархических и преступных элементов с ярко выраженной антисоциальной агрессивностью.

Опыт жизни и всесторонние теоретические исследования показали, что капитализм знает только одно средство «преодоления» своих противоречий — это их воспроизводство в расширенных масштабах. Отсюда — усиление эксплуатации и налогового пресса, разрушение производительных сил при кризисах, инфляция, колониальная экспансия, гонка вооружений и захватнические войны. Соответственно капитализм знает только одно средство «преодоления» отчуждения — это его воспроизводство в новых видах и формах, в том числе нацеленных на притупление классового сознания рабочих и разрушение их личностного начала. Отсюда — вторичные, надстроечные формы отчуждения в социальной психологии, морали, культуре, науке, религии, которые его, отчуждение, мистифицируют, консервируют и еще более углубляют.

Отчуждение личности означает деградацию и гибель человеческих ценностей. Ограничение категории отчуждения собственно экономическим аспектом, «попытка очистить понятие отчуждения от его аксиологического содержания равносильна его ликвидации»²¹.

²¹ Титаренко А. И., Воронцов Б. Н. О месте понятия отчуждения в системе категорий марксизма. — Вопросы философии, 1978, № 11, с. 105.

ОТЧУЖДЕНИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В «Капитале» Маркс сорвал маску со всех главных личин отчуждения, которыми капитализм не только закрепляет, но и прикрывает свое господство, делая его как бы анонимным. В своих трудах Маркс дал глубокий анализ возникновения и расширенного воспроизводства экономических и производных от них видов отчуждения, исследовал зависимость сознания людей от их общественного бытия в классово антагонистическом обществе, обнажив звериную мораль капиталистов и жестокую политику капиталистических государств, пригвоздив к позорному столбу буржуазное право.

Разоблачению отчужденного сознания Маркс уделил особое внимание, раскрыв отчужденные стороны не только морали, правовой идеологии, государственной политики и религии, но и сознания повседневного, прежде всего обыденно-экономического. Это товарный фетишизм, представляющий собой овеществление в сознании отчужденных отношений между людьми.

Товарный фетишизм — это извращенное, опять же отчужденное отражение в сознании фактов отчуждения труда: капитал объективно превращается в относительно самостоятельную вещную силу, что субъективно отражается в виде подъема фетишизации товара и денег на новую ступень. При товарном фетишизме продукты человеческого труда и мозга «представляются самостоятельными существами, одаренными собственной жизнью, стоящими в определенных отношениях с людьми и друг с другом». Для агентов капиталистического производства «их собственное общественное движение принимает форму движения вещей, под контролем которого они находятся, вместо того чтобы его контролировать»¹.

Товарный фетишизм — это совокупность экономических иллюзий, созданных деятельностью самих участни-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 82, 85.

ков объективного экономического процесса: людям представляется, что цены и стоимости присущи вещам «самим по себе», что деньги — это не средство обращения и т. д., а первичная в отношении товаров сила. Наиболее сильную мистификацию претерпевает капитал в его собственно денежной форме, приносящей проценты. О проценте Маркс пишет, что он «резюмирует отчужденный характер условий труда по отношению к деятельности субъекта»².

Прямое продолжение товарного фетишизма не в области суеверных представлений обывателей о «всеобществе» источника благополучия рантье, а в вульгарной буржуазной политической экономии, претендующей на статус научного сознания. Пресловутая триединая формула капитала, рассматриваемая Марксом в третьем томе «Капитала», — типичное выражение наукообразного, «теоретически» оформленного иллюзорно-фетишистского феномена. Обыденные представления охваченных товарным фетишизмом людей поднимаются до уровня ложной теории о том, что «сам по себе» капитал является источником прибыли, земля «сама по себе» — источником всей земельной ренты, а труд кормит рабочего посредством его заработной платы, будто бы труду «соответствующей». Уже в знаменитом параграфе первого тома «Капитала» «Товарный фетишизм и его тайна» указывается на непосредственную связь товарного фетишизма с буржуазной экономической теорией на стадии ее кризиса и упадка.

Есть мнение, что товарный фетишизм хотя и связан с отчуждением, все же не есть вид или форма последнего, а в науке у этих понятий «разные познавательные функции»³. Но как можно отделять отчуждение от овеществления и опредмечивания, иллюзорно переживаемых в товарном фетишизме? А тот аргумент, что фетишизму поддаются также и члены господствующего класса, не имеет силы, ибо и отчуждение кладет на них свою тлетворную печать. В современной нам буржуазной социологии и философии товарный фетишизм действует чуть ли не на каждом шагу как внутренний механизм отчужденного сознания.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. III, с. 519.

³ См.: Розенталь М. М. Диалектика «Капитала» К. Маркса, с. 306.

Всегда Маркс рассматривал как один из видов отчуждения религию. Именно в «Капитале» она характеризуется как одна из тех идеологических форм, в которые (на специфическом уровне иллюзий) драпируется товарный фетишизм. Задолго до М. Вебера, о «проницательности» которого столь шумят ныне буржуазные социологи и философы, Маркс указал на то, что протестантизм с его строем мышления стал наиболее эквивалентным религиозным образам буржуазного отношения к жизни, в конечном счете освящающим всякую фетишизацию капитала⁴. Духовная слепота человека, поработанного капитализмом, находит свое выражение не только в хаотическом бунтарстве, но и в религиозном пиетете, в преклонении перед «высшей силой». В наши дни философские формы религии (неотомизм, «диалектическая теология», персонализм) глубоко укоренились в буржуазном сознании.

В современной буржуазной философии категория отчуждения претерпела многочисленные злоключения. Повышенный интерес к ней не случайно совпал по времени с первой публикацией «Экономическо-философских рукописей 1844 года» и с немедленно обрисовавшейся тенденцией извращения этого сочинения молодого Маркса в духе надклассового антропологического гуманизма. К идеям абстрактного гуманизма апеллируют социолог Л. Мэмфорд, философы Э. Фромм и Ю. Хабермас. Они много рассуждали об опустошении современного человека техникой и новейшим городским образом жизни. Экзистенциалист К. Ясперс настойчиво убеждал своих читателей, что все современное общество обездушилось вследствие тлетворного отчуждающего воздействия науки, техники и атеистического миропонимания. Эти осуждающие всю современную цивилизацию слова, однако, метят совсем не в частнособственные основы капитализма. Как хорошо показал Э. М. Ситников, подобные инвективы носят несомненный апологетический характер, а в теоретическом отношении тесно связаны с антропологическим извращением и абсолютизацией идеологических форм отчуждения⁵.

Одна из наиболее характерных современных буржуазных концепций отчуждения сложилась во Франк-

⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 89—90.

⁵ См.: Ситников Э. М. Проблема «отчуждения» в буржуазной философии и фальсификаторы марксизма. М., 1962.

фуртской школе, и здесь не обошлось без влияния со стороны раннего Г. Лукача и экзистенциалистов. Следует вкратце остановиться на этих источниках «франкфуртской» концепции отчуждения.

В сочинении Г. Лукача «История и классовое сознание» проводилась не только уже отмеченная выше ложная идея о тождестве отчуждения и опредмечивания, но также и не менее ложный тезис о снятии отчуждения через одно лишь самопознание рабочим классом своей исторической миссии могильщика отчуждения. Чрезвычайно преувеличив значение этой проблемы и сведя всю историю к истории смены форм и видов отчужденного овеществления, ранний Лукач придал отчуждению идеалистически мистифицированный вид. Исходя из отождествления отчуждения и опредмечивания, Лукач дал чисто спекулятивное определение пролетариата как субъекта критики овеществления: «Пролетариат по своему положению есть критика, отрицание этих (овеществленных.— *И. Н.*) жизненных форм»⁶. И этот тезис шел у Лукача рука об руку с крайне абстрактным истолкованием революции и деятельности коммунистической партии, с критикой любых форм государственности.

Это отнюдь не соответствовало взглядам ни молодого, ни зрелого Маркса. Позднее, познакомившись с «Экономическо-философскими рукописями 1844 года», Лукач пересмотрел свои взгляды на отчуждение. Однако прежняя его позиция была подхвачена многими буржуазными философами-идеалистами и ревизионистами, в том числе экзистенциалистом Ж.-П. Сартром, и они оказали немалое влияние на мировосприятие многих групп западной интеллигенции. Повлияли они и на «франкфуртцев». Через ранние работы Лукача эти философы познакомились в ряде случаев с самой проблемой отчуждения.

В построениях одного из лидеров этой школы — Т. Адорно вполне прослеживается воздействие такого шаблона Лукача, как отождествление отчуждения с овеществлением. Через Лукача воспринял, по-видимому, Адорно и отождествление отчуждения с обездушенной «рациональностью» в духе социолога М. Вебера, трактовавшего мышление современного человека как бес-

⁶ *Lukács G. Geschichte und Klassenbewußtsein. Studien über marxistische Dialektik. Neuwied und Berlin, 1968, S. 163.*

сердечную расчетливость, сопровождаемую полным равнодушием к ценностям гуманизма.

С точки зрения подобных установок между буржуазией и пролетариатом нет абсолютно никакой разницы в отношении отчуждения: оба класса будто бы в равной мере его «жертвы» и все их представители переживают отчужденное состояние как бессмысленность собственного бытия. Ошибочность такого взгляда была уже отмечена. Добавим, что это тесно связано с пониманием отчуждения как абсурдности и произвола.

Еще один нюанс концепции отчуждения у Адорно состоит в гипертрофии факта общей подверженности всех современных людей манипулированию сознанием, словно это манипулирование исходит не от определенного класса, а именно буржуазии, а от некоей всеобщей «анонимной» силы. Для Адорно овещнение, чувство бессмысленности существования и незащитность перед навязываемыми извне мнениями и шаблонами оценок есть всеобщая структурная особенность человеческой жизни, своего рода вариант первородного греха.

С этим взглядом у Адорно причудливо сочетается вульгарно-социологический тезис, будто отчуждение непосредственно возникло из разделения труда. Отчуждение у Адорно приобретает сугубо идеологический смысл, и любая идеология сама становится видом отчуждения. В обоих случаях отчуждение выглядит у Адорно как неискоренимый фатальный феномен⁷. Другой представитель Франкфуртской школы — Г. Маркузе в том же духе заявил, что «уже в сущности человека заложено «отчуждение»»⁸.

«Франкфуртцы», а также шедшие в их фарватере деятели журнала «Праксис» повторили многие из избитых схем буржуазной антикоммунистической пропаганды. То и дело заявляли они о том, что обобществление производства, социалистический коллективизм и продолжающаяся экспансия техники означают деумерщвление личностного начала и нивелировку сознания (Маркузе называл эту нивелировку «одномерностью» человека) и вообще воспроизводят худшие сто-

⁷ Adorno Th. W. Negative Dialektik. Frankfurt am Main, 1966, S. 272.

⁸ Marcuse H. Neue Quellen zur Grundlegung des historischen Materialismus. Interpretation der neuveröffentlichten Manuskripte von Marx. — «Die Gesellschaft». Berlin, 1932, N 8, S. 153.

роны капиталистического способа производства и образа жизни. Даже такие явления, как шизофрения, сексуальная распущенность и инфантилизм, характеризуются теоретиками Франкфуртской школы не как те или иные, в том числе отдаленные, следствия отчуждения, а как его непосредственные виды.

Производные, собственно идеологические формы отчуждения, начиная с товарно-фетишистской аберрации экономического сознания, «франкфуртцы» объявляют исходными, изначальными. При этом само понятие товарного фетишизма деформируется: в отличие от трактовки его Марксом как иллюзорного отражения в экономическом поведении и сознании агентов капиталистического способа производства факта отчуждения труда, теоретики Франкфуртской школы истолковали его как первичное социально-психологическое явление вообще. Отчуждение труда подменяется самоотчуждением сознания от труда.

Эта интерпретация стирает многие частные отличия, разделяющие «франкфуртскую» концепцию отчуждения и вульгарно-социологические построения «технико-урбанистического» отчуждения Я. Хоммеса, Т. Литта и многих других буржуазных философов и социологов, объявивших своей задачей критику пресловутого «единого индустриального общества».

«Франкфуртцы» представили отчужденное (овеществленное) сознание как тотальную безличность. В своем главном сочинении Адорно много рассуждал о том, что люди самоотчуждены с самого начала своего бытия, и они в состоянии «выносить» только отчужденное окружение⁹. Этот тезис означал полное отрицание возможности постепенного воспитания и развития революционного классового самосознания пролетариата и вообще отрицание какой-либо возможности ниспровергнуть отчуждение. Адорно как-то выразился, что только отчаяние могло бы «спасти» современного человека. Иначе говоря, спасения нет, налицо тупик безысходности.

В этом пункте обнаруживается зависимость «франкфуртской» концепции отчуждения от воззрений экзистенциалистов — М. Хайдеггера, К. Ясперса, А. Камю и Ж.-П. Сартра.

У Хайдеггера категория отчуждения выступает в ви-

⁹ Adorno Th. W. Negative Dialektik, S. 272.

де понятия «нигилизм», означающего всеобщую опустошенность сознания и утрату ценностных характеристик бытия¹⁰.

«Нигилизм» распространяется всюду, переживая различные этапы становления и развития. Согласно Хайдеггеру, «нигилизм» сначала выступает в зародышевой форме как переживание абсурдности и «страха». Затем он становится «неполным». На этой стадии он уничтожает ценности (идеалы), заменяя их псевдоценностями (мнимыми идеалами). К числу последних он относит не только волю к власти и политическому господству вообще, разгул корыстолюбия и т. д., но и всякую практику, направленную на достижение гуманистических целей,— борьбу за научно-технический прогресс и борьбу за претворение в жизнь коммунистических идеалов. Все это, по мнению Хайдеггера, только иллюзия и самообман, никакая предметная деятельность не может избежать нигилистической опустошенности, наоборот, она ее усугубляет¹¹.

И зародышевая, и «неполная» стадии «нигилизма» суть не что иное, как отчуждение. Здесь мы видим своеобразие идеалистической хайдеггеровской схемы развития отчуждения: отчуждение как мучительная опустошенность человеческого духовного «существования» предшествует отчуждению как опредмечиванию, оправдываемому иллюзорными ценностными аргументами.

Высшая стадия, или фаза, развития «нигилизма», по Хайдеггеру, означает полное и притом совершенно добровольное (свободное) самоотчуждение человека. Происходит как бы «отрицание отрицания», возвращение к начальной фазе «нигилизма» как опустошенности духа, но уже с полным осознанием корней абсурдности бытия и глубинных причин «страха».

Это возвращение некоторые экзистенциалисты, особенно Камю, истолковали как своего рода «победу» человека, поправшего свои иллюзии и решившегося наконец-то смело посмотреть в глаза трагической правде, отказаться от рутины повседневности с ее кажущимся преодолением кардинальных вопросов жизни и смерти. Но это не «победа», а лишь примирение с состояни-

¹⁰ Heidegger M. Nietzsche, Bd. I. Berlin, 1961, S. 65—96.

¹¹ Там же.

ем отчаяния. Оно ранее не осознавалось в своих истоках, а только переживалось как непонятный разрыв сознания. Теперь оно осознается в своем экзистенциальном значении, но это ведет к еще более мучительной безысходности. Саму же эту безысходность экзистенциалисты пытались осмыслить как выход из положения: пассивную правду отчаяния они предложили превратить в активную работу по углублению экзистенциального отчаяния. Самоотчуждение объявляют чуть ли не благом, тогда как свободу (антипод отчуждения) экзистенциалисты всегда порицали как несчастье и трагедию человека. Впрочем, у Сартра свобода и отчуждение совпадают, ибо свобода означает крушение всех барьеров и хаос¹².

Стадия «неполного нигилизма» (отчуждения) связана у экзистенциалистов с господством обывательского, усредненного, недалекого сознания. Носители его пренебрежительно были названы Хайдеггером «человечками» (*das Man*), а Ясперсом — людишками «в скорлупе» или «в футляре» (*Gehäuse*)¹³. «Человечки» Хайдеггера — это то же самое, что и «одномерные» люди Маркузе или человек-автомат социолога А. Вебера. Отчужденные люди лишены прибежища, в отношении своей сущности «бездомны». Всякое прибежище обывателя обманчиво и коварно: ни временно устроенный личный мирок, ни будто бы целебная мощь науки, ни заманчивое участие в политической жизни и экономической деятельности, вообще никакая деятельность не спасут, по мнению экзистенциалистов, человека в современном мире.

У Сартра аналогичная схема отчуждения, те же его три лика: начальный, неполный и развитый. Здесь есть и отчуждение в повседневность как всякое опредмечивание, и панический страх перед свободой, и раскол личного самосознания, и нигилистическая опустошенность. И в конце концов (подобно хайдеггеровскому тотальному «нигилизму» — представителю третьей фазы самоотчуждения), сартровский индивид получает рекомендацию, несмотря ни на что, броситься в пучину

¹² Sartre J.-P. *L'Être et le Néant*. Paris, 1957, p. 77; см. также: Давыдов Ю. Н. Труд и свобода. М., 1962.

¹³ Jaspers K. *Psychologie der Weltanschauungen*. Berlin—Göttingen—Heidelberg, 1954, S. 304; Heidegger M. *Sein und Zeit*. Tübingen, 1960, S. 126.

«свободного выбора», который, добавим, у позднего Сартра стал очень напоминать авантюристический «великий отказ» Маркузе. Особый способ принятия «факта» абсурдности бытия сводится на проверку к утверждению этой абсурдности и к мазохистскому самостязанию в «пограничных ситуациях» Ясперса.

Схема многоступенчатого отчуждения как отворачивания к земной жизни может быть выявлена и у экзистенциалистов христианского толка вроде Г. Марселя. Эта схема соединяется у них с трехступенчатой структурой отчуждения от бога (вместо отчуждения от сущности у экзистенциалистов-атеистов). Пресловутое «райское любопытство» невинного неведения привело к отчуждению людей от бога через их грехопадение и их наказание. Затем на земле это отчужденное «любопытство» превратилось у изгнанных из рая людей в жажду наслаждений, в стремление к обладанию. Люди стали рабами своих страстей. Наконец, их попытки освободиться от угнетающего бремени греховности самым радикальным образом, через принятие позиции атеизма, довели их отчуждение от высшего божественного начала до крайности.

Конструкция этого религиозного отчуждения была намечена у многих теологов (Ж. Фессар, П. Биго, П. Тиллих, Ж. Кальвез), которые так или иначе использовали мотивы спекулятивных построений Гегеля по поводу христианских догм (троица, грех, искупление и др.), соединив их с извращенным понятием отчуждения труда, заимствованным у Маркса¹⁴. Зачинатель экзистенциализма С. Кьеркегор был противником Гегеля, но в сочинении «Понятие страха» (1844) он наметил ту же самую конструкцию, но в более изощренной форме.

Стандартный христианский рецепт выхода из состояния отчуждения через покаяние и возвращение покорных блудных детей к богу и учение о «тотальном нигилизме» мнимого атеиста Хайдеггера не очень отличаются друг от друга. Обе концепции требуют погружения в состояние полной душевной сокрушенности. У религиозных экзистенциалистов католика Марселя и лютеранина Ясперса произошло почти полное совпаде-

¹⁴ Что касается теологической интерпретации и критики учения К. Маркса об отчуждении, то она рассмотрена в ряде работ Т. И. Ойзермана.

ние этих построений, хотя оба они декларировали преодоление «нигилизма» верой. У них оказались затухшими и социально-политические эквиваленты различных стадий его развития. «Неполный нигилизм» созвучен бесперспективности современной буржуазии и страданиям мелкобуржуазных слоев в тисках капитализма, с которым они все-таки продолжают по инерции связывать свои судьбы. «Нигилизм» тотальный (полный) «напоминает о тех авантюристических настроениях, под влиянием которых анархизирующий мелкий буржуа не раз в истории XX века находился в компании с самой оголтелой реакцией»¹⁵.

В ультралевых построениях часто отражается проблема отчуждения свободного, нетрудового времени людей, ставшего характерной особенностью современного империализма, когда сам отдых превращается в новую форму угнетения трудящихся, насильственной «обработки» их мозгов, идеологических репрессий и т. д. Анархическим ответом на эту ситуацию явился «Опыт об освобождении» (1969) Маркузе. В этой утопии он прокламировал превращение всего времяпрепровождения людей в тотальную праздность. При этом Маркузе изощренно спекулировал на мысли Маркса, что труд в условиях развитого коммунистического общества станет свободной творческой деятельностью. Реакционный смысл таких спекуляций Маркузе бесспорен.

Во второй половине XX в. на волне антикоммунизма возникло немало построений, в которых отчуждение сводится только к его гипертрофированной политической разновидности. Ревизионисты и разношерстные враги реального социализма с нудной навязчивостью повторяют тезис о вечно отчужденном характере всякого государства, разглагольствуют о том, что основное внутреннее противоречие социалистических обществ в принципе заключается в антагонизме между народными массами и отчужденной бюрократией государственного аппарата и т. д. Вредоносная сущность этих рассуждений очевидна. В подобных построениях спекуляции на различных фактах истории середины и второй половины XX в. идут рука об руку с ложным истолкованием трудов классиков марксизма-ленинизма и с фальшивыми домыслами и злонамеренными легендами. Наша кри-

¹⁵ Философские науки, 1966, № 1, с. 71.

тика в адрес всех таких антикоммунистических построений основывается на марксистско-ленинском учении о диалектике политики и экономики, о подлинной сущности и диалектическом развитии диктатуры пролетариата как государственного общественного устройства на определенных фазах его становления и развития. В условиях развитого социализма и международного государства крепнет и развивается глубокое единство партии и народа.

Исследование проблемы отчуждения в «Капитале» К. Маркса, где показана изменяющаяся функция эксплуататорского государства в становлении капиталистических форм эксплуатации и отчуждения, анализ исторической роли государства в работе В. И. Ленина «Государство и революция», новейшие партийные документы не оставляют места для каких-либо принципиальных теоретических неясностей. Ясна и последовательна политика КПСС и Советского государства. «Неясности» созданы буржуазными марксологами, ревизионистами и прочими антисоветчиками, которые не желали и не желают правильно понять и учесть исторические уроки.

Противопоставленные аутентичному марксистскому учению об отчуждении псевдомарксистские и открыто антимарксистские концепции не отличаются ни единством, ни цельностью. Попытки унифицировать их, кончившиеся провалом, относятся в основном к 50-м гг. XX в. Их предпринял, например, Х. Попитц в книге «Отчужденный человек» (Базель, 1953), где в основу всех феноменов отчуждения был положен пресловутый демонизм техники — идея, в которой искаженно отразилось господство овеществленного труда над живым. Ту же идею, но с ярко выраженной религиозной окраской науки и техники как формы отчужденного бунта против католического бога проводил Я. Гоммес в книге «Технический эрос» (Фрейбург, 1955).

Американский социолог М. Симен попытался не сводить содержание категории отчуждения к некоторому единству, а, наоборот, разложить его на пять разных компонентов: бессилие, бессмысленность бытия, ликвидация ценностей и норм, одиночество и деперсонализация человека¹⁶. Эта схема далека от полноты,

¹⁶ Seeman M. On the meaning of alienation. — American sociological Review. New York, 1959, vol. 24, p. 783—791; Israel J. Der

а главное — в ней обходится стороной вопрос о внутренней структуре процессов возникновения и развития отчуждения, а тем более о его источнике и причинах. Эта схема сводится только к перечню элементов деструкции опыта субъекта и свидетельствует о теоретической беспомощности буржуазных исследователей.

В современных мелкобуржуазных концепциях отчуждения налицо перенесение центра тяжести с отчуждения труда на отчуждение содержания свободного времени и потребления. Это было уже видно в связи с некоторыми идеями Г. Маркузе, но данное перенесение имело место и в работах Э. Фромма, а также Ю. Хабermаса и других представителей мелкобуржуазной социологии 60—70-х гг. XX в. В определенной мере это отражает действительный факт использования современным капитализмом достижений в области связи и коммуникации (радио, телевидение и др.) для более полной «эксплуатации душ» трудящихся с целью закрепления их подчиненности господствующему классу. Но отчуждение времени досуга и удовлетворения потребностей истолковывается мелкобуржуазными критиками при этом феноменалистически: отчуждение внеуродовых процессов обособляется от отчуждения труда и превращается в нечто самодовлеющее. Ныне не исчезли те производные от отчуждения труда формы, которые гипостазировались в прошлом столетии, — товарный фетишизм, фетишизация капитала и вообще денег (младогегельянец М. Гесс, а потом неокантианец Г. Зиммель доказывали, что деньги — это главная сила отчуждения). Но к этим гипостазам прибавились новые, и дело дошло до того, что в самостоятельную отчужденную силу превратили время, которое как бы давит своей бессмысленной пустотой на человека. Здесь снова не обошлось без экзистенциалистских мотивов, ибо главное заключается в том, что социально-психологические аспекты отчуждения концентрируются в переживаниях бессмысленности существования человеческой личности, коль скоро она склонилась под давлением капиталистических отношений. На современных буржуазных концепциях отчуждения лежит печать безысходности.

Begriff der Entfremdung. Makrosoziologische Untersuchung von Marx bis zur Soziologie der Gegenwart. Hamburg, 1970.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отчуждение — это прежде всего отчуждение эксплуатируемого труда, над которым возвышается иерархия производных форм и их социально-психологических и идеологических отражений. Отчуждение — это объективный социальный процесс, уходящий корнями в историю антагонистического разделения труда и выражающийся в деформирующем господстве овеществленного труда над трудом живым, общественных отношений — над человеком. Капитализм — лоно тлетворных процессов отчуждения. Различные их стороны запечатлены в творчестве Ф. Достоевского, Ф. Кафки, А. Камю. Отчуждение заклеямили М. Горький, Т. Драйзер, Т. Манн, А. Зегерс, У. Фолкнер, Г. Гессе и др.

И в политике, и в государственной жизни, и в идеологии, и в психологии труда, и в сфере быта, семьи — всюду в условиях капитализма возникают фетишистские формы и следствия отчуждения. Отношение к труду как к несчастью, нравственное и культурное отчуждение, превращение брака в бездушную денежную сделку, разгул индивидуализма, дополняемый обывательскими стадными чувствами, омертвляющий формализм буржуазного права и уродливые формы личной жизни — все эти многообразные и взаимно переплетающиеся явления, как мы знаем, были осуждены К. Марксом не только в «Капитале», но и в других его работах. Это — «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Гражданская война во Франции». Здесь важно указать также на книгу Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Маркс и Энгельс отнюдь не считали силы отчуждения непобедимыми и вечными. Такими их объявили явные или скрытые апологеты капитализма. В наши дни это, например, экзистенциалисты, французские неогегельянцы, представители Франкфуртской школы и так называемые новые философы во Франции. В свое время Л. Фейербах трактовал религию как результат отчуждения человеческой сущности. Экзистенциалисты и иже с ними пошли в ином направлении: они стали вы-

водить само содержание человеческого существования из состояния отчуждения, перманентного, неистребимого и губительного.

Основоположники марксизма показали, что уже в условиях капитализма пролетариат начинает освобождаться от товарного фетишизма по мере формирования и развития классового самосознания. В ходе классовой борьбы и овладения революционной теорией рабочий класс учится преодолевать иллюзии, порожденные отчуждением. Там же, где классовая борьба пролетариата достигает степени борьбы политической, освобождение его от духовных форм отчуждения вступает в решающую фазу. Однако оковы отчуждения исчезают лишь тогда, когда уничтожаются оковы капиталистической эксплуатации. Для этого необходима социалистическая революция. Она не только отбрасывает отчужденные иллюзии, но и через ликвидацию частной собственности на средства производства упраздняет экономический базис, державшийся на эксплуатации человека человеком.

Социалистическая революция подрывает питательную почву для любых видов отчуждения, генеалогия которых восходит к отчуждению труда. Построение развитого социалистического общества и дальнейшее движение к коммунизму — вот тот путь социального прогресса, на котором окончательно гибнут как реликты, так и рецидивы отчуждения.

Отчуждение не порождается сущностью социалистических отношений. Другое дело — что в отдельных социалистических странах, в особенности в период построения социализма, на конкретных этапах их истории в силу разных причин, в том числе и ошибок руководителей, плеве́лы отчуждения могут снова дать о себе знать.

Напомним в этой связи мудрые слова В. И. Ленина о том, что такое положение может быть объяснено «исключительно бюрократическими извращениями пролетарского государства и всяческими остатками капиталистической старины в его учреждениях, с одной стороны, и политической неразвитостью и культурной отсталостью трудящихся масс, с другой»¹⁷.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов подчеркивает: «Даже тогда, когда окончательно уста-

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 344.

навливаются социалистические производственные отношения, кое у кого еще сохраняются, а то и воспроизводятся индивидуалистические привычки, стремление поживиться за счет других, за счет общества. Все это, пользуясь терминологией Маркса, последствия отчуждения труда, и они не улетучиваются автоматически и вдруг из сознания, хотя само отчуждение уже ликвидировано»¹⁸.

Полное упразднение всех остатков и ростков отчуждения — это длительный путь, хотя он значительно короче той дороги, которую прошло отчуждение в своем долгом историческом развитии. Полное уничтожение явлений отчуждения предполагает существенное изменение сознания и масс и каждого отдельного человека. Необходимо преодолеть консервативную духовную инерцию пассивных, отсталых, а тем более прямо антиобщественных элементов, ставящих себя в положение индивидов, отчужденных от социалистического общества. Такие люди проявляют иногда и отрицательную активность: они используют малейший просчет в политике, в деятельности административного аппарата, экономике и культуре, совершая поступки, в корне чуждые интересам общества, а то и прямо враждебные ему.

Но что бы ни кричали идеологические противники, указывая пальцами на неполадки и изъяны нашей жизни, фундаментальным фактом, проясняющим суть дела, является то, что социалистические государства и коммунистические партии, идущие по ленинскому пути, непреклонные противники отчуждения. Единая и единственная цель коммунистов — благо и счастье народа. Недаром на XXVI съезде КПСС с полным основанием было сказано: «Советские люди знают: девиз партии — все для блага советского человека, все во имя человека. Знают и поэтому горячо поддерживают политику партии»¹⁹. Коммунизм и отчуждение несовместимы.

¹⁸ Андропов Ю. В. Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР. — Коммунист, 1983, № 3, с. 12.

¹⁹ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 218.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Глава I. ПРОБЛЕМА ОТЧУЖДЕНИЯ В ФИЛОСОФИИ ГЕГЕЛЯ	10
Глава II. «ЭКОНОМИЧЕСКО-ФИЛОСОФСКИЕ РУКОПИСИ 1844 ГОДА» К. МАРКСА И ПРОБЛЕМА ОТЧУЖДЕНИЯ	38
Глава III. ЛИКВИДАЦИЯ ОТЧУЖДЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЧЕЛОВЕКА	67
Глава IV. СТРУКТУРА ОТЧУЖДЕННЫХ СОСТОЯНИЙ В «ЭКОНОМИЧЕСКИХ РУКОПИСЯХ 1857—1859 ГОДОВ»	86
Глава V. ТЕОРИЯ ОТЧУЖДЕНИЯ В «КАПИТАЛЕ»	108
Глава VI. БАЗИСНЫЕ И НАДСТРОЕЧНЫЕ ВИДЫ ОТЧУЖДЕНИЯ	118
Глава VII. ОТЧУЖДЕНИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ	129
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	141

Игорь Сергеевич Нарский

ОТЧУЖДЕНИЕ И ТРУД

По страницам произведений К. МАРКСА

Заведующий редакцией Ю. И. Аверьянов

Редактор Л. Я. Куркина

Младший редактор Е. П. Кириллова

Оформление художника Ю. С. Лилова

Художественный редактор Ш. Г. Джигоев

Технический редактор Л. В. Барышева

Корректор Т. С. Пастухова

ИБ № 1739

Сдано в набор 17.05.82. Подписано в печать 14.03.83. А 10863. Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Литерат. гарнитура. Усл. печатных листов 7,56. Учетно-издательских листов 7,84. Усл. кр.-отт. 7,89. Тираж 10 000 экз. Заказ № 1440. Цена 65 к.

Издательство «Мысль», 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Типография издательства «Калининградская правда», 236000, г. Калининград, ул. Карла Маркса, 18.

65 к.